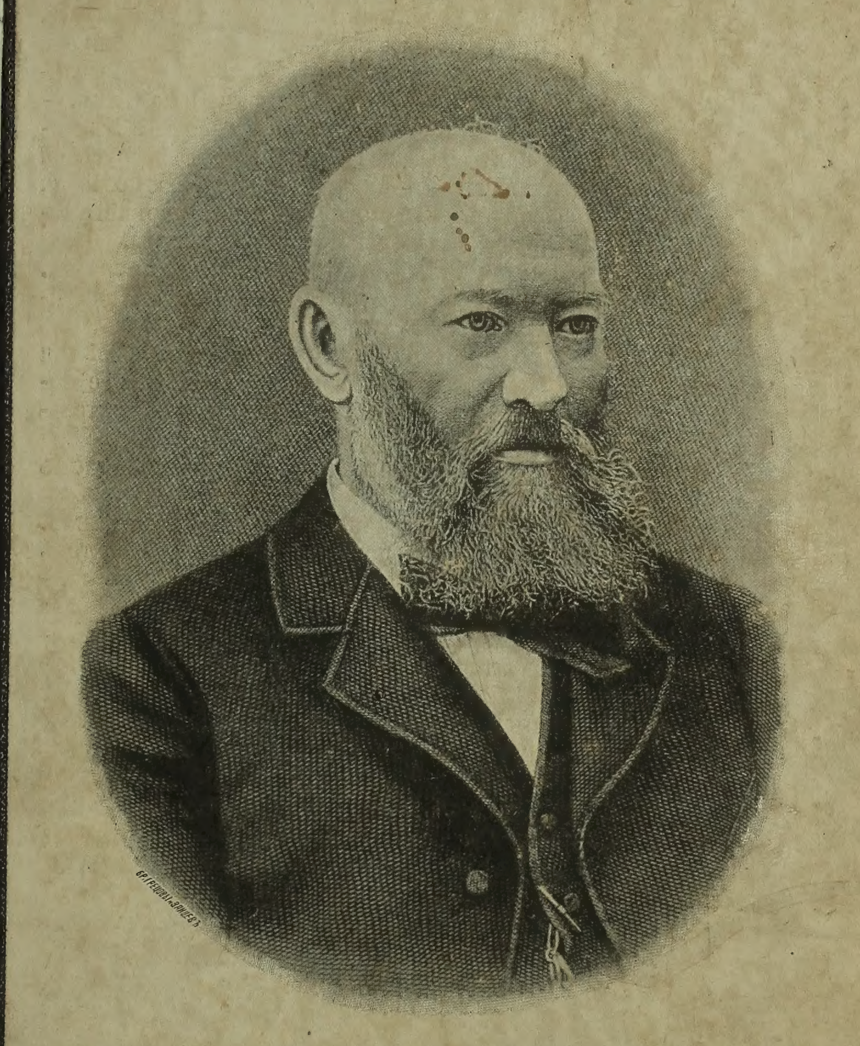
Александръ Николаевичъ ОСТРОВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

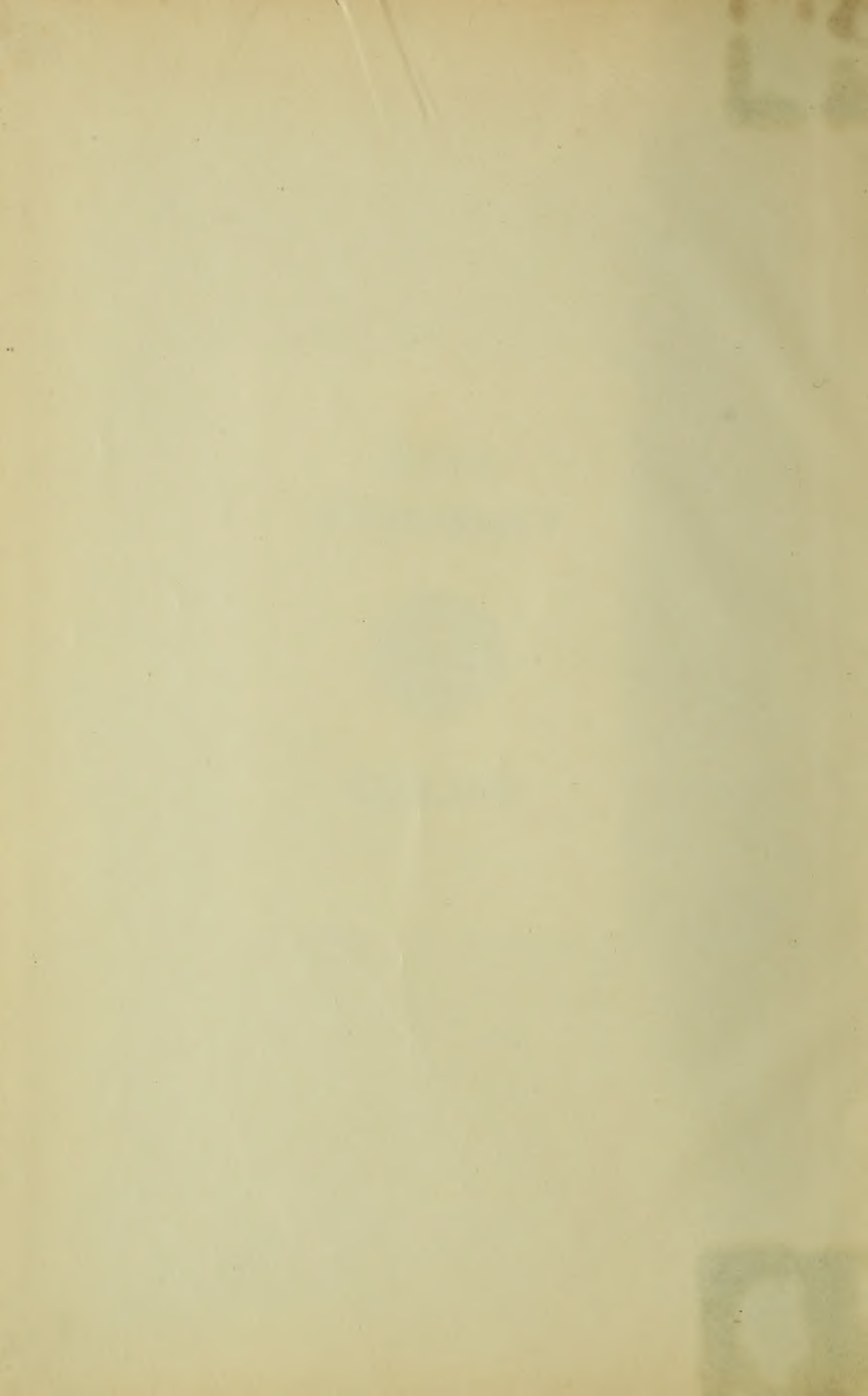
Сборникъ историко-литературныхъ статей

СОСТАВИЛЪ

В. И. Покровскій

Москва 1905.

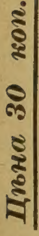
Александръ Николаевичъ
ОСТРОВСКІЙ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

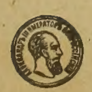
Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

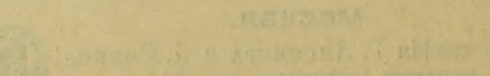
В. Покровскій.

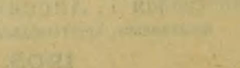

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Островскій до поступленія на службу.

Родъ Островскихъ происхожденіемъ изъ Костромской губерніи. Дѣдъ его, Ѳедоръ Ивановичъ Островскій, былъ протоіереемъ въ Благовѣщенской церкви въ городѣ Костромѣ. Овдовѣвъ въ 1810 году, онъ пріѣхалъ въ Москву и постригся въ московскомъ Донскомъ монастырѣ, подъ именемъ Ѳедота. Впослѣдствіи онъ принялъ схиму. Онъ отличался высокимъ иноческимъ подвигомъ и пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ монастырской братіи. Онъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ и погребенъ близъ сѣвернаго храма Донского монастыря.

У Ѳедора Ивановича Островскаго было шесть человѣкъ дѣтей: четыре сына и двѣ дочери; изъ нихъ, старшій, Николай Ѳедоровичъ, родившійся въ 1796 году,— отецъ Александра Николаевича. Онъ окончилъ курсъ въ Костромской духовной семинаріи, откуда перешелъ въ Московскую духовную академію, гдѣ и завершилъ свое образованіе, удостоившись степени кандидата. По окончаніи курса, Николай Ѳедоровичъ опредѣлился на службу въ канцелярію общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Въ первый же годъ своей службы Николай Ѳедоровичъ женился на дочери просвирни. Два первыхъ сына отъ этого брака скончались младенцами. Александръ Николаевичъ былъ третьимъ сыномъ по порядку рожденія и первымъ, обѣщавшимъ долговѣчную жизнь. Молодые супруги, родители нашего драматурга, въ то время жили въ другой части города, въ Замоскворѣчьѣ. Здѣсь, на сквозномъ участкѣ, между Малой Ордынкой и Голиковскимъ переулкомъ, стоитъ небольшой пятиглавый храмъ съ шатровой колокольней, довольно красивый памятникъ архитектуры конца XVI или начала XVII вѣка,

во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, что въ Голикахъ. Храмъ этотъ извѣстенъ въ Москвѣ по чудотворной иконѣ Божіей Матери Троеручницы. Въ домѣ дьякона этой церкви, 31 марта 1823 г. родился Александръ Николаевичъ.

Отецъ Александра Николаевича продолжалъ свою службу въ канцеляріи Сената до 1825 года, когда онъ перешелъ въ болѣе удовлетворительную, въ матеріальномъ отношеніи, должность секретаря Московской палаты. Семья Николая Ѳедоровича умножалась, но дѣти были, большею частію, недолговѣчны, да и жена скоро скончалась (1831 г.). Послѣ нея въ живыхъ осталось шесть малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Александру Николаевичу, не было еще и девяти лѣтъ. Воспитаніе его было предоставлено случаю. Однако отецъ его озаботился подготовить настолько, чтобы онъ могъ поступить въ гимназію. Въ сентябрѣ 1835 года Николай Ѳедоровичъ подаетъ въ Московскую губернскую гимназію (нынѣ 1-я) прошеніе о принятіи А. Н., „въ такой классъ гимназіи, въ который по экзамену онъ окажется достойнымъ“. При этомъ Николай Ѳедоровичъ писалъ въ прошеніи, что А. Н., „коему отроду 12 лѣтъ, по-россійски писать и читать умѣетъ и первые четыре правила ариѳметики знаетъ“. Въ 1836 году отецъ женился во второй разъ; въ 1838 году Николай Ѳодоровичъ, уже заслужившій дворянское достоинство, ходатайствуетъ о внесеніи себя и дѣтей своихъ, въ томъ числѣ и А. Н., въ дворянскую родословную книгу Московской губерніи, въ 1840 г. оставляетъ службу въ Гражданской палатѣ и начинаетъ заниматься ходатайствомъ по гражданскимъ дѣламъ. Въ это время, 19-го іюня 1840 года А. Н. оканчиваетъ курсъ гимназіи съ правомъ поступленія въ университетъ безъ предварительнаго испытанія. Островскій пользуется этимъ правомъ, и поступаетъ въ томъ же году въ Московскій университетъ. *Носъ.*

Служебная дѣятельность Островскаго и первые его литературные труды.

По оставленіи университета 19 сентября 1843 года „не имѣющій чина изъ дворянъ“ Александръ Николаевичъ зачисляется канцелярскимъ служителемъ въ Московскій совѣст-

ный судъ. Самое названіе это отошло уже въ область преданій. Это былъ судъ, учрежденный въ 1775 году Екатериной II для рѣшенія дѣлъ по совѣсти. Онъ разсматривалъ дѣла уголовныя по жалобамъ родителей на дѣтей, по преступленіямъ, совершоннымъ малолѣтними и глухонѣмыми; по преступленіямъ, совершоннымъ по стеченіи особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ; по дѣламъ гражданскимъ онъ обязательно разрѣшалъ иски родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ и необязательно — всѣ гражданскія дѣла, по которымъ тяжущіеся согласятся разрѣшить свой споръ мировымъ соглашеніемъ по совѣсти. Въ такомъ-то судѣ нашъ драматургъ впервые ознакомился съ интересными судебными процессами и получилъ первый матеріалъ для наблюденія отрицательныхъ явленій семейнаго и общественнаго быта. Но пребываніе А. Н. въ этомъ судѣ въ качествѣ канцелярскаго служителя 1-го разряда было не продолжительно. 10 декабря 1845 года Островскій опредѣляется въ канцелярію Московскаго коммерческаго суда по 1-му отдѣленію въ словесный столъ, присягаетъ на вѣрность службы, опредѣляется съ производствомъ жалованія, столовыхъ и квартирныхъ денегъ по трудамъ и заслугамъ. Другими словами, жалованье было назначено по усмотрѣнію начальства, а именно въ размѣрѣ 4 рублей въ мѣсяцъ, менѣе противъ положеннаго, по табели, хотя и это послѣднее опредѣлялось въ 5 рублей 62½ копейки. Между тѣмъ, несмотря на такое скудное жалованье, вслѣдствіе производства въ первый классный чинъ (29 сентября 1844 года), съ А. Н. произведенъ вычетъ въ суммѣ 11 руб. 40½ коп. Само собою разумѣется, что эта служба и получаемое за нее жалованье не давали А. Н. средствъ къ жизни. Его отецъ, благодаря удачной практикѣ, въ качествѣ ходатая по гражданскимъ дѣламъ, въ то время пріобрѣлъ порядочныя средства, имѣлъ домъ и, конечно, давалъ средства и сыну. Коммерческій судъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, былъ открытъ въ 1832 году и, слѣдовательно, въ годъ поступленія А. Н. на службу. Это учрежденіе было сравнительно молодое и по своему характеру отличавшееся менѣе устарѣлыми формами судопроизводства. Знакомство А. Н. съ дѣлами этого суда, еще болѣе знакомство его съ практикою отца, имѣвшаго кліентуру преимущественно среди московскаго купечества, молодые годы жизни, проведенные въ Замоскворѣчьѣ, — все это, вмѣстѣ взятое,

сдѣлало Островскаго знатокомъ купеческаго быта Москвы: отсюда онъ и могъ черпать содержаніе первыхъ своихъ произведеній. Само собою разумѣется, что служба въ коммерческомъ судѣ имѣла чисто формальное значеніе, и въ Островскомъ именно въ это время окончательно созрѣвалъ будущій писатель: въ его жизни наступила та пора, которую онъ самъ считаетъ эпохою въ своей жизни. „Самый памятный для меня день въ моей жи ни (писалъ Островскій въ своей автобіографической замѣткѣ въ альбомѣ М. И. Семевскаго „Мои знакомые"), — это 14 февраля 1847 года". Въ этотъ день Островскій, уже имѣвшій знакомство въ средѣ писателей, былъ у профессора русской словесности Московскаго университета С. П. Шевырева и здѣсь въ присутствіи А. С. Хомякова, С. П. Колошина, А. А. Григорьева и другихъ писателей и профессоровъ, прочелъ свои первыя драматическія сцены. „С. П. Шевыревъ (говоритъ М. И. Семевскій), обнимая его съ глубоко искреннимъ чувствомъ восторга, вмѣстѣ съ Хомяковымъ привѣтствовалъ автора, какъ человѣка, одареннаго громаднымъ талантомъ и призваннаго писать для отечественнаго театра". „Съ этого дня, — говоритъ А. Н. въ своей автобіографической замѣткѣ, — я сталъ считать себя русскимъ писателемъ. И уже безъ сомнѣній и колебаній повѣрилъ въ свое призваніе". Черезъ мѣсяцъ, 14-го марта 1847 же года въ журналѣ „Московскій городской листокъ", издававшемся только одинъ годъ подъ редакціей Драмусова, въ № 60—61 было впервые напечатано произведеніе А. Н. подъ заглавіемъ „Картина семейнаго счастья", подписанное буквами „А. О.". Произведеніе это было замѣчено не только въ московскихъ литературныхъ кружкахъ, гдѣ А. Н. уже былъ „своимъ" человѣкомъ, извѣстностью, но даже и въ московской публикѣ. Впослѣдствіи А. Н. передѣлалъ эту пьесу и назвалъ ее „Семейное счастье". Она была вновь перепечатана два раза, сначала въ журналѣ „Современникъ" (1856 г., № 4), а затѣмъ въ сборникѣ „Для легкаго чтенія" (1858 года). Въ томъ же „Московскомъ городскомъ листкѣ" была напечатана одна сцена изъ комедіи „Свои люди — сочтемся". Эта комедія первоначально называлась „Банкротъ". Наконецъ, въ томъ же „Листкѣ" нашелъ себѣ мѣсто разсказъ — единственное произведеніе А. Н. въ недраматической формѣ: „Очерки Замоскворѣчья". Мы уже знаемъ, что эти

первые шаги на поприщѣ писателя А. Н. совершилъ въ то время, когда числился на службѣ въ канцеляріи Московскаго коммерческаго суда. Но и это номинальное пребываніе А. Н. на службѣ вскорѣ стало невозможнымъ. Въ шестой книгѣ журнала „Москвитянинъ“, издаваемаго М. П. Погодинымъ, въ 1850 году явилось первое крупное произведеніе А. Н.: „Свои люди — сочтемся“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Пьеса эта надѣлала много шуму въ Москвѣ и обратила всеобщее вниманіе на молодого писателя. Она вызвала въ журналистикѣ московской и петербургской горячіе отзывы о нашемъ драматургѣ и навсегда упрочила за нимъ извѣстность выдающагося даровитаго писателя. Но далеко не такія благопріятныя послѣдствія имѣла эта пьеса для автора въ кругахъ практическихъ дѣятелей и въ сферахъ офиціальныхъ.

Не столько самое произведеніе А. Н., сколько отзывы журналовъ по поводу этой комедіи, могли вызвать раздраженіе въ средѣ практиковъ и вызвать такія предположенія объ авторѣ, которыхъ онъ, какъ художникъ, и не имѣлъ въ виду. Пьеса не была разрѣшена къ представленію и находилась подъ опалой у театральной цензуры десять лѣтъ, и только послѣ такого промежутка времени, когда сила перваго впечатлѣнія значительно ослабѣла и вызванное пьесою волненіе улеглось, она была допущена на сцену съ измѣненнымъ окончаніемъ. Самъ авторъ обратилъ на себя вниманіе начальства. Въ Москвѣ тогда генералъ-губернаторомъ былъ извѣстный графъ А. А. Закревскій. Конечно, стало извѣстно, что А. Н., кромѣ занятій литературой, находится еще на службѣ въ Московскомъ коммерческомъ судѣ, и вотъ за подписью самого военнаго генералъ-губернатора полетѣло отъ секретной части управленія секретное предложеніе предсѣдателю Московскаго коммерческаго суда, отъ 10 апрѣля 1850 года, слѣдующаго содержанія: „Предлагаю В. В. доставить мнѣ, сколько можно поспѣшнѣе, свѣдѣніе: какого чина и какую именно должность занимаетъ служащій подъ вашимъ начальствомъ чиновникъ Островскій, сочинитель извѣстной въ Москвѣ комедіи: „Свои люди — сочтемся“; равно какого онъ званія, какія имѣетъ способности и какого образа жизни и мыслей“. Въ это время А. Н. уже былъ губернскимъ секретаремъ — чинъ, полученный имъ еще въ 1849 году 14 сентября, — чинъ, въ которомъ онъ оставался до самой смерти, и, ко-

нечно, въ мѣстѣ его службы о немъ знали, вѣроятно, только, что онъ сынъ извѣстнаго ходатая по дѣламъ и что онъ мало занимается службой. На „секретное" предписаніе на другой же день послѣдовалъ „секретный" рапортъ, въ которомъ во исполненіе предписанія „предсѣдатель суда" имѣлъ честь почтительнѣйше донести, что „онъ" — въ чинѣ губернскаго секретаря съ 1845 года въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ 1-го отдѣленія суда, не занимая штатной должности, вступилъ въ службу изъ дворянъ, не окончивъ курса наукъ въ здѣшнемъ университетѣ, въ Московскій совѣстный судъ. „Особенныхъ способностей", прибавляетъ предсѣдатель, „собственно по службѣ, при обыкновенныхъ занятіяхъ при канцеляріи, оказать не могъ. Что же касается до образа жизни и мыслей, то Островскій, находясь при отцѣ, по службѣ своей пользовался хорошимъ мнѣніемъ начальства, не подавая повода къ заключенію о какомъ-либо неблагонамѣренномъ образа мыслей". Несмотра на такой хорошій отзывъ ближайшаго начальства, имя А. Н. О. было внесено въ списокъ неблагонадежныхъ особенно въ виду того, что Островскій принадлежалъ къ составу молодой редакціи „Москвитянина". Въ этотъ списокъ, какъ извѣстно, внесены и М. П. Погодинъ, и А. С. Хомяковъ, и другіе.

Но послѣ такой исторіи по службѣ и успѣховъ на литературномъ поприщѣ А. Н. было неудобно уже оставаться въ коммерческомъ судѣ, хотя бы и по названію только. 10 января 1857 года состоялось увольненіе; А. Н. получилъ аттестатъ, въ которомъ было сказано, что должность свою онъ исправлялъ усердно при хорошемъ поведеніи. *Носъ*

Островскій и кружокъ „Молодого Москвитянина".

Въ 1850 году, „Москвитянинъ" вступилъ въ новую эру своего существованія. Въ его изданіи принялъ энергичное участіе кружокъ литературный, получившій впослѣдствіи названіе „Молодого Москвитянина", и который, „подъ предводительствомъ Погодина", состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: А. Н. Островскаго, Т. И. Филиппова, Р. Н. Эдельсона, Б. Н. Алмазова, А. А. Григорьева и другихъ. Своимъ былъ въ этомъ

кружкѣ и А. Ѳ. Писемскій. Съ дѣятельностью этого кружка близко связана дѣятельность графини Р. П. Ростопчиной, у которой поименованныя лица собирались еженедѣльно, по субботамъ. Съ ними неразлученъ былъ знаменитый актеръ московской сцены П. М. Садовскій. Позже къ нимъ примкнулъ и И. Ѳ. Горбуновъ. *Барсуковъ.*

Т. И. Филипповъ вліялъ на молодыхъ славянофиловъ не столько журнальными статьями, сколько старинными русскими пѣснями, удивительнымъ исполненіемъ которыхъ онъ открывалъ идеалы русскаго народа и привлекалъ къ нимъ симпатіи всего кружка „Молодого Москвитянина". Пѣсенное богатство плѣняло слушателей народностью и религіозностью до-петровской Руси, заставляя думать, что эти основы должны лечь въ основу государственности и заложить „борьбу съ Западомъ" противъ его научнаго раціонализма и демократизма учрежденій. Пѣсни, по свидѣтельству Погодина, была главною силою, постепенно слагавшею, вырабатывавшею и выяснявшею основное міровоззрѣніе кружка. Открывая и бытовыя особенности, и историческій складъ, и вѣковѣчные идеалы русскаго народа, та же пѣсня побудила членовъ кружка основательнѣе вглядѣться въ значеніе петровской реформы. Для западниковъ до Петра не существовало исторической Руси, но не о томъ свидѣтельствуетъ народная пѣсня. Допетровская Русь, еще живущая въ этой пѣснѣ, требовала критическаго отношенія къ противоположному ей строю, созданному всѣмъ петербургскихъ періодомъ русской исторіи, оторвавшимъ отъ народа правящіе и вообще образованные классы.

Памятуя, что Снегиревъ нигдѣ въ журналахъ не могъ напечатать статью о народныхъ картинахъ, въ виду народнаго значенія этихъ картинъ, и что общее мнѣніе о народной поэзіи не поднимается выше стиховъ:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ,

Т. П. Филипповъ энергично боролся за художественное и общественное значеніе народныхъ преданій и пѣсенъ.

„Съ напѣвами русскихъ пѣсенъ дѣлали до сихъ поръ то же, что и съ текстомъ ихъ", говоритъ онъ. „Не могли, разумѣется,

не признать въ нихъ значительнаго музыкальнаго достоинства; но, исходя изъ точки зрѣнія западно-европейской музыки, отыскивали въ нашихъ напѣвахъ такія черты, которыя могли бы имъ доставить честь сравненія съ музыкальными произведеніями Запада. Читатель знаетъ, что эта судьба постигала до сихъ поръ все, въ чемъ выражается наша народная особенность: таковъ былъ ходъ нашего образованія... Русская пѣсня поется исключительно простолюдиномъ, съ которымъ намъ негдѣ встрѣтиться; если на улицѣ услышишь что-нибудь такъ мелькомъ, ничего не упомнишь... Для того, чтобы лицомъ къ лицу познакомиться съ народной поэзіей и музыкою, нужно, хотя на время, забыть разницу между, по выраженію „Отечественныхъ Записокъ", *развитымъ* и *непосредственнымъ* человѣкомъ, и взойти въ ту сферу общества, гдѣ сохраняются еще остатки и слѣды нашей первобытной жизни. И то, что вынесетъ онъ изъ своихъ изслѣдованій, сторицею вознаградитъ его за трудъ и рѣшимость: можетъ даже случиться, что изъ такого рода изслѣдованій онъ выйдетъ не съ тѣми понятіями о предметахъ, съ какими онъ отправился въ эту экспедицію, и пойметъ онъ, что въ нашей народной поэзіи и музыкѣ есть такія сокровища, которыя не должно оскорблять иностранной оцѣнкой, а должно раскрывать посредствомъ добросовѣстнаго изученія и такимъ образомъ дѣлать ихъ достояніемъ общественнаго сознанія. Тогда онъ пойметъ, что въ народной пѣснѣ каждое слово, а въ народномъ напѣвѣ каждая нотка неприкосновенны; тогда онъ откажется отъ негодной мысли исправлять произведенія, надъ которыми трудились вѣка, и соберетъ всѣ средства своего образованія и личнаго таланта на смиренное служеніе этому дѣлу".

Значеніе Филиппова для всего „Молодого Москвитянина", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „не исчерпывалось тѣмъ, что онъ былъ для нихъ, какъ и для многихъ, представителемъ пѣсеннаго богатства и пѣсенныхъ даровъ русскаго народа; что пѣснопѣніями онъ увлекалъ слушателей въ полузабытый или совершенно даже невѣдомый міръ, пробуждалъ новыя или, по крайней мѣрѣ, долго дремавшія чувства. Островскій, при первомъ уже знакомствѣ, пріобрѣлъ въ Филипповѣ слушателя, отъ котораго не могъ ускользнуть ни одинъ едва замѣтный, а для иныхъ, можетъ-быть, и вовсе незамѣтный оттѣнокъ своеобразнаго, живого русскаго языка. Благодаря

этой-то именно особенности, Островскій и подбивалъ Филиппова къ художественному творчеству вообще и въ частности къ совмѣстному творчеству съ нимъ. Филипповъ обладалъ еще знаніемъ бытовыхъ особенностей русскаго народа, въ чемъ былъ достойнымъ товарищемъ А. Н. Островскаго, зналъ громадное количество пословицъ, присловій, разсказовъ изъ народнаго и вообще русскаго быта, а притомъ обладалъ еще и изящнымъ вкусомъ, и даромъ художественной критики, которые и проявилъ скоро въ статьяхъ своихъ. Пламенная любовь къ богатству формъ и рѣченій русскаго языка, подкрѣпляемая еще и филологическимъ образованіемъ и филологическими трудами, постоянно останавливала его вниманіе то на художественныхъ оборотахъ народной рѣчи, еще чуждыхъ или оставшихся чуждыми для литературнаго языка, то на не менѣе художественныхъ жемчужинахъ древней письменности русской. Все это дѣлало его неоцѣнимымъ по своему вліянію членомъ кружка, расширяющимъ кругозоръ его и укрѣпляющимъ его силы. Господствовавшіе тогда въ значительнѣйшей части молодой интеллигенціи отсутствіе религіозныхъ началъ, разрывъ съ религіознымъ прошлымъ, составлявшіе своего рода гордость западническаго мірка, распространяли власть свою и на членовъ описываемаго кружка. Но въ Филипповѣ прежде другихъ сверстниковъ и сотоварищей совершился переворотъ, сдѣлавшій его вполнѣ вѣрующимъ и по вѣрѣ стоящимъ въ общеніи съ незатронутыми переломомъ слоями русскаго народа и со всѣмъ историческимъ его прошлымъ. Вліянію этого переворота исподоволь послѣдовали и нѣкоторые члены молодого кружка, какъ, напримѣръ, Зедергольмъ и Алмазовъ, для которыхъ обращеніе и религіозность Филиппова являлись только своего рода первымъ толчкомъ; другіе оставались невѣрующими до самаго конца жизни. Но отъ прежней кичливости невѣріемъ въ кружкѣ не оставалось больше и слѣдовъ; его смѣнило мягкое отношеніе къ народной святынѣ и народнымъ вѣрованіямъ. Къ религіи, къ православію, къ церкви стали относиться безъ вражды и не безъ уваженія даже и тѣ изъ членовъ кружка, которые сами не чувствовали ихъ вліянія“.

Извѣстно, свидѣтельствуетъ тотъ же Погодинъ, что въ первое время знакомства съ Филипповымъ Островскій считался крайнимъ западникомъ. Въ разговорахъ онъ постоянно ссылался на авторитетъ „Отечественныхъ Записокъ“ и даже

цитировалъ статьи Галахова. Это такъ сердило Филиппова, что у него часто вырывались слова: „можно ли съ такимъ черепомъ ссылаться на Галахова? Вѣдь это ужъ слишкомъ обидно“.

Увлекаясь ученіями Запада, Островскій завѣрялъ, что ему противенъ видъ самаго Кремля съ соборами. Онъ изумилъ однажды Филиппова, сказавъ: „Для чего здѣсь настроены эти пагоды?“ Увлеченіе отрицательнымъ отношеніемъ къ русскому народу простиралось до того, что однажды на вечерѣ у М. С. Щепкина одинъ изъ западниковъ проповѣдывалъ, что народная Русь состоитъ исключительно только изъ отрицательныхъ типовъ Островскаго; что людей иного закала въ ней нѣтъ и не можетъ быть: все мошенники. „Ну, прощайте же, мошенники“,—сказалъ, прощаясь послѣ долгихъ споровъ, актеръ Провъ Михайловичъ Садовскій.

Со времени знакомства съ Филипповымъ, это острое отношеніе къ народной жизни мало-по-малу смягчалось, чему способствовали и особенный взглядъ Филиппова на народную жизнь, и прежде всего жившая въ устахъ Филиппова народная пѣсня, въ которой русскій народный характеръ и особенности души русской раскрывались въ привлекательномъ, чарующемъ видѣ.

Бывали минуты, когда Островскій, увлеченный старинными народными пѣснями Филиппова, восклицалъ:

— Съ Тертіемъ да Провомъ (Садовскимъ) мы все Петрово дѣло повернемъ назадъ!

Такимъ образомъ въ „Молодомъ Москвитянинѣ“ тріумвиратъ славянофильства состоялъ изъ выдающагося пѣвца патріотически-старинныхъ пѣсенъ, выдающагося писателя и замѣчательнаго актера. Филипповъ имѣлъ вліяніе не только на Островскаго, но и Аполлонъ Григорьевъ былъ введенъ имъ въ редакцію „Молодого Москвитянина“, по свидѣтельству Погодина, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „Однажды у Островскаго былъ громадный литературный вечеръ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ литературныхъ направленій того времени. Когда большая часть гостей разошлась, и остались только близкіе Островскому люди, Филиппова просили спѣть. Послѣ одушевленно пропѣтой имъ пѣсни, которая на всѣхъ произвела впечатлѣніе, Григорьевъ упалъ на колѣни и просилъ кружокъ усвоить его себѣ, такъ какъ въ его направленіи онъ видитъ правду, которой искалъ

въ другихъ мѣстахъ и не находилъ, а потому былъ бы счастливъ, если бы ему позволили здѣсь бросить якорь".

Любовь Филиппова къ народной пѣснѣ воодушевила и А. Ѳ. Писемскаго, который въ романѣ: „Взбаламученное море", описалъ, какъ „Тертіевъ" въ трактирѣ „Британія", помѣщавшемся рядомъ съ университетомъ, пѣлъ „Ваньку Ключника", и какъ всѣ присутствующіе, отъ студентовъ до половыхъ, превращались въ олицетворенное блаженство при первыхъ напѣвахъ русскаго народничества.

„На вечерахъ, гдѣ читались пьесы Островскаго, ярко высказывалось русское направленіе, какъ его самого, такъ и другихъ членовъ кружка. Народная пѣсня, художественно исполняемая Филипповымъ, неоднократно раздавалась въ такихъ залахъ, въ которыхъ и пѣніе ея вообще, да еще въ особенности человѣкомъ образованнаго общества, представлялось явленіемъ необычайнымъ. И хозяева и гости всякій разъ восхищались и словами пѣсни и напѣвомъ; на всѣхъ производили они сильное потрясающее впечатлѣніе. Пораженная строгою простотою пѣнія Филиппова, Е. С. Шереметева разъ спросила у своего двоюроднаго брата Алмазова: „Скажи, пожалуйста, Борисъ, что̀ Филипповъ благородный?" — „Даже *великодушный*", отвѣчалъ и тогда уже отличавшійся остроуміемъ Алмазовъ". Т. И. Филипповъ принималъ дѣятельное участіе въ Императорскомъ географическомъ обществѣ по собиранію русскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ, и по его почину возникла въ 1884 году особая пѣсенная комиссія, предсѣдателемъ которой Т. И. былъ до конца своей жизни. По его ходатайству были дарованы пѣсенной комиссіи средства для снаряженія экспедицій съ цѣлью собиранія русскихъ пѣсенъ съ напѣвами. Съ этою же цѣлью Т. И. пріютилъ у себя въ Петербургѣ извѣстную „сказательницу" Олонецкой губерніи, поощрялъ балалаечниковъ и русскіе хоры, надѣясь этими хорами въ войскахъ сохранить старину отъ вымиранія.

Фаресовъ.

Самымъ близкимъ человѣкомъ для Т. И. Филиппова былъ Евгеній Николаевичъ Эдельсонъ, котораго онъ и сблизилъ съ Островскимъ. Е. Н. Эдельсонъ родился въ 1824 году и первоначальное образованіе получилъ въ Касимовскомъ уѣздномъ училищѣ, при обозрѣніи котораго профессоромъ Н. И. На-

деждинымъ, онъ своими исполненными смысла и остроумія отвѣтами успѣлъ обратить на себя особенное вниманіе ученаго визитатора. По переходѣ въ Рязанскую гимназію, Эдельсонъ сразу и безъ всякаго спора занялъ между своими товарищами первенствующее мѣсто. Бывшій въ то время попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ Р. Г. Строгановъ, отъ внимательнаго взора котораго не укрывалось никакое сколько-нибудь замѣтное проявленіе дарованій во ввѣренныхъ его попеченію воспитанникахъ, очень скоро замѣтилъ столь щедро надѣленнаго умственными дарами мальчика и при каждомъ посѣщеніи Рязанской гимназіи удостоивалъ его своимъ вниманіемъ. Въ 1842 году Эдельсонъ поступилъ въ Московскій университетъ на математическій факультетъ по отдѣленію естественныхъ наукъ, но скоро почти совсѣмъ покинулъ занятія обязательными для него предметами и съ юношескою страстію предался изученію философской системы Гегеля... Изъ всѣхъ частей этой системы Эдельсонъ съ особеннымъ усердіемъ изучалъ феноменологію духа и эстетику. Обличенія крайностей и несостоятельности началъ Гегелевой системы, появлявшіяся нерѣдко въ „Москвитянинѣ“ сороковыхъ годовъ, не имѣли на Эдельсона никакого вліянія, и онъ оставался подъ безусловнымъ владычествомъ Гегеля до появленія на каѳедрѣ философіи въ Московскомъ университетѣ М. Н. Каткова, котораго лекціи онъ посѣщалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ... Подъ вліяніемъ чтеній и частыхъ личныхъ бесѣдъ съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ, котораго необычайныя дарованія цѣнились тогда, во всю ихъ мѣру, только немногими близкими къ нему людьми, въ томъ числѣ и Эдельсономъ, онъ обратился къ изученію психологіи Бенеке, точный и строгій методъ которой имѣлъ на его умъ весьма благотворное вліяніе.

Въ 1847 году Эдельсонъ собрался за границу и, простившись съ друзьями, отправился уже въ Петербургъ, чтобы, получивъ заграничный паспортъ, слѣдовать далѣе; но правительство, встревоженное тогдашнимъ революціоннымъ настроеніемъ почти всей западной Европы, нашло нужнымъ воспретить молодымъ людямъ, стремившимся довершать въ европейскихъ университетахъ свое образованіе, посѣщеніе западной Европы, и Эдельсонъ долженъ былъ возвратиться въ Москву, гдѣ при посредствѣ Т. И. Филиппова „познакомился и

вскорѣ дружески сблизился съ А. Н. Островскимъ". Литературная дѣятельность Эдельсона была посвящена почти исключительно критикѣ, и въ этой области онъ являлся неизмѣннымъ поборникомъ чистаго искусства. Т. И. Филипповъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику Эдельсона, какъ писателя: „Самостоятельная литературная дѣятельность Эдельсона", говоритъ онъ, „была посвящена почти исключительно критикѣ, и въ этой области онъ являлся неизмѣннымъ поборникомъ чистаго искусства и защитникомъ его отъ тѣхъ неистовыхъ поруганій, которымъ оно подвергалось въ послѣдніе годы во многихъ изъ петербургскихъ изданій. И хотя его имя не будетъ числиться между именами замѣчательныхъ дѣятелей отечественной литературы, тѣмъ не менѣе всякій безпристрастный читатель не откажется признать въ его трудахъ полную самостоятельность мысли, весьма тонкое художественное чувство и замѣчательно изящное изложеніе. Тонъ его критическихъ статей былъ всегда спокоенъ и въ высшей степени деликатенъ, даже тогда, когда ему приходилось опровергать ученія и мнѣнія самаго непривлекательнаго свойства. Инымъ въ этой чертѣ его дѣятельности представлялась нѣкоторая робость его пріемовъ и не совсѣмъ похвальная терпимость къ такимъ явленіямъ, которыя требовали бы, вмѣсто спокойнаго и безстрастнаго обличенія, рѣзкихъ и безусловныхъ порицаній. Но знавшіе ближе Эдельсона видѣли, что опровергаемыя имъ доктрины были ему въ такой же мѣрѣ противны, какъ и всякому здравомыслящему человѣку, и что спокойствіе и невозмутимое приличіе его тона, при публичной встрѣчѣ съ этими ученіями, проистекали вовсе не отъ робости передъ самодѣльными авторитетами, но изъ глубокаго уваженія къ достоинству литературы, на аренѣ которой онъ съ нимъ встрѣчался. Онъ чувствовалъ себя и былъ на самомъ дѣлѣ въ такой степени самостоятельно мыслящимъ человѣкомъ, что не имѣлъ никакой нужды заявлять о своей самостоятельности какими либо рѣзкими выходками и постыдной перебранкой, въ коихъ состоитъ вся слава многихъ изъ его литературныхъ противниковъ".

Борисъ Николаевичъ Алмазовъ родился 27 октября 1827 г., въ городѣ Вязьмѣ, Смоленской губерніи, а дѣтство провелъ въ родовомъ селѣ Караваевѣ, Сычевскаго уѣзда. Отецъ его, Николай Петровичъ, по рожденію и состоянію принадлежалъ къ высшему московскому обществу и въ 1812 году всту-

пилъ въ гусарскій полкъ графа П. И. Салтыкова, гдѣ служилъ вмѣстѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а затѣмъ участвовалъ въ компаніяхъ 1813—1814 г. Сестра Н. П. Алмазова, Варвара Петровна, была замужемъ за Сергѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ, а самъ Н. П. Алмазовъ былъ женатъ на Евдокіи Петровнѣ Зубковой. Въ дѣтскомъ воспитаніи ихъ сына, Бориса, важную роль играла нянька Анна Максимовна, по происхожденію турчанка, и дядька Василій Архиповъ. По свидѣтельству Т. И. Филиппова, оставивши по непріятности пансіонъ Эннеса, Алмазовъ въ качествѣ вольнаго слушателя посѣщалъ Московскій университетъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Филипповымъ, который зналъ его и раньше, а теперь возобновилъ съ нимъ знакомство. Филипповъ былъ уже старымъ студентомъ, находился на послѣднемъ курсѣ, а потому имѣлъ уже нѣкоторое положеніе. Алмазовъ, несмотря на совершенно юношескій еще свой возрастъ, показывалъ уже признаки крупнаго литературнаго таланта, вслѣдствіе чего Филипповъ и познакомилъ его скоро съ Островскимъ и Эдельсономъ. Островскимъ введенъ былъ Алмазовъ и въ составъ „Молодого Москвитянина“. Черезъ Алмазова познакомились съ кружкомъ и бывшіе товарищи его по пансіону, Тепферъ и Зедергольмъ, впослѣдствіи отецъ Климентъ Оптинскій.

Дѣятельность же Б. Н. Алмазова въ „Москвитянинѣ“ началась съ 1851 года. Одинъ изъ современныхъ историковъ русской литературы замѣчаетъ: „Не будь молодежи въ составѣ редакціи „Москвитянина“, развѣ осмѣлился бы Алмазовъ явиться къ надутому Шевыреву и чопорному, строгому Погодину со своими веселыми остроумными пародіями на Некрасова и Панаева, которыми онъ, подъ псевдонимомъ „Эраста Благонравова“, съ такимъ успѣхомъ дебютировалъ въ „Москвитянинѣ“. Съ основанія „Москвитянина“, въ немъ было изгнано все, что отзывалось фельетономъ — легкомысліемъ, и не даромъ вся журналистика ахнула отъ удивленія, когда мрачные своды Погодинскаго sui generis *древнехранилища* вдругъ огласились взрывами молодого смѣха и юношеской задорной веселости“.

Давній сотрудникъ „Стараго Москвитянина“, А. А. Григорьевъ, по свидѣтельству Т. И. Филиппова, въ 1851 году поступилъ преподавателемъ юридическихъ наукъ въ Москов-

скую первую гимназію, гдѣ встрѣтился онъ съ Филипповымъ, который читалъ тамъ русскую словесность и церковно-славянскій языкъ. Въ ту пору Григорьевъ не имѣлъ умственнаго пріюта и послѣ многихъ умственныхъ скитаній сталъ приглядываться къ „Молодому Москвитянину“, куда и введенъ былъ тѣмъ же Филипповымъ.

Въ 1850 году, выступилъ въ „Москвитянинѣ“ на литературное поприще Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Онъ родился 10 марта 1820 года, въ сельцѣ Раменьѣ, Костромской губ., Чухломскаго уѣзда. Учился въ Костромской гимназіи, а потомъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по второму отдѣленію философскаго факультета. Онъ еще „со временъ студенчества былъ друженъ съ Т. И. Филипповымъ и зналъ Эдельсона“. Филипповъ познакомилъ его съ другими членами „Молодого Москвитянина“.

Литературная дѣятельность Писемскаго началась въ Москвѣ еще съ 1846 года романомъ „Боярщина“, ходившимъ въ то время по рукамъ въ рукописи, и только въ 1858 году романъ сей появился въ „Библіотекѣ для Чтенія“.

4 сентября 1850 года, А. Н. Островскій привезъ къ Погодину повѣсть Писемскаго, и эта повѣсть, подъ заглавіемъ „Тюфякъ“, была напечатана въ октябрьской книжкѣ „Москвитянина“ 1850 года.

Въ народномъ направленіи подѣйствовало на Островскаго и на весь кружокъ и знакомство съ П. М. Садовскимъ, который тогда былъ, по своимъ убѣжденіямъ, всесовершеннымъ славяниномъ, раздѣлявшимъ и религіозныя убѣжденія и вѣрованія старшихъ славянофиловъ, еще чуждыя членамъ кружка „Молодого Москвитянина“. Съ этимъ великимъ художникомъ Островскій сблизился въ 1850 году, и въ то же время П. М. Садовскій вошелъ въ особую близость съ Филипповымъ, Эдельсономъ и Алмазовымъ. Какую цѣну имѣло это сближеніе, можетъ понять всякій. Такого исполнителя типовъ, созданныхъ Островскимъ, можно видѣть только во снѣ. Этотъ писатель и этотъ актеръ были буквально созданы другъ для друга и представляли идеальное сочетаніе. Много позже въ тотъ же литературный кружокъ явился другой неподражаемый художникъ, Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, который и былъ принятъ тотчасъ же кружкомъ, какъ присный. Воспитаніемъ таланта его въ такой средѣ, на ряду съ художе-

ственною природою самого дарованія, объясняется отчасти то обстоятельство, что И. Ѳ. Горбуновъ избѣгъ навсегда, столь опаснаго для всякаго комическаго писателя, шаржа.

Барсуковъ.

Самобытныя вліянія, пережитыя Островскимъ.

Знакомства Островскаго, одинаково нужныя для него, принадлежали къ двумъ обществамъ, и связующимъ звеномъ между этими обществами являлась личность молодого писателя. Онъ не былъ исключительно книжнымъ литераторомъ, онъ началъ самостоятельную жизнь практической дѣятельностью, — это счастливое совпаденіе отразилось на *средѣ* и писательскихъ опытахъ Островскаго. Онъ, по семейнымъ преданіямъ и по роду своей службы, безпрестанно сталкивался съ великимъ множествомъ простыхъ русскихъ людей, „русаковъ", какъ онъ самъ выражался въ своей замоскворѣцкой повѣсти, — и въ то же время по образованію и таланту принадлежалъ интеллигенціи, былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ украшеній литературнаго московскаго міра. Отсюда — чрезвычайно пестрая толпа „хорошихъ", „душевныхъ" людей, окружавшая Островскаго на первыхъ порахъ его литературной дѣятельности.

Мѣстомъ свиданій пріятельскаго кружка служилъ трактиръ Гурина, собственно одно изъ его отдѣленій — весьма извѣстное въ прошломъ московской литературной жизни — „Печкинская кофейня". Здѣсь собирались студенты, писатели, торговцы и просто любители веселой интересной бесѣды и въ особенности русской пѣсни. Среди „русаковъ" выдѣлялся Иванъ Ивановичъ Шанинъ — торговецъ изъ ильинскихъ рядовъ.

Островскій весьма многимъ позаимствовался отъ этого оригинальнаго, богатоодареннаго „простого человѣка". Шанинъ отличался рѣдкимъ остроуміемъ, былъ мастеръ на бойкую мѣткую рѣчь, поражалъ находчивостью, когда надо было дать яркую и сильную характеристику лица или бытового явленія. Нѣкоторые разсказы и оригинальныя выраженія Шанина навсегда врѣзывались въ памяти слушателей. Онъ посвящалъ своихъ пріятелей въ многообразныя тайны гостинодворскихъ дѣльцовъ, забавно и талантливо объяснялъ, какъ московскіе купцы обдѣлываютъ иногороднихъ обывателей, ловко сбываютъ имъ гнилье и лежалый товаръ. Изъ бесѣдъ того же Шанина нашъ кружокъ друзей и въ томъ числѣ Островскій

узнали объ одномъ изъ распространеннѣйшихъ замоскворѣцкихъ типовъ, о купеческомъ братѣ, жертвѣ загула и пагубныхъ увлеченій. Фигура Любима Торцова, слѣдовательно, была навѣяна разсказами бойкаго и остроумнаго купчика. Не мало перепало въ комедіи Островскало и отдѣльныхъ блестящихъ чисто русскихъ выраженій, слетавшихъ съ языка Шанина въ разгарѣ пріятельской бесѣды.

И Шанинъ былъ не одинъ. Въ компанію входило еще человѣкъ пять молодежи — живой, веселой, искусной на разныя затѣи и замысловатыя выходки. Компанія носила наименованіе „оглашенныхъ“, — но это прозвище отнюдь не слѣдуетъ понимать въ унизительномъ смыслѣ. Всѣ молодые люди были заняты какимъ-нибудь дѣломъ, служили, торговали, учились, и всѣхъ ихъ соединяло общее чувство восторга предъ новымъ литературнымъ талантомъ. Въ пріятельской бесѣдѣ веселье било ключомъ, смѣхъ не умолкалъ, крылатыя слова летѣли вихремъ, каждый старался блеснуть своимъ искусствомъ — разсказать исторію, изобразить въ лицахъ героя или героиню изъ невѣдомой страны, именуемой Замоскворѣчьемъ,

Представлялась съ поразительной артистической вѣрностью молящаяся старуха. Молитвѣ ея мѣшаетъ собака, она теребитъ старуху за подолъ и намѣревается укусить за ногу. Старуха ворчитъ, собака лаетъ, старуха отмахивается и продолжаетъ въ то же время свою молитву. Сцена кончается торжествомъ собаки, она кусаетъ старуху, та ее бьетъ, — поднимается вой, крикъ — и все это одновременно воспроизводится артистомъ — къ единодушному восторгу публики.

Среди этой публики присутствуетъ Писемскій, впослѣдствіи — знаменитый писатель, теперь простодушно, по-дѣтски смѣшливый наблюдатель. Онъ надолго запомнитъ лицедѣйскія упражненія пріятелей и перенесетъ ихъ въ свой романъ „Сороковые годы“. Можетъ-быть, даже съ бо́льшимъ восторгомъ, чѣмъ слѣдовало, онъ перескажетъ забавныя представленія молодежи, окружавшей Островскаго. Артистъ, неподражаемо изображавшій сцену молящейся старухи съ собакой, столь же искусно вмѣстѣ съ другимъ такимъ же художникомъ воспроизводилъ голоса животныхъ, цѣлаго стада. Именно герои Писемскаго подвизаются въ подобнаго рода искусствѣ, и авторъ устами главнаго лица своего романа восклицаетъ: „Да“, это смѣхъ — настоящій, честный, добрый“.

Компанія не только сама жила полной, веселой и возбуждающей жизнью, — она вносила ее всюду, гдѣ только являлась, вызывала у другихъ мѣткость и остроту выраженій, создавала, однимъ словомъ, все ту же своебразную вдохновляющую атмосферу, какою питался нашъ молодой талантъ. Пьесы Островскаго переполнены сильными, краткими озаряющими опредѣленіями — явленій и личностей, — и онъ первый внесъ это богатство въ русскую литературу. И оно само плыло въ его руки, чуть не ежедневно онъ могъ собирать эти перлы своего литературнаго языка, вращаясь въ кругу „русаковъ" и дыша почвеннымъ московскимъ воздухомъ.

Не малую лепту внесла въ его творчество и подруга молодой жизни писателя, — Агаѳья Ивановна. Она была простого происхожденія, не отличалась красотой, не получила образованія, но обладала большой душевной привлекательностью, недюжиннымъ умомъ и сильнымъ характеромъ. Она сумѣла внушить пріятелямъ Островскаго уваженіе и любовь, они въ шутку сравнивали ее съ Марѳой Посадницей, — и дѣйствительно, отъ нея исключительно зависѣлъ порядокъ скуднаго хозяйства Островскаго. Она, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, сумѣла создать довольство и всегда имѣла чѣмъ угостить друзей хозяина. Бесѣда ихъ не обходилась безъ ея участія, и участіе было дѣятельное. Агаѳья Ивановна обладала прекраснымъ голосомъ, знала очень много русскихъ пѣсенъ и превосходно ихъ пѣла. Она была драгоцѣннымъ членомъ общества и въ другихъ отношеніяхъ и всегда могла оказать не малую услугу Островскому, какъ писателю. Купеческій бытъ Агаѳья Ивановна знала до тонкости, глубоко понимала обычаи и нравы таинственнаго замоскворѣцкаго царства. Островскій внимательно прислушивался къ ея сужденіямъ, высоко цѣнилъ ея совѣты и многое исправлялъ въ своихъ пьесахъ по ея приговору. Свидѣтели ранней литературной дѣятельности Островскаго большую долю участія приписываютъ Агаѳьѣ Ивановнѣ въ комедіи „Свои люди — сочтемся", — особенно въ ея содержаніи и внѣшней обстановкѣ. Вообще, по всѣмъ даннымъ, Агаѳья Ивановна представляется личностью незаурядной и настолько привлекательной и интересной, что друзья Островскаго навсегда сохранили о ней самыя лестныя воспоминанія.

Таковы чисто русскія самобытныя вліянія, пережитыя

Островскимъ — авторомъ первыхъ произведеній изъ замоскворѣцкаго быта. Но рядомъ съ „русаками“ писателя окружали люди другого круга,— артисты, студенты, литераторы. Между этими, повидимому, довольно различными и пестрыми элементами связующимъ звеномъ была всѣхъ одинаково горячо одушевлявшая любовь къ русской народности, къ народному творчеству, въ особенности къ русской народной пѣснѣ.

Тотъ же Писемскій сохранилъ яркое воспоминаніе объ этомъ увлеченіи и также перенесъ его въ одинъ изъ своихъ романовъ — „Взбаламученное море“. Здѣсь разсказывается сцена, очевидно, безпрестанно повторявшаяся въ студенческомъ трактирѣ „Британія“. Среди шума и оживленныхъ бесѣдъ мгновенно все смолкло.

— Тертіевъ поетъ! воскликнулъ студентъ и, перескочивъ черезъ голову другого студента, убѣжалъ. Другіе устремились за нимъ. Въ бильярдной они увидѣли молодого бѣлокураго студента, который опершись на кій и подобравъ высоко грудь, пѣлъ чистымъ теноромъ:

Кто бы, кто бы моему горю-горюшку помогъ.

Слушали его нѣсколько студентовъ. Одинъ изъ прибѣжавшихъ на звуки пѣсни шмыгнулъ съ ногами на диванъ и превратился въ олицетворенное блаженство. Въ сосѣдней комнатѣ Кузьма, половой, прислонившись къ притолкѣ, погрузился въ глубокую задумчивость. Прочіе половые также слушали. Многіе изъ гостей-купцовъ не безъ удовольствія повернули свои уши къ дверямъ. Пропѣтая пѣсня смѣнилась другой:

Ужъ ведутъ, ведутъ Ванюшу: руки-ноги скованы,
Буйная его головка да вся испроломана...

И восторги слушателей не ослабѣвали и не падали. „За душу захватывала русская пѣсня“, вспоминалъ потомъ Горбуновъ, — „въ натуральномъ исполненіи Т. И. Филиппова“,— и именно этого пѣвца изображаетъ Писемскій.

Русская пѣсня въ кружкѣ Островскаго пользовалась исключительнымъ почетомъ. Искусныхъ пѣвцовъ разыскивали во всѣхъ углахъ Москвы, не обѣгая грязныхъ, шумливыхъ трактировъ и погребовъ. Сюда собирались доморощенные артисты, игравшіе на разныхъ инструментахъ, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ вспоминаетъ Т. И. Филипповъ: „Николка-рыжій гитаристъ, Алексѣй съ торбаномъ: водку запивалъ

квасомъ, потому что никакой закуски желудокъ его не принималъ. А былъ артистъ и „венгерку" на торбанѣ игралъ такъ, что и до сихъ поръ помню".

Подобная пѣсня раздавалась не въ однихъ трактирахъ и кабачкахъ. Общепризнанный непобѣдимый артистъ Т. И. Филипповъ перенесъ ее въ литературныя гостиныя и даже въ свѣтскія залы. Здѣсь восторгъ охватывалъ и самихъ хозяевъ и ихъ прислугу, часто плакавшую отъ умиленія.

Островскій раздѣлялъ общее восхищеніе. Онъ и самъ обладалъ очень красивымъ теноромъ, пѣлъ превосходно,—правда, не русскія пѣсни, а романсы. И ему очень льстили его успѣхи на этомъ поприщѣ, онъ въ ранней молодости готовъ былъ гордиться ими, по крайней мѣрѣ, не меньше, чѣмъ писательскими. Народная пѣсня произвела на драматурга неотразимое впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ ея — не только его художественный талантъ усвоилъ новые мотивы творчества, но измѣнилось даже самое міросоверцаніе Островскаго. Несомнѣннымъ отраженіемъ народныхъ пѣсенъ явилась драма „Не такъ живи, какъ хочется". Островскій очень долго и тщательно работалъ надъ этой пьесой, воодушевляя ее поэтическимъ народнымъ духомъ. Какое значеніе имѣла въ этой работѣ народная поэзія показываетъ первый набросокъ пьесы: онъ переполненъ выраженіями и цѣлыми стихами изъ народныхъ пѣсенъ.

Но еще существеннѣе, конечно, вопросъ о преобразованіи міросозерцанія молодого писателя, т.-е. о видоизмѣненіи самой основы его литературной дѣятельности. Оно въ высшей степени любопытно и составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ всей жизни Островскаго. *Ивановъ.*

Вліяніе путешествія Островскаго по Россіи на его творчество.

Правительственная командировка литераторовъ для изученія мѣстностей Россіи въ бытовомъ и промышленномъ отношеніи — фактъ въ высшей степени замѣчательный въ исторіи русскаго общества. Онъ совпалъ съ началомъ царствованія Александра II и былъ созданъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Великій князь былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ преобразовательнаго дви-

женія. Второй сынъ императора Николая, онъ былъ предназначенъ для морской службы. На этомъ поприщѣ великій князь успѣлъ развить дѣятельность, совершенно неожиданную и, повидимому, не входившую въ кругъ обязанностей и заботъ *генералъ-адмирала*. Прежде всего онъ наложилъ руку на жестокую язву стараго времени,— на невѣжество, обманы и всевозможныя тайныя преступныя продѣлки чиновниковъ. Онъ потребовалъ безусловной *правды* во всѣхъ служебныхъ отчетахъ, какіе представлялись ему,— и притомъ правда не должна была оставаться тайной канцеляріи. Великій князь желалъ знать подробно внутреннее состояніе Россіи, и для изученія его были призваны не чиновники, а лучшіе современные писатели и знатоки народнаго быта — Писемскій, Гончаровъ, Григоровичъ, Потѣхинъ, Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Максимовъ. Островскій самъ вызвался принять участіе въ изслѣдованіяхъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Потѣхинымъ и подѣлилъ съ нимъ Волгу. Потѣхинъ взялъ себѣ мѣстность отъ устьевъ Оки до Саратова, Островскому достались верховья Волги.

При морскомъ вѣдомствѣ издавался журналъ „Морской Сборникъ“. Великій князь расширилъ содержаніе журнала и допустилъ статьи по самымъ жгучимъ современнымъ общественнымъ вопросамъ,— о гласномъ судопроизводствѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ журналѣ появились сочиненія, не имѣвшія ничего общаго съ морскимъ дѣломъ. Геніальный врачъ и знаменитый педагогъ Пироговъ помѣстилъ здѣсь свои статьи —„Вопросы жизни“, возстававшія противъ жестокости и бездушія старыхъ педагоговъ и учителей. Газеты только и жили перепечатками изъ морского журнала. Здѣсь же предполагалось печатать и отчеты писателей, отправлявшихся изслѣдовать русскую землю. Задача предстояла трудная и требовала отъ путешественниковъ особеннаго умѣнья — говорить съ простыми русскими людьми и вызывать ихъ на откровенность. Все, сколько-нибудь напоминавшее власть и начальника, отпугивало самыхъ смѣлыхъ и связывало ихъ языкъ. Такъ происходило особенно въ глухихъ мѣстностяхъ, представлявшихъ именно больше всего интереса для изслѣдователей. Нужна была большая сноровка, простота и находчивость, чтобы даромъ не прогуляться среди повально молчаливыхъ и загадочныхъ людей.

Выгодъ за всѣ труды большихъ не представлялось. Со-

держаніе было положено очень скромное — по сту рублей въ мѣсяцъ каждому изслѣдователю. Впослѣдствіи оно было увеличено, — но и само дѣло являлось весьма сложнымъ, безпрестанно требовало неожиданныхъ расходовъ, — и писателей могла привлекать преимущественно занимательность самой работы. Наконецъ, вопросъ о печатаніи отчетовъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ съ теченіемъ времени принялъ неблагопріятный оборотъ. Рѣшать его досталось морскому ученому комитету. Во главѣ комитета стоялъ адмиралъ Рейнеке, весьма мало понимавшій и цѣнившій вообще литературу и совершенно равнодушный ко всему — за предѣлами спеціальной морской и водяной службы. Онъ рѣшилъ искать въ статьяхъ изслѣдователей и принимать только то, что̀ имѣло непосредственное отношеніе къ водѣ и представляло простой служебный докладъ. Въ результатѣ комитетъ сталъ отвергать статьи „по литературному достоинству“, устранять разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ, вызванныхъ у автора природой, самобытными чертами быта. Художественная и просто свободная литературная форма изложенія не допускалась, — и авторы должны были искать мѣста своимъ статьямъ въ другихъ изданіяхъ. Островскій подвергся общей участи. Его отчетъ, „Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго Новгорода“ напечатанъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, но авторъ былъ слишкомъ художникъ, чтобы удовлетворить канцелярскую редакцію. Отчетъ подвергся измѣненіямъ и сокращеніямъ, вычеркнуто не мало художественныхъ подробностей, — а въ нихъ именно и заключалась высшая цѣнность статьи.

Островскій собралъ громадное количество матеріала. Онъ остался безъ обработки, благодаря ученому морскому комитету; но и въ сыромъ видѣ онъ представлялъ поучительный и богатый источникъ свѣдѣній о верховьяхъ Волги. Островскій приступилъ къ изученію края прежде всего какъ художникъ, отзывчивый на все оригинальное и яркое въ природѣ и въ человѣческомъ быту. Даже въ напечатанномъ отчетѣ вытравить окончательно художественные пріемы судить о предметахъ и людяхъ — не удалось редакторамъ. Постоянно встрѣчаются живыя сцены, жизненные бытовые факты, мѣткіе вдохновенныя характеристики, летучія острыя слова. Любопытно, напримѣръ, свѣдѣніе о нравахъ города Торжка: оно впослѣдствіи пригодилось Островскому и какъ драматургу.

У торжковскихъ дѣвушекъ искони ведется обычай — тайный увозъ невѣстъ, — и Кудряшъ является несомнѣннымъ отголоскомъ торжковскихъ впечатлѣній.

Помимо нравовъ, Островскій подмѣчаетъ особенности мѣстныхъ говоровъ, записываетъ оригинальныя выраженія и даже собираетъ матеріалъ для словаря нарѣчія приволжскаго населенія. Эти матеріалы наслѣдники Островскаго передадутъ потомъ въ Академію Наукъ. Не забываетъ путешественникъ и красотъ природы, — пользуется каждымъ шагомъ своего пути, какъ глубокій знатокъ русской народной психологіи, какъ страстный любитель родной старины.

Легко представить, какую великую пользу принесло путешествіе художественному таланту Островскаго! Лучшей школы для него нельзя было и представить. Онъ видѣлъ одну изъ самыхъ самобытныхъ историческихъ мѣстностей Россіи — съ древними городами, съ исконно-старинными обычаями и нравами, съ своеобразнымъ прадѣдовскимъ языкомъ. Его поражала безпросвѣтная захолустная глушь, въ срединѣ Россіи, въ какихъ-нибудь шестидесяти верстахъ отъ древняго города Твери. Онъ невольно вспоминалъ не только историческія были давнихъ временъ, но даже сказки: до такой степени кругомъ жизнь была первобытна и неподвижна, — и теперь еще можно кстати повторить выраженіе русской сказки про Ивана Царевича: „Ѣдетъ онъ день до вечера — перекусить ему нечего“.

И русскій путникъ въ серединѣ XIX вѣка едва достаетъ въ попутномъ селѣ нѣсколько яицъ — утолить свой голодъ.

Дальше, его поражаетъ полное отсутствіе мужиковъ во всей деревнѣ, даже десятскимъ — баба, и на вопросъ, гдѣ мужики, отвѣчаетъ на неслыханномъ языкѣ:

— Которы ушли у камотесы, которы дорогу циня.

А рядомъ вѣчевые города съ былой, безвозвратно исчезнувшей вольностью, широкая Волга, видавшая виды на своихъ тихихъ водахъ, Нижній Новгородъ съ величавой исторіей Козьмы Минина, захудалый Угличъ съ кровавымъ трагическимъ преданіемъ о цареубійцѣ... Всѣ эти событія и образы прошлаго всплывали въ памяти Островскаго и не могли исчезнуть безслѣдно. Нѣкоторыя случайныя встрѣчи еще глубже внѣдряли впечатлѣнія поволжскаго путешествія.

„Гроза“ писалась одновременно съ отчетомъ о путешествіи:

отчетъ появился въ „Морскомъ Сборникѣ“ въ 1859 году, „Гроза“ — въ первой книгѣ „Библіотеки для чтенія“ за 1860 г. Оба произведенія — плодъ живыхъ впечатлѣній путешествія. Участь „Грозы“ оказалась счастливѣе статьи. На драму обратила вниманіе Академія и поручила проф. Плетневу представить отзывъ о пьесѣ. Критикъ восхищался характеромъ Катерины, вѣрнымъ изображеніемъ провинціальнаго городского быта и находилъ произведеніе достойнымъ Уваровской преміи. Академія и присудила эту премію 29 декабря 1860 года.

Но воспоминанія о поѣздкѣ не ограничились „Грозой“. Островскій начинаетъ дѣятельно заниматься русской стариной. Подвигъ Кузьмы Минина представлялъ благодарную задачу для драмы. Волжскія впечатлѣнія ярко возставали въ памяти драматурга, и онъ даже вложилъ въ уста своего героя описаніе одной изъ самыхъ краснорѣчивыхъ картинъ Поволжья.

召Launch Мининъ ободряетъ себя мыслью, что не погибнетъ царство, населенное народомъ упорнаго и терпѣливаго труда. Глядя на родную рѣку, Мининъ говоритъ:

Вонъ огоньки зажглись по берегамъ...
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули... Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,—
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный.
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега...
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Новгородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы...
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ,
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ...

Драма появилась въ январской книгѣ „Современника“ за 1862 годъ. Ровно три года спустя въ томъ же журналѣ Островскій напечаталъ „Воеводу или сонъ на Волгѣ“. Вся пьеса одушевлена удалью старинныхъ волжскихъ молодцовъ, жившихъ „матушкой-Волгой“, дѣлившихъ съ нею свои радости и горе. Одна изъ самыхъ лирическихъ пьесъ написана, повидимому, исключительно во славу Волги. Открывается она настоящимъ гимномъ въ честь великой рѣки: стихи эти, по разсказу очевидца, производили сильнѣйшее

впечатлѣніе на замоскворѣцкихъ пріятелей автора, они не могли равнодушно слушать ихъ даже въ чтеніи. Это — дѣйствительно очень красивое и прочувствованное обращеніе къ Волгѣ, говоритъ его одинъ изъ удалыхъ молодцовъ, которому нѣтъ простора въ избѣ и гулять охота въ лодкѣ по широкому волжскому раздолью:

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до синя моря,
Крутымъ ярамъ да краснымъ бережечкамъ
На утѣшенье, какъ на погулянье!
Не даромъ слово про тебя ведется;
Не мало пѣсенъ на Руси поется,
А всѣхъ милѣй — „По матушкѣ по Волгѣ".

И дальше начинается пѣсня...

Островскій не ограничился лирическимъ воспроизведеніемъ стариннаго русскаго быта, онъ занялся обработкой наиболѣе драматическихъ сюжетовъ, какіе только можно отыскать въ русской исторіи. Эпоха междуцарствія, конечно, стояла здѣсь на первомъ планѣ, „Козьма Мининъ" — только вступленіе. Въ 1867 г. явилась въ печати драматическая хроника — „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій", въ томъ же году напечатано „Тушино" и въ слѣдующемъ — драма „Василиса Мелентьева".

Она возникла, несомнѣнно, ради личности Ивана Грознаго. Мысль объ этой пьесѣ не принадлежала Островскому.

Раньше, чѣмъ творчество Островскаго развилось на новомъ пути, къ его волжскимъ воспоминаніямъ прибавились другія, не столь сильныя и глубокія, но имѣвшія свое значеніе въ художественномъ развитіи драматурга. Можетъ-быть, и мысль драматизировать самую живую эпоху русской исторіи была подсказана Островскому отчасти ближайшимъ знакомствомъ съ западно-европейской драматической литературой. Знакомство это находится въ связи съ заграничнымъ путешествіемъ нашего писателя. *Ивановъ.*

Островскій на службѣ при Императорскомъ театрѣ.

Одобреніе государемъ записки Островскаго о народномъ театрѣ естественно завершилось практическимъ назначеніемъ. Во второй половинѣ 1885 года вопросъ былъ рѣшенъ окон-

чательно, — и еще раньше Александръ III, въ первый разъ встрѣчая Островскаго, заявилъ ему:

— Поручая вашему вѣдѣнію свои театры, я увѣренъ, что они будутъ въ хорошихъ рукахъ. Дѣлайте все, что найдете полезнымъ для процвѣтанія ихъ.

Перваго января 1886 года управляющимъ Императорскими Московскими театрами былъ назначенъ А. А. Майковъ, Островскій — завѣдующимъ репертуарной частью и начальникомъ театральнаго училища. Московскіе театры получили самостоятельное управленіе и двухъ хозяевъ: собственно по хозяйственной части и по художественной и учебной. Важнѣйшія обязанности легли на Островскаго, на самомъ дѣлѣ единственнаго распорядителя театральнымъ дѣломъ, и онъ немедленно весь отдался своему долгу. У него давно уже былъ намѣченъ цѣлый рядъ реформъ. Еще раньше, когда была образована комиссія для пересмотра старыхъ театральныхъ постановленій и порядковъ, Островскій принялъ живѣйшее участіе въ ея работахъ. Еще тогда онъ неутомимо составлялъ записки, историческіе обзоры, проекты, и особенно хлопоталъ объ учрежденіи театральной школы.

„Если я доживу до тѣхъ поръ", говорилъ онъ, „то исполнится мечта всей моей жизни, и я спокойно скажу: нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ!..." Теперь только что полученное назначеніе онъ называлъ счастьемъ. Онъ почувствовалъ новый приливъ силъ, восторженный подъемъ духа, и „съ непогасшею еще страстностью", говорилъ онъ, взялъ на свои плечи новую ношу. Онъ прибавлялъ, что плечи были уже усталыя, а ноша тяжела и непосильна. Но дѣйствительно страстная любовь къ дѣлу должна восполнить всѣ немощи и и тягости.

Прежде всего Островскій принялся за вопросъ о школѣ. По обыкновенію, онъ и на этотъ счетъ составилъ обстоятельную записку. Театральное училище должно поставлять артистовъ на Императорскую сцену. Теперь эта сцена вынуждена пополнять свою труппу провинціальными актерами и даже любителями: явленіе — ненормальное и даже убыточное. Школа и сцена должны быть неразрывно другъ съ другомъ связанными учрежденіями. Изъ школы ученики должны поступать на сцену и здѣсь — среди опытныхъ артистовъ завершать свое ходожественное воспитаніе, вырастать

на глазахъ публики. Театръ — естественное продолженіе школы, и такъ должно быть одинаково и для драмы и для оперы. Не оставилъ Островскій безъ вниманія и балетъ. Онъ хотѣлъ обновить его, сообщить ему занимательность — съ помощью феерій и сказочныхъ представленій. Наконецъ, драматургъ входилъ и въ частные вопросы театральной службы, тщательно пересмотрѣлъ составъ лицъ, завѣдующихъ постановкой и исполненіемъ пьесъ, — и предложилъ не мало существенныхъ преобразованій и въ этой области. Работа шла безостановочно, можно сказать — Островскій полагалъ на нее всѣ свои духовныя и физическія силы. По временамъ имъ овладѣвала оторопь предъ громадностью и сложностью задачи, и онъ писалъ тогда: „нѣтъ, я чувствую, что у меня нехватаетъ силъ и твердости провести въ дѣло, на пользу родного искусства тѣ завѣтныя убѣжденія, которыми я жилъ, которыя составляютъ мою душу. Это положеніе глубоко трагическое“. Но эти настроенія не заставляли Островскаго опускать руки. Напротивъ, послѣ тяжелаго раздумья онъ съ новымъ рвеніемъ набрасывался на работу и сообщалъ совсѣмъ и другія вѣсти въ родѣ слѣдующей: „Вотъ уже двѣ недѣли я до самозабвенія работаю надъ преобразованіемъ театральнаго училища, а теперь страдаю на экзаменахъ всякой мелочи обоего пола“.

Очевидецъ разсказываетъ, до какихъ предѣловъ доходило утомленіе Островскаго. Почти каждый день онъ являлся домой измученный, съ потухшимъ взглядомъ, опускался въ кресло и въ теченіе нѣкотораго времени не могъ вымолвить слова...

— Дай мнѣ опомниться, прійти въ себя, — начиналъ онъ. — Я сегодня чуть не умеръ. Мнѣ нехватало воздуха, нечѣмъ было дышать... Ревматизмъ не позволяетъ отъ боли пошевелить руками... народу, съ которымъ надо было объясняться, пропасть... потомъ доклады — я сегодня подписалъ шестьдесятъ бумагъ, — и вотъ видишь, въ какомъ состояніи воротился домой....

Едва отдохнувъ, вечеромъ онъ отправлялся въ театръ, — большею частью успѣвалъ посѣтить тотъ и другой, волновался, видя неисправности, и дома засыпалъ безпокойнымъ и тревожнымъ сномъ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ изнурительнаго труда Островскій собрался поѣхать въ деревню. Имѣніе это — сельцо

Щелыково, Кинешемскаго уѣзда — было пріобрѣтено еще отцомъ Островскаго, по завѣщанію покойнаго досталось его второй женѣ, и она продала его своему пасынку.

Ивановъ.

Послѣдніе дни жизни Островскаго.

Мѣстность, гдѣ расположено Щелыково, одна изъ самыхъ живописныхъ. Ее пересѣкаютъ три рѣчки: первыя двѣ (Куенга и Сендега) быстрыя въ своемъ теченіи по оврагамъ, гдѣ онѣ красиво извиваются и шумятъ, дѣлая безчисленные каскады. Мера — спокойная, сплавная рѣка, текущая также въ красивыхъ берегахъ (на ней Ал. Ник. любилъ ловить рыбу неводомъ). Не было ни одного гостя въ Щелыковѣ, который бы не восхищался его мѣстоположеніемъ. Говорятъ, что отецъ братьевъ Островскихъ, чувствуя приближеніе смерти, просилъ приподнять его съ кровати, на которой кончился, чтобы дать ему возможность въ послѣдній разъ взглянуть на окрестные виды, открывающіеся изъ оконъ дома.

Въ усадьбѣ имѣется старый деревянный двухъэтажный домъ, съ огромнымъ каменнымъ скотнымъ дворомъ и каменнымъ зданіемъ кухни и прачечной съ мезаниномъ. Въ мезанинѣ этомъ и въ верхнемъ этажѣ стараго дома находился пріютъ для пріѣзжихъ гостей. Всѣхъ чаще жилъ здѣсь актеръ Александринскаго театра Ѳед. Алекс. Бурдинъ съ семьей, издавна находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ал. Ник., пользовавшійся особеннымъ его вниманіемъ передъ прочими и полнымъ довѣріемъ. Рѣдкое лѣто не навѣщали здѣсь Ал. Ник. кто-либо изъ литературныхъ и театральныхъ друзей и всѣхъ чаще, конечно, И. Ѳ. Горбуновъ.

Съ бакона открывается не подлежащій описанію живописный видъ на окрестности съ рѣчкой внизу горы и съ красивой, рисующейся среди зелени, церковью Никольскаго погоста. Послѣ покупки братьями Островскими у своей мачехи Щелыкова, Мих. Ник., не въ далекомъ разстояніи отъ стараго дома, выстроилъ собственно для себя небольшой деревянный домикъ, соединенный со старымъ березовой аллеей. Въ этомъ домикѣ проживалъ Мих. Ник. въ рѣдкіе свои пріѣзды въ Щелыково, чтобы отдохнуть отъ нелегкихъ

и многосложныхъ своихъ обязанностей по управленію Министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ верхнемъ же этажѣ этого домика Ал. Ник. постоянно занимался вырѣзными работами изъ дерева, которыя онъ страстно любилъ и въ которыхъ былъ очень искусенъ. Видъ изъ этого домика еще лучше, чѣмъ изъ стараго дома.

Мы видѣли Ал. Ник., среди этихъ красотъ природы, здоровымъ и жизнерадостнымъ. Съ необыкновенно ласковою улыбкою, которой никогда невозможно забыть и которою высказывалось полнѣйшее удовольствіе доброю памятью и посѣщеніемъ, — радушно встрѣчалъ онъ пріѣзжихъ и старался тотчасъ же устроить ихъ такъ, чтобы они чувствовали себя какъ дома. На деревенское угощеніе имѣлось достаточно запасовъ въ погребѣ и на огородѣ, на которомъ сажался и сѣялся всякій рѣдкій и нѣжный овощъ и которымъ любилъ похвастаться самъ владѣлецъ. У него, какъ у опытнаго и прославленнаго рыболова, что ни заносъ уды, то и клевъ рыбы — обычно щурятъ — въ омутѣ рѣчки передъ мельничной запрудой, и въ такомъ количествѣ, при всякой ловлѣ, что довольно было на цѣлый ужинъ. Оставаясь такимъ же радушнымъ и хлѣбосольнымъ, какъ и въ Москвѣ, въ деревнѣ своей онъ казался упростившимся до дѣтской наивности и полнаго довольства и благодушія. Несомнѣнно, онъ отдохнулъ, повеселѣлъ и сталъ совершенно беззаботенъ, а чтобы не обратили ему это все въ упрекъ и обвиненіе, то, вотъ, когда открывается съѣздъ мировыхъ судей, онъ, въ качествѣ почетнаго судьи, каждый мѣсяцъ ѣздитъ въ городъ Кинешму, да и вообще ее старается посѣщать: тамъ у него есть, гдѣ остановиться и съ кѣмъ поговорить. А затѣмъ вотъ и газеты и журналы высылаются изъ Москвы: „читаемъ, гуляемъ въ своемъ лѣсу, ѣздимъ на Сендегу ловить рыбу, сбираемъ ягоды, ищемъ грибы“. „Отправляемся въ луга съ самоваромъ — чай пьемъ. Соберемъ помочь, станемъ пѣсни слушать; угощеніе жницамъ предоставимъ: все по предписанію врачей на законномъ основаніи“. Богатырь въ кабинетѣ съ перомъ въ рукахъ, — въ столовую къ добрымъ гостямъ выходилъ настоящимъ ребенкомъ, а семьѣ всегда предъявлялась имъ сильная и глубокая любовь къ домашнему очагу. Въ маленькомъ скромномъ хозяйствѣ, не дающемъ ни копейки дохода, ощущалась полная благодать

для внутренняго довольства и для здоровья, которое начало сдавать: усилились колотья въ бокахъ, увеличилась одышка; очень пугаетъ сердце. Въ деревнѣ меньше и рѣже приходится схватываться за грудь и жаловаться на боли, а по возвращеніи въ городъ, конечно, опять начнется старая исторія, и напомнятъ о себѣ застарѣлые недуги. Въ городѣ много работы; не стало отдыха.

Между тѣмъ надвигалась бѣда. Чрезмѣрная работа послѣднихъ лѣтъ оказалась губительною тѣмъ болѣе, что цѣлый годъ производилась порывами и тревожно. Эти волненія и ежедневныя безпокойства въ Москвѣ оказались болѣе убійственными, чѣмъ прежняя умѣренная дѣятельность и правильно налаженныя литературныя занятія, когда привелось написать для русской драматической сцены 44 оригинальныхъ произведенія, кромѣ нѣкоторыхъ переводныхъ пьесъ. Литературныя занятія, какъ всякое тѣлесное упражненіе, могли казаться здоровыми, но, чрезмѣрно возбуждая душевныя силы, въ то же время истощали и убивали тѣло, въ которомъ уже успѣли угнѣздиться тяжелые недуги. Эта-то чрезмѣрность въ трудѣ, а главное — постоянное раздраженіе непріятностями по управленію труппой на податливой почвѣ потрясеннаго организма и сдѣлались роковыми, какъ всякое излишество, когда передъ отъѣздомъ на лѣто въ Щелыково Ал. Ник. еще вдобавокъ и простудился. По цѣлымъ часамъ отъ ревматическихъ болей онъ не могъ пошевелиться и ужасно страдалъ; дорогой впадалъ въ обмороки.

А затѣмъ коротенькій сказъ, торопливое газетное извѣстіе, на легкомъ ходу:

„Утромъ въ Духовъ день 2-го іюня (1886 г.), А. Н. Островскому внезапно сдѣлалось дурно, и онъ скончался".

Совершилось ужасное событіе, и разнеслась по Россіи потрясающаяся вѣсть:

Островскаго не стало!

Тѣмъ не менѣе, по искреннему и правдивому выраженію, безыскусственному, высказанному, между прочимъ, на двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ его драматической дѣятельности:

Пройдутъ года — дойдетъ отъ дѣдовъ
Ко внукамъ трудъ почтенный твой,
И Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ
Съ тобой вѣнецъ раздѣлятъ свой...

Показывая намъ юмористическую сторону жизни, онъ училъ плакать и смѣяться честно и искренно, — и этимъ особенно дорога намъ его память. Не далеко ходить и за утѣшеніемъ.

Уже очень давно сказано: „жить послѣ смерти въ сердцахъ тѣхъ, кого покидаемъ, — не значитъ умереть", а нашимъ личнымъ воспоминаніямъ впереди остается еще довольно простора и поводовъ для объясненія дѣятельности и для характеристики личности нашего великаго драматическаго писателя. *Максимовъ.*

Самодурство и его растлѣвающее вліяніе.

Гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше. Надо судить по человѣчеству.

Предъ нами въ „Семейной картинѣ" грустно-покорныя лица нашихъ младшихъ братій, обреченныхъ судьбою на зависимое, страдательное существованіе. Это міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробового молчанія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью вѣетъ темная и тѣсная тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее. Въ ней вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи. Чуть тлѣется эта искра въ сырости и смрадѣ темницы, но иногда на минуту вспыхиваетъ она и обливаетъ свѣтомъ правды и добра мрачныя фигуры томящихся узниковъ. При помощи этого минутнаго освѣщенія мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго, — и наше сердце стѣсняется болью и ужасомъ. Они молчатъ, эти несчастные узники, — они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпенѣніи и даже не потрясаютъ своими цѣпями; они почти лишились даже способности сознавать свое страдальческое положеніе; но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ тяжесть, лежащую на нихъ, они не потеряли спо-

собности ощущать свою боль. Если они безмолвно и неподвижно переносятъ ее, такъ это потому, что каждый крикъ, каждый вздохъ, среди этого мрачнаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается колючею болью въ груди, каждое движеніе тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія. И не откуда ждать имъ отрады, негдѣ искать облегченія: надъ ними буйно и безотчетно владычествуетъ безсмысленное *самодурство*, въ лицѣ разныхъ Большовыхъ, Торцовыхъ, Брусковыхъ, Уланбековыхъ и пр., не признающее никакихъ разумныхъ правъ и требованій. Только его дикіе, безобразные крики нарушаютъ эту мрачную тишину и производятъ пугливую суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли.

Но не мертвецы же всѣ эти жалкіе люди, не въ темныхъ же могилахъ родились и живутъ они. Вольный Божій свѣтъ разстилался когда-то и предъ ними, хоть на короткое время, въ давнюю пору ранняго беззаботнаго дѣтства. Воспоминаніе объ этой золотой порѣ не оставляетъ ихъ и въ смрадной тюрьмѣ, и въ горькой кабалѣ самодурства. Грубые, необузданные крики какого-нибудь самодура, широкіе размахи руки его напоминаютъ имъ просторъ вольной жизни, гордые порывы свободной мысли и горячаго сердца,—порывы заглушенные въ несчастныхъ страдальцахъ, но погибшіе не совсѣмъ безъ слѣда. И вотъ черный осадокъ недовольства, безсильной злобы, тупого ожесточенія начинаетъ шевелиться на днѣ мрачнаго омута, хочетъ всплыть на поверхность взволнованной бездны и своимъ мутнымъ наплывомъ дѣлаетъ ее еще безобразнѣе и ужаснѣе. Нѣтъ простора и свободы для живой мысли, для задушевнаго слова, для благороднаго дѣла: тяжкій самодурный запретъ наложенъ на громкую, открытую, широкую дѣятельность. Но пока живъ человѣкъ, въ немъ нельзя уничтожить стремленія жить, то-есть проявлять себя какимъ бы то ни было образомъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Чѣмъ болѣе стремленіе это стѣсняется, тѣмъ его проявленія бываютъ уродливѣе: но совсѣмъ не быть они не могутъ, пока человѣкъ не совсѣмъ замеръ. И такова сила самодурства въ этомъ темномъ царствѣ Торцовыхъ, Брусковыхъ и Уланбековыхъ, что много людей дѣйствительно замираетъ въ немъ, теряетъ и смыслъ, и волю, и даже силу

сердечнаго чувства—все, что составляетъ разумную жизнь,— и въ идіотскомъ безсиліи прозябаетъ, только совершая отправленія животной жизни. Но есть и живучія натуры: тѣ глубоко внутри себя вбираютъ ядъ своего недовольства, чтобы при случаѣ выпустить его, а между тѣмъ неслышно ползутъ, подобно змѣѣ, съеживаются, извиваются и перевертываются ужомъ и жабою... Они безмолвны, неслышны, незамѣтны; они знаютъ, что всякое быстрое и размашистое движеніе отзовется нестерпимой болью на ихъ закованномъ тѣлѣ; они понимаютъ, что, рванувшись изъ своихъ желѣзъ, они не выбѣгутъ изъ тюрьмы, а только вырвутъ куски мяса изъ своего тѣла. И вотъ они принимаются за работу глухую и тихую: изгибаясь, вертясь и сжимаясь, они пробуютъ всѣ возможные манеры—нельзя ли втихомолку высвободить руки, чтобы потомъ распилить свои цѣпи... Начинается воровское, урывчатое движеніе, съ оглядкою, чтобы кто-нибудь не подмѣтилъ его; начинается обманъ и подлость, притворство и зложелательство, ожесточеніе на все окружающее и забота только о себѣ, о достиженіи личнаго спокойствія. Тутъ нѣтъ злобно обдуманныхъ плановъ, нѣтъ сознательной рѣшимости на систематическую, подземную борьбу, нѣтъ даже особенной хитрости; тутъ просто невольное, вынужденное внѣшними обстоятельствами, вовсе не обдуманное и ни съ чѣмъ хорошенько не соображенное проявленія чувства самосохраненія. Какъ у насъ невольно и безъ нашего сознанія появляются слезы отъ дыма, отъ умиленія и хрѣна, какъ глаза наши невольно щурятся при внезапномъ и слишкомъ сильномъ свѣтѣ, какъ тѣло наше невольно сжимается отъ холода,— такъ точно эти люди невольно и безсознательно принимаются за плутовскую, лицемѣрную и грубо-эгоистическую дѣятельность, при невозможности дѣла открытаго, правдиваго и радушнаго... Нечего винить этихъ людей, хотя и не мѣшаетъ остерегаться ихъ: они сами не вѣдаютъ, что творятъ. Подъ страхомъ нагоняя и потасовки, рабски воспитанные, — съ безпрестаннымъ опасеніемъ остаться безъ куска хлѣба, рабски живущіе, они всѣ силы свои напрягаютъ на пріобрѣтеніе одной изъ главныхъ рабскихъ добродѣтелей—безсовѣстной хитрости. И чего же имъ совѣститься, какую правду, какія права уважать имъ? Вѣдь самодурство властвуетъ надъ ними, давитъ и убиваетъ ихъ — совершенно безправно, безсмысленно,

безсовѣстно! Въ людяхъ, воспитанныхъ подъ такимъ владычествомъ, не можетъ развиться сознаніе нравственнаго долга и истинныхъ началъ честности и права. Вотъ почему безобразнѣйшее мошенничество кажется имъ похвальнымъ подвигомъ, самый гнусный обманъ — ловкою штукой. Они могутъ васъ надувать, обкрадывать, подводить подъ ножъ, и при всемъ этомъ оставаться искренно радушными и любезными съ вами, сохранять невозмутимое добросердечіе и множество истинно добродѣтельныхъ качествъ. Въ ихъ натурѣ вовсе нѣтъ злости, нѣтъ и вѣроломства: но имъ нужно какъ-нибудь выплыть, выбиться изъ гнилого болота, въ которое погружены они сильными самодурами; они знаютъ, что выбраться на свѣжій воздухъ, которымъ такъ свободно дышатъ эти самодуры, можно съ помощью обмана и денегъ: и вотъ они принимаются хитрить, льстить, надувать, начинаютъ и по мелочи и большими кушами, но всегда тайкомъ и рывкомъ, закладывать въ свой карманъ чужое добро. Что за дѣло, что оно чужое? Вѣдь у нихъ самихъ отняли все, что они имѣли, *свою волю* и *свою мысль*: какъ же имъ разсуждать о томъ, что честно и что безчестно? какъ не захотѣть надуть другого для своей личной выгоды.

Такимъ образомъ наружная покорность и тупое, сосредоточенное горе, доходящее до совершеннаго идіотства и плачевнѣйшаго обезличенія, переплетаются въ темномъ царствѣ, изображаемомъ Островскимъ, съ рабскою хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнѣйшимъ вѣроломствомъ. Тутъ никто не можетъ ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что пріятель вашъ похвалится тѣмъ, какъ онъ ловко обсчиталъ или обворовалъ васъ; компаньонъ въ выгодной спекуляціи — легко можетъ забрать въ руки всѣ деньги и документы и засадить своего товарища въ яму за долги; тесть надуетъ зятя приданымъ; женихъ обочтетъ и надуетъ сваху; невѣста-дочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее надъ нимъ самодурство, дикое, безумное, неправое, прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права... И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ повержено въ прахъ и нагло растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастіе, и святыня честнаго труда.

А между тѣмъ тутъ же рядомъ, только за стѣною, идетъ другая жизнь, свѣтлая, опрятная, образованная... Обѣ стороны темнаго царства чувствуютъ превосходство этой жизни и то пугаются ея, то привлекаются къ ней. Но основы этой жизни, ея внутренняя сила—совершенно непонятны для жалкихъ людей, отвыкшихъ отъ всякой разумности и правды въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. Только самыя грубыя и внѣшнія, бьющія въ глаза, проявленія этой образованности понятны для нихъ, только на нихъ они нападаютъ, ежели вздумаютъ *невзлюбитъ* образованность, и только *ихъ подражаютъ*, ежели увлекутся страстью жить *по благородному*. Старикъ-самодуръ сбрѣетъ бороду и станетъ напиваться шампанскимъ, вмѣсто водки; дочь его будетъ пѣть *жестокіе* романсы и увлекаться офицерами; сынъ начнетъ кутить и покупать дорогія платья и шали танцовщицамъ; вотъ и весь кодексъ ихъ образованности... Зато и тѣ, которые боятся новаго свѣта,—если имъ попадется дурачекъ Вихоревъ или Бальзаминовъ, рады принять его за представителя образованности, и по поводу его излить свое негодованіе на новые порядки... И такъ черезъ всю жизнь *самодуровъ*, черезъ все страдальческое существованіе *безотвѣтныхъ* проходитъ эта борьба съ волною новой жизни, которая, конечно, зальетъ когда-нибудь всю издавна накопленную грязь и превратитъ топкое болото въ свѣтлую и величавую рѣку, но которая теперь еще только вздымаетъ эту грязь и сама въ нее всасывается, и вмѣстѣ съ нею гніетъ и смердитъ... Теперь новыя начала жизни только еще тревожатъ сознаніе всѣхъ обитателей темнаго царства, въ родѣ далекаго привидѣнія или кошмара. Даже для тѣхъ, которые рѣшаются сами *подражать новую моду*, она все-таки тяжела такъ, какъ тяжелъ бываетъ всякій кошмаръ, хотя бы въ немъ представлялись видѣнія самыя прелестныя. И точно какъ послѣ кошмара, даже тѣ, которые повидимому уже успѣли освободиться отъ самодурнаго гнета и успѣли возвратить себѣ чувство и сознаніе,—и тѣ все еще не могутъ найтись хорошенько въ своемъ новомъ положеніи, и не понявъ ни настоящей образованности, ни своего призванія, не умѣютъ удержать и своихъ правъ, не рѣшаются и приняться за дѣло, а возвращаются опять къ той же покорности судьбѣ, или къ темнымъ сдѣлкамъ съ ложью и самодурствомъ.

Таково общее впечатлѣніе комедій Островскаго, какъ мы ихъ понимаемъ. Чтобы нѣсколько рельефнѣе выставить нѣкоторыя черты этого блѣднаго очерка, напомнимъ нѣсколько частностей, долженствующихъ служить подтвержденіемъ и поясненіемъ нашихъ словъ. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся представленіемъ того нравственнаго растлѣнія, тѣхъ безсовѣстно-неестественныхъ людскихъ отношеній, которыя мы находимъ въ комедіяхъ Островскаго, какъ прямое слѣдствіе тяготѣющаго надъ всѣми самодурства.

Обманъ тутъ — явленіе нормальное, необходимое, какъ убійство на войнѣ. Бытъ этотъ темнаго царства такъ ужъ сложился, что вѣчная вражда господствуетъ между его обитателями. Тутъ всѣ въ войнѣ: жена съ мужемъ — за его самовольство, мужъ съ женою — за ея непослушаніе или неугожденіе; родители съ дѣтьми зато, что дѣти хотятъ жить своимъ умомъ, дѣти съ родителями зато, что имъ не даютъ жить своимъ умомъ; хозяева съ прикащиками, начальники съ подчиненными — воюютъ зато, что одни хотятъ все подавить своимъ самодурствомъ, а другіе не находятъ простору для самыхъ законныхъ своихъ стремленій; дѣловые люди воюютъ изъ-за того, чтобы другой не перебилъ у нихъ барышей ихъ дѣятельности, всегда расчитанной на эксплуатацію другихъ; праздные шатуны бьются, чтобы не ускользнули отъ нихъ тѣ люди, трудами которыхъ они задаромъ кормятся, щеголяютъ и богатѣютъ. И всѣ эти люди воюютъ общими силами противъ людей честныхъ, которые могутъ открыть глаза угнетеннымъ труженикамъ и научить ихъ громко и настоятельно предъявить свои права. Вслѣдствіе такого порядка дѣлъ, всѣ находятся въ осадномъ положеніи, всѣ хлопочутъ о томъ, какъ бы только спасти себя отъ опасности и обмануть бдительность врага. На всѣхъ лицахъ написанъ испугъ и недовѣрчивость; естественный ходъ мышленія измѣняется, и на мѣсто здравыхъ понятій вступаютъ особенныя, условныя соображенія, отличающіяся скотскимъ характеромъ и совершенно противныя человѣческой природѣ. Точно въ такомъ безумномъ ослѣпленіи находятся всѣ жители темнаго царства, возстающаго передъ нами изъ комедій Островскаго. Они въ постоянной войнѣ со всѣмъ окружающимъ, и потому не требуйте и не ждите отъ нихъ раціональныхъ соображеній, доступныхъ человѣку въ спокойномъ и мирномъ состояніи.

Пузатовъ дѣлаетъ такой военный силлогизмъ: „если я тебя не разобью, такъ ты меня разобьешь; такъ лучше же я тебя разобью". И что же сказать противъ такого силлогизма? И не рождается ли онъ самъ собою у всякаго человѣка, поставленнаго въ затруднительное положеніе выбирать между побѣдою и пораженіемъ? Нечего и удивляться, что, разсказывая о томъ, какъ не додалъ денегъ нѣмцу, представившему счетъ изъ магазина, Пузатовъ разсуждаетъ такъ: „а то всѣ ему и отдать? да за что это? Нѣтъ, ужъ опосля честь будетъ. *Они тамъ ломятъ цѣну какую хотятъ, а имъ съ дуру-то и вѣрятъ. И въ другой разъ тоже сдѣлаю, коли векселя не возьметъ*". Вы видите, что здѣсь идетъ самая обыкновенная игра: кто лучше играетъ, тотъ и остается въ выигрышѣ.

Но Пузатовъ самъ не любитъ особенно обмана, обмана безъ нужды, безъ надежды на выгоду; не любитъ между прочимъ и потому, что въ такомъ обманѣ выражается не солидный умъ, занятый существенными интересами, а просто легкомысліе, лишенное всякой основательности. Ширялова же, у котораго плутовство переходитъ всякія границы, онъ не одобряетъ больше потому, что ужъ тотъ ни войны ни мира не разбираетъ, — то во время перемирія стрѣлять начнетъ, то даже по своимъ ударитъ. „Это,—говоритъ Пузатовъ,—словно жидъ какой: отца родного обманетъ. Право. Такъ вотъ въ глаза и смотритъ всякому. А вѣдь святошей прикидывается". Впрочемъ и неодобреніе Пузатова нельзя въ этомъ случаѣ принимать серіозно: въ самую минуту его брани на Ширялова купецъ этотъ является къ Антипу Антипычу въ гости. Антипъ Антипычъ не только очень любезно принимаетъ его, не только внимательно слушаетъ его разсказы о кутежѣ сына-Сеньки, вынуждающемъ старика самого жениться, и о собственныхъ плутовскихъ шуткахъ Ширялова, но въ заключеніе еще сватаетъ за него сестру свою, и тутъ же, безъ согласія и безъ вѣдома Марьи Антиповны, окончательно слаживаетъ дѣло. Что его побудило къ этому? Отвѣтъ высказывается въ нѣсколькихъ словахъ, произносимыхъ имъ по уходѣ Ширялова. „Экой воръ мужикъ-то, — самъ съ собою разсуждаетъ Ширяловъ, подмигивая глазомъ, — тонкая бестія! Вѣдь какимъ лазаремъ прикинется! Вишь ты, Сенька виноватъ!... А ужъ что, братъ, толковать: просто на старости блажь пришла... Что жъ, мы съ нашимъ удоволь-

ствіемъ! Ничего, можно-съ!... *Только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то кто кого обманетъ, — дѣло темное-съ. Мы тоже съ матушкой на свою руку охулки не положимъ"*... Дѣло, стало быть, очень просто: представилась возможность *выгодно* сбыть сестру: какъ же не воспользоваться случаемъ? Для сестры же тутъ доброе дѣло выходитъ: все-таки будетъ пристроена!...

Таковы люди, таковы людскія отношенія, представляющіяся намъ въ „Семейной картинѣ", первомъ по времени произведеніи Островскаго. Въ немъ уже находятся задатки многаго, что полнѣе и ярче раскрылось въ послѣдующихъ комедіяхъ. По крайней мѣрѣ видно, что уже и въ это время авторъ былъ пораженъ тѣмъ непріязненнымъ и мрачнымъ характеромъ, какимъ у насъ большею частію отличаются отношенія самыхъ близкихъ между собою людей. Здѣсь же намѣчены отчасти и причины этой мрачности и враждебности: безсмысленное самодурство однихъ и робкая уклончивость, бездѣятельность другихъ. Что же касается до тѣхъ изъ обитателей „темнаго царства", которые имѣли силу и привычку къ дѣлу, такъ они всѣ съ самаго перваго шага вступали на такую дорожку, которая никакъ ужъ не могла привести къ чистымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Работающему человѣку никогда здѣсь не было мирной, свободной и общеполезной дѣятельности: едва успѣвши осмотрѣться, онъ уже чувствовалъ, что очутился какимъ-то образомъ въ непріятельскомъ станѣ и долженъ, для спасенія своего существованія, какъ нибудь надуть своихъ враговъ, прикинувшись хотя добровольнымъ переметчикомъ. А тамъ начинаются хитрости, какъ бы обмануть бдительность непріятелей и спастись отъ нихъ: а ежели и это удастся, придумываются непріязненныя дѣйствія противъ нихъ, частію въ отмщеніе, частію же для огражденія себя отъ новой опасности. Гдѣ же тутъ развится правильнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ людей другъ къ другу? Гдѣ тутъ воспитаться уваженію человѣческаго достоинства? Здѣсь всѣ въ отвѣтѣ за какую-то чужую несправедливость, всѣ дѣлаютъ мнѣ пакости за то, въ чемъ я вовсе не виноватъ, и отъ всѣхъ я долженъ отбиваться, даже вовсе не имѣя желанія побить кого нибудь. Поневолѣ человѣкъ дѣлается неразборчивъ и начинаетъ бить, кого попало, не теряя даже сознанія, что въ сущности-то

никого бы не слѣдовало бить. Невольно повторишь опять сравненіе жизни „темнаго царства" съ ожесточенною войною. На войнѣ вѣдь не бѣда, если солдатъ убьетъ такого непріятеля, который ни одного выстрѣла не послалъ въ нашъ станъ: онъ подвернулся подъ пулю,— и довольно. Солдата-убійцу не будетъ совѣсть мучить. Такъ точно, что за бѣда, если купецъ обманулъ честнѣйшаго человѣка, который никому въ жизни ни малѣйшаго зла не сдѣлалъ? Довольно того, что онъ покупаетъ товаръ; торговля все равно, что война: не обмануть — не продать!... Приложите то же самое къ помѣщику, къ чиновнику „темнаго царства", къ кому хотите,— выйдетъ все тоже: всѣ въ военномъ положеніи, и никого совѣсть не мучитъ за обманъ и присвоеніе чужого, оттого именно, что ни у кого нѣтъ нравственныхъ убѣжденій, а всѣ живутъ сообразно съ обстоятельствами.

Такимъ образомъ мы находимъ глубоко-вѣрную, характеристически-русскую черту въ томъ, чта Большовъ въ своемъ злостномъ банкротствѣ не слѣдуетъ никакимъ особеннымъ *убѣжденіямъ* и не испытываетъ *глубокой душевной борьбы*, кромѣ страха, какъ бы не попасться подъ уголовный... Въ преступленіи они понимаютъ только внѣшнюю, юридическую его сторону, которую справедливо презираютъ, если могутъ какъ нибудь обойти. Внутренняя же сторона, послѣдствія совершаемаго преступленія для другихъ людей и для общества — вовсе имъ не представляются. Замышляя злостное банкротство, Большовъ и не думаетъ о томъ, что можетъ повредить благосостоянію заимодавцевъ, и, можетъ быть, пуститъ нѣсколько человѣкъ по міру. Это ему не приходитъ въ голову даже и тогда, какъ ужъ его въ яму посадили. Онъ толкуетъ, что ему страшно на Иверскую взглянуть, проходя мимо Иверскихъ воротъ, жалуется, что на него мальчишки пальцами показываютъ, боится, что въ Сибирь его сошлютъ: но о людяхъ, разоренныхъ имъ, — ни слова. Мудрено ли же, что онъ такъ легко рѣшается на преступленіе, котораго существеннѣйшая-то мерзость ему и непонятна! Онъ видитъ только, что „*другіе же дѣлаютъ*". И это для него не оправдательная фраза, не примѣръ только, какъ утверждалъ одинъ строгій критикъ Островскаго. Нѣтъ, тутъ исходная точка, изъ которой выводится вся мораль Большова. Онъ видитъ, что другіе банкротятся, зажиливаютъ его деньги,

а потомъ строютъ себѣ на нихъ дома съ бельведерами да заводятъ удивительные экипажи: у него сейчасъ и прилагается здѣсь общее соображенie: „чтобы меня не обыграли, такъ я долженъ стараться другихъ обыграть". И ужъ тутъ нужды нѣтъ, что кредиторы Большова не банкротились и не дѣлали ему подрыва: все равно, съ кого бы ни пришлось, только бы сорвать свою выгоду. Тутъ, какъ и въ сраженiи, разбирать личности нечего. Вотъ кабы никто не обманывалъ, т. е. кабы войны не было, тогда и Самсонъ Силычъ жилъ бы мирно и честно, никого не надувалъ. А то какъ же ему то вести себя, когда всѣ кругомъ мошенничаютъ? И кому какая будетъ польза отъ его честности? Не онъ, такъ другiе надуютъ, все единственно. Вотъ разговоръ Большова съ Подхалюзинымъ на этотъ счетъ:

Большовъ. Вотъ ты бы, Лазарь, когда на досугѣ баланцъ для меня сдѣлалъ, учелъ бы розничную по панской-то части, ну, и остальное, что тамъ еще. А то торгуемъ, торгуемъ братецъ, а пользы ни на грошъ. Али сидѣльцы, что ли, грѣшатъ, таскаютъ роднымъ да любовницамъ; ихъ бы маленечко усовѣщивать. Что такъ, безъ барыша-то небо коптитъ? Аль сноровки не знаютъ? Пора бы, кажется.

Подхалюзинъ. Какъ же это можно, Самсонъ Силычъ, чтобы сноровки не знать? Кажется, самъ завсегда въ городѣ бываешь и завсегда толкуешь имъ-съ.

Большовъ. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзинъ. Извѣстное дѣло-съ, стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель, что ли, тумакъ навернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, — взялъ, говорю, и накинулъ рубль али два на аршинъ.

Большовъ. *Чай, братъ, знаешь, какъ Нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы — не Нѣмцы, а христiане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ.* Такъ-ли, а?

Подхалюзинъ. Дѣло понятное-съ. И мѣрять-то, говорю, надо тоже поестественнѣе, тяни да потягивай, только-чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло; вѣдь не намъ, говорю, послѣ носить. Ну а *зазѣвается, такъ никто не виноватъ,* — можно, говорю, и просто черезъ руку лишнiй аршинъ шмыгнуть.

Большовъ. *Все единственно: вѣдь портной украдетъ же.* Эхъ, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежнiя времена.

Ясное дѣло: вся мораль Самсона Силыча основана на правилѣ: чѣмъ другимъ красть, такъ лучше я украду. Пра-

вило это, можетъ быть, не имѣетъ драматическаго интереса,— это ужъ какъ тамъ угодно критикамъ; но оно имѣетъ чрезвычайно обширное приложеніе во многихъ сферахъ нашей жизни. По этому правилу иной беретъ взятку и кривитъ душой, думая: все равно, — не я, такъ другой возьметъ и тоже рѣшитъ криво. Другой держитъ свои помѣщичьи права, расчитывая: все равно, — вѣдь если не мой управляющій, то окружной станетъ стѣснять моихъ крестьянъ. Иной подличаетъ передъ начальствомъ, соображая: все равно, — вѣдь если не меня, такъ онъ другого найдетъ для себя, а я только мѣста лишусь. Словомъ — куда ни обернитесь, вездѣ вы встрѣтите людей, дѣйствующихъ по этому правилу: тотъ принимаетъ у себя негодяя, другой обираетъ богатаго простяка, третій сочиняетъ доносъ, четвертый соблазняетъ дѣвушку, — все на основаніи того же милаго соображенія: „*не я, такъ другой*“. Кажется, ясно, что здѣсь такое соображеніе совсѣмъ не имѣетъ значенія примѣра... Оно есть не что иное, какъ выраженіе самаго грубаго и отвратительнаго эгоизма, при совершенномъ отсутствіи какихъ нибудь высшихъ нравственныхъ началъ.

Слѣдуя внушеніямъ этого эгоизма, и Большовъ задумываетъ свое банкротство. И его эгоизмъ еще имѣетъ для себя извиненіе въ этомъ случаѣ: онъ не только видитъ, какъ другіе наживаются банкротствомъ, но и самъ потерпѣлъ нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ именно отъ несостоятельности многихъ должниковъ своихъ. Онъ съ горечью говоритъ объ этомъ Подхалюзину:

„Вотъ ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Такъ вотъ даромъ и бери деньги. Какъ не деньги, скажетъ, — видалъ, какъ лягушки прыгаютъ. На-ко, говоритъ, вексель. А по векселю-то съ иного что возьмешь, коли съ него взять-то нечего! У меня такихъ-то векселей тысячъ на сто, и съ протестами; только и дѣло, что каждый годъ подкладывай. Хошь, за полтину серебра всѣ отдамъ! Должниковъ-то по нимъ, чай, и съ собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбѣжались, — некого и въ яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, такъ самъ не радъ: другой такъ обдержится, что его оттедова куревомъ не выкуришь. Мнѣ, говоритъ и здѣсь хорошо, а ты проваливай“.

Но чтобы выйти изъ подобной борьбы непобѣжденнымъ, — нужно еще имѣть желѣзное здоровье и, — главное, — вполнѣ обезпеченное состояніе. А между тѣмъ, по устройству „темнаго

царства“,— все его зло, вся его ложь тяготѣетъ страданіями и лишеніями именно только надъ тѣми, которые слабы, изнурены и необезпечены въ жизни; для людей же сильныхъ и богатыхъ — та же самая ложь служитъ къ услажденію жизни. Что же имъ за выгода обличать эту ложь, бороться съ этимъ зломъ? Можно ли ожидать, что купецъ Большовъ станетъ требовать, напримѣръ, отъ своего прикащика Подхалюзина, чтобы тотъ разорялъ его, поступая, по совѣсти и отговаривая покупателей отъ покупки гнилого товара и отъ платы за него лишнихъ денегъ? Само собою разумѣется, что ужъ скорѣе самъ прикащикъ могъ бы, проникнувшись добросовѣстностью, послѣдовать такому образу дѣйствій. Но прикащикъ связанъ съ хозяиномъ: онъ сытъ и одѣтъ по хозяйской милости, онъ можетъ „въ люди произойти“, если хозяинъ полюбилъ его; а ежели не полюбилъ, то что же такое прикащикъ, со своей непрактической добросовѣстностью? Такъ,— ничтожество!.. И вотъ Подхалюзинъ начинаетъ соображать шансы своего положенія. Человѣкъ онъ не геніальный, не герой и не титанъ, а очень обыкновенный смертный. Невозможно и требовать отъ него практическаго протеста противъ всей окружающей его среды, противъ обычаевъ, установившихся вѣками, противъ понятій, которыя, какъ святыня, внушались ему, когда онъ былъ еще мальчишкою, ничего не смыслившимъ... Ясно, что онъ долженъ подчиниться той морали, какая господствуетъ въ атмосферѣ, его окружающей,— пойти по той дорожкѣ, которая проторена другими... Не пробовать же ему новой, никому невѣдомой дороги, когда ужъ есть готовый, торный проселокъ!

Но съ другой стороны, какъ натура живая и дѣятельная, и Подхалюзинъ задаетъ себѣ нѣкоторые жизненные вопросы и задачи. Задачи его обыкновенно очень мизерны, вопросы — не глубоки, потому что кругъ зрѣнія его очень ограниченъ. Онъ видитъ передъ собой своего хозяина-самодура, который ничего не дѣлаетъ, пьетъ, ѣстъ и прохлаждается въ свое удовольствіе, ни отъ кого ругательствъ не слышитъ, а напротивъ — самъ всѣхъ ругаетъ невозбранно, — и въ этомъ гаденькомъ лицѣ онѣ видитъ идеалъ счастія и высоты достижимыхъ для человѣка. Что выходитъ изъ тѣснаго круга обыденной жизни, постоянно имъ видимой, о томъ онъ имѣетъ лишь смутныя понятія, да ни мало и не заботится, находя,

что то ужъ совсѣмъ другое, объ этомъ ужъ нашему брату и думать нечего... А разъ рѣшивши это, поставивши себѣ такой предѣлъ, за который нельзя переступить, Подхалюзинъ, очень естественно, старается приспособить себя къ такому кругу, гдѣ ему надо дѣйствовить, и для того съеживается и выгибается. Это же и не стоитъ ему большого труда, — дѣло привычное съ малолѣтства: какъ вытянутъ по спинѣ аршиномъ или начнутъ объ голову кулаки оббивать, — такъ тутъ поневолѣ выгнешься и сожмешься... И Подхалюзинъ, вынося самъ всякія истязанія и находя, наконецъ, что это въ порядкѣ вещей, глубоко затаиваетъ свои личныя, живыя стремленія, въ надеждѣ, что будетъ же когда нибудь и на его улицѣ праздникъ. Между тѣмъ нравственное развитіе идетъ своимъ путемъ, логически-неизбѣжнымъ при такомъ положеніи: Подхалюзинъ, находя, что личныя стремленія его принимаются всѣми враждебно, мало-по-малу приходитъ къ убѣжденію, что дѣйствительно личность его, какъ и личность всякаго другого, должна быть въ антагонизмѣ со всѣмъ окружающимъ, и что, слѣдовательно, чѣмъ болѣе онъ отнимаетъ отъ другихъ, тѣмъ полнѣе удовлетворитъ себя. Изъ этого начала развивается то вѣчно-осадное положеніе, въ которомъ неизбѣжно находится каждый обитатель „темнаго царства“, пускающійся въ практическую дѣятельность, съ намѣреніемъ добиться чего нибудь... Высшія нравственныя правила, для всѣхъ равно обязательныя, существуютъ для него только въ нѣсколькихъ прекрасныхъ реченіяхъ и заповѣдяхъ, никогда не примѣняемыхъ къ жизни; симпатическая сторона натуры въ немъ не развита; понятія, выработанныя наукою, объ общественной солидарности и о равновѣсіи правъ и обязанностей, — ему недоступны. Самые идеалы его (потому, что идеалы и у Подхалюзина есть, такъ есть и у городничаго въ „Ревизорѣ“) грубы, тусклы, безобразны и безчеловѣчны. Городничій мечтаетъ о томъ, какъ онъ, сдѣлавшись генераломъ, будетъ заставлять городничихъ ждать себя по пяти часовъ; такъ точно Подхалюзинъ предполагаетъ: „тятенька подурили на своемъ вѣку, — будетъ: теперь намъ пора“. И только бы ему достичь возможности осуществить свой идеалъ: онъ въ самомъ дѣлѣ не замедлитъ заставить другихъ такъ же бояться, подличать, фальшивить и страдать отъ него, какъ боялся, подличалъ, фальшивилъ

и страдалъ самъ онъ, пока не обезпечилъ себѣ право на самодурство...

Тяжело прослѣдить подобную карьеру; горько видѣть такое искаженіе человѣческой природы. Кажется ничего не можетъ быть хуже дикаго, неестественнаго развитія, которое совершается въ натурахъ, подобныхъ Подхалюзину, вслѣдствіе тяготѣнія надъ нимъ самодурства. Но въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго намъ представляется новая сторона того же вліянія, по своей мрачности и безобразію едва ли уступающая той, которая была нами указана въ прошедшей статьѣ.

Эта новая сторона является намъ въ натурахъ подавленныхъ, безотвѣтныхъ. Такія натуры представляются намъ почти въ каждой изъ комедій Островскаго, съ большею или меньшею ясностью очертаній. Даже въ „Своихъ людяхъ" Аграфена Кондратьевна принадлежитъ къ такимъ натурамъ; но здѣсь она не играетъ видной роли. Ярче выставляются намъ въ послѣдующихъ комедіяхъ лица Мити въ „Бѣдность не порокъ", и дѣтей Брусковыхъ въ пьесѣ „Въ чужомъ пиру похмѣлье", и лица дѣвушекъ почти во всѣхъ комедіяхъ Островскаго. Авдотья Максимовна, Любовь Торцова, Даша, Надя — все это безвинныя, безотвѣтныя жертвы самодурства, и то сглаженіе, *отмѣненіе* человѣческой личности, такое въ нихъ произведено жизнью, едва ли не безотраднѣе дѣйствуетъ на душу, нежели самое искаженіе человѣческой природы въ плутахъ, подобныхъ Подхалюзину. Тамъ еще кое-гдѣ пробивается жизнь, самобытность, мерцаетъ минутами лучъ какой-то надежды; здѣсь — тишь невозмутимая, мракъ непроглядный, здѣсь предъ вами стоитъ мертвая красавица въ безлюдной степи, и общее гробовое молчаніе нарушается лишь движеніемъ степного коршуна, терзающаго въ воздухѣ добычу... Жутко, точно на кладбищѣ или въ домѣ купца-раскольника наканунѣ великаго праздника! *Добролюбовъ.*

Бытовое и художественное значеніе комедіи Островскаго: „Свои люди — сочтемся".

По содержанію и ходу пьесы видно, что злостное банкротство купца Большова составляетъ главный предметъ всей комедіи. Съ этимъ предметомъ связаны, такъ или иначе, интересы всѣхъ лицъ. Изъ этихъ лицъ важнѣйшія: купецъ

Самсонъ Силычъ Большовъ, главный приказчикъ его — Лазарь Елизарычъ Подхалюзинъ, и дочь Большова — Липочка.

Большовъ — живой, полный типъ богатаго купца-самодура. Онъ образованія никакого не получилъ. Поэтому онъ не только не понимаетъ, въ чемъ заключаются обязанности человѣка передъ обществомъ, но просто напросто считаетъ себя внѣ всякихъ нравственныхъ правилъ. Такія правила онъ признаетъ обязательными только для другихъ. Себя самого Большовъ считаетъ единственнымъ закономъ и средоточіемъ всего, до чего только досягаетъ его власть. Въ домѣ, напримѣръ, всѣ передъ нимъ трепещутъ, отъ мальчика Тишки, и до жены, Аграфены Кондратьевны. Его деспотизмъ тяготѣетъ надъ всѣми домашними безъ разбору. Вотъ отчего въ трудную минуту сглаживается различіе чиновъ и званій: мать, дочь, кухарка, хозяйка, мальчишка, приказчикъ — все это сливается въ одну, угнетенную, партію; у всѣхъ забота одна — какъ бы ускользнуть отъ общей опасности. Жену Большовъ въ глаза называетъ *старой кергой;* о дочери говоритъ: „мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю“. Нравственныхъ убѣжденій у Большова нѣтъ никакихъ, да и не откуда имъ взяться. Это очень важное обстоятельство. Имъ объясняется, почему Большовъ такъ спокойно и увѣренно дѣйствуетъ по своему собственному правилу. А правило его вотъ какое: какъ бы лучше самому устроиться на счетъ ближняго, а ужъ ближній пеняй на себя за оплошность. „Отъ чего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ? Ничего, можно“. Такъ говоритъ Пузатовъ въ комедіи „Семейная картина“. Такое же правило и у Большова. На такомъ взглядѣ на жизнь и построенъ планъ его банкротства. Замѣчательны мотивы банкротства: Большовъ не потому не платитъ денегъ, что нечемъ; напротивъ, денегъ у него много; а просто — „не хочется“ платить. Да кромѣ того, Большовъ знаетъ, что и многіе поступаютъ такъ же и за то считаются въ свѣтѣ опытными и ловкими. А тутъ кстати стряпчій Ризположенскій подтверждаетъ то же самое: „Вѣдь не вы первый, Самсонъ Силычъ, не вы послѣдній; нешто другіе-то не дѣлаютъ?“ Эти слова до того успокаиваютъ Большова, что онъ съ полной увѣренностью рѣшаетъ: „Этакъ-то лучше; только напусти Богъ смѣлости“. Ясно, что Большовъ, вовсе не пони-

маетъ, что онъ дѣлаетъ преступленіе, обманываетъ, а можетъ-быть и разоряетъ честныхъ людей. У Большова совершенно особыя понятія объ обществѣ, о законѣ, о религіи и, вообще, о нравственныхъ предметахъ. На общество онъ глядитъ, какъ на враждебный станъ. Чѣмъ другимъ красть, такъ лучше я украду: такова мораль Большова. Законъ для него представляется чѣмъ-то внѣшнимъ, какимъ-то юридическимъ препятствіемъ къ исполненію его прихоти. И Большовъ нисколько не уважаетъ этого нравственнаго начала, онъ можетъ легко обойти его. Какъ у всѣхъ нравственно-неразвитыхъ людей, у Большова нѣтъ религіи, нѣтъ никакого внутренняго голоса, который предостерегалъ бы его отъ неправды. Когда Лазарь замѣчаетъ Большову: „А ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по 25 к., такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить“. Большовъ отвѣчаетъ: „А что? вѣдь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манерцемъ дѣльце обдѣлать. *Тамъ послѣ суди Владыко на второмъ пришествіи*“. Вотъ религія Большова. Онъ не въ состояніи подумать о внутренней сторонѣ своего поступка, т.-е. о томъ злѣ, которое онъ сдѣлалъ людямъ и обществу. Это не приходитъ ему въ голову даже тогда, когда его посадили „въ яму“. Онъ толкуетъ, что ему страшно на Иверскую взглянуть; жалуется, что мальчишки на него пальцами указываютъ; боится, что въ Сибирь сошлютъ, а о людяхъ, которыхъ онъ разорилъ своимъ злостнымъ банкротствомъ, все-таки ни слова.

При всемъ своемъ нравственномъ безобразіи Большовъ вызываетъ въ душѣ зрителя чувство не злобы, а сожалѣнія. Авторъ развилъ этотъ характеръ во всѣхъ подробностяхъ и съ тонкимъ умѣньемъ. Онъ выставилъ передъ зрителемъ душу своего героя, самыя затаенныя его мысли, самое зарожденіе его желаній. И мы видимъ, что какъ во время обдумыванія своего безчестнаго банкротства, такъ и вообще во всѣхъ своихъ поступкахъ, и въ обращеніи съ семьей и съ посторонними, Большовъ не имѣетъ въ душѣ ни тѣни злости или коварства; все въ немъ въ высшей степени просто, добродушно, глупо! Мы видимъ, что Самсонъ Силычъ вовсе не злодѣй, а — своенравный неотесанный невѣжда. Смолоду въ немъ заглушены симпатичныя стороны его природы и не развито никакихъ нравственныхъ понятій. Потому-то онъ и

живетъ безъ размышленія, а такъ, какъ живется; самодурствуетъ потому, что никто не противодѣйствуетъ; надуваетъ потому, что *ему* выгодно. Въ законѣ онъ видитъ не представителя высшей правды, а — камень на дорогѣ. Совѣсть у него не внутренній голосъ, а насмѣшки прохожихъ, опасеніе ссылки. Грубость его такова, что даже несчастіе не образумило его и не пробудило въ немъ человѣческихъ чувствъ. Большовъ выводитъ только одно: „сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ", т.-е. осуждаетъ себя за то, что не умѣлъ вполнѣ ловко обдѣлать дѣльце. Однимъ словомъ безобразная дѣятельность Большова происходитъ не оттого, чтобы низости и преступленія лежали въ природѣ его, а оттого, что въ немъ вовсе не воспитанъ человѣкъ. Большовъ прожилъ свой вѣкъ подъ такими вліяніями, при такихъ обстоятельствахъ, которыя отчасти задержали, отчасти совсѣмъ исказили правильное развитіе въ немъ нравственной личности.

Подхалюзинъ тоже не имѣетъ въ себѣ ничего злодѣйскаго. Это — вторая, низшая инстанція будущаго самодура, плутъ сознательный, мошенникъ умный. Онъ не очертя голову кидается въ обманъ, онъ обдумываетъ свои предпріятія и старается подыскать имъ нравственную физіономію, соблюсти видимую, юридическую добросовѣстность. Подхалюзинъ — такой именно плутъ, какихъ воспитало русское купеческое самодурство. Онъ весь вѣкъ дѣйствуетъ по мелочамъ, обмѣриваетъ и надуваетъ, считая это принадлежностью торговли. Только когда вышелъ случай необыкновенный, Подхалюзинъ остановился и сталъ соображать, какъ имъ лучше воспользоваться. Тутъ онъ испыталъ въ душѣ даже нѣкоторую тревогу, какъ видно изъ монолога его во второмъ дѣйствіи: „Какъ теперь это дѣло разсудить надо?" спрашиваетъ онъ себя въ задумчивости: „говорятъ, надо совѣсть знать! Да, извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать надо? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть?" И выводитъ онъ, наконецъ, такой смыслъ во всемъ этомъ осложненіи обстоятельствъ, что ему, Подхалюзину, попользоваться въ этомъ дѣлѣ даже чѣмъ-нибудь лишнимъ — нѣтъ грѣха никакого, и жалѣть хозяина нѣтъ никакой надобности. „Вышла" — говоритъ —

„линія, ну и не плошай; онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони“. И вотъ, гонитъ онъ эту „статью“ именно потому, что не знаетъ другого способа выбиться изъ-подъ гнета на свѣтъ и просторъ. Онъ идетъ тѣмъ путемъ, какой ему преподанъ хозяиномъ. Какъ только добьется Подхалюзинъ богатства, онъ непремѣнно повторитъ Большова. Въ сценѣ объясненія съ Липочкой, гдѣ Лазарю удается склонить Липочку на бракъ съ нимъ, онъ безъ околичностей высказываетъ ей свою задушевную мысль: „Мы, Алимпіада Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-съ. А ужъ имъ-то командовать не дадимъ-съ. Нѣтъ, ужъ теперь кончено-съ. Будетъ съ нихъ, — *почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!*“ Въ Подхалюзинѣ есть даже черты привлекательныя: онъ человѣкъ не черствый. Липочку онъ любитъ искренно, хотя и выражаетъ свою любовь неуклюже, какъ-то грубовато, что̀, впрочемъ, понятно, при общей нравственной неотесанности этого героя.

Въ Липочкѣ, какъ существѣ молодомъ и съ внѣшней стороны привлекательномъ, нравственная грубость, неотесанность производитъ еще болѣе тягостное впечатлѣніе, нежели въ характерахъ старшихъ членахъ семьи Большова. Ея обращеніе и съ свахою, и съ Подхалюзинымъ, и съ матерью въ началѣ пьесы, и особенно съ отцомъ, въ послѣднемъ актѣ, проникнуто совершенной грубостью, безсердечіемъ. Эти черты въ ея нравѣ поставлены и выдержаны авторомъ въ такой мѣрѣ, что передъ нами живой типъ, безъ малѣйшаго шаржа или карикатурности. Липочка — вѣрная, точная представительница той среды, въ которой она выросла, тѣхъ понятій и обычаевъ, которыми воспиталась. Существо холодное, умственно-ограниченное, съ неразвитымъ сердцемъ и съ прирожденною мелочностью, она такъ все время и остается личностью жалкою, нравственно-убогою, а иногда — прямо комическою, напримѣръ, въ тѣ моменты, гдѣ она матери своей говоритъ: „выросла да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе“, или къ разговору съ Подхалюзинымъ приплетаетъ французскія фразы, въ родѣ: „комъ ву зетъ жоли“.

Къ первоклассным поэтическимъ достоинствамъ этой комедіи Островскаго относятся: 1) внимательная, тонкая обработка характеровъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и даже —

лицъ второстепенныхъ, напримѣръ: стряпчаго Ризположенскаго, свахи Наумовны, няни Ѳоминичны; 2) естественность и занимательность драматическихъ положеній и столкновеній; 3) живость и быстрота развитія драматическаго дѣйствія; 4) яркій, картинный, типическій языкъ.

Какъ комедія общественныхъ нравовъ, эта пьеса Островскаго стоитъ рядомъ съ другими, замѣчательнѣйшими драматическими произведеніями отечественной литературы, напримѣръ, комедіями „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“. Пьеса „Свои люди — сочтемся“ вводитъ зрителя (или читателя) въ пониманіе духа изображаемаго времени въ средѣ нашего купечества. Въ живыхъ образахъ, при отсутствіи малѣйшей искусственности въ постройкѣ своей пьесы и интересовъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, авторъ такъ приближаетъ къ намъ эту эпоху, что мы какъ-будто читаемъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ ихъ намѣренія и цѣли, можемъ прослѣдить ихъ дѣйствія отъ момента зарожденія въ душѣ ихъ перваго порыва до полнаго достиженія ими осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній. Подъ тройнымъ наслоеніемъ всякихъ предразсудковъ, необразованности, невоспитанности, герои Островскаго все-таки не теряютъ своего человѣческаго подобія. Авторъ умѣетъ доискаться человѣчности въ этихъ непривлекательныхъ фигурахъ. И оттого именно, что они — живые люди, а не ходульныя, трагическія фигуры — злодѣи, они окончательно представляются жалкими жертвами своего времени, своей среды, бѣдной средствами для умственнаго и нравственнаго развитія. Сила общественнаго значенія пьесы Островскаго обнаруживается двумя важнѣйшими вліяніями на читателя или зрителя: во-первыхъ, становится ясно и осязательно, что низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка, а налегаютъ на него постепенно — при отсутствіи правильнаго образованія и воспитанія; во-вторыхъ, становится ясно и то, что выведенные въ такихъ комедіяхъ типы вызываютъ состраданіе къ нимъ почти въ такой же мѣрѣ, въ какой мѣрѣ вызывается досада и негодованіе на тѣ обстоятельства жизни, которыя извращаютъ воспитаніе человѣка, дѣлаютъ человѣка существомъ нравственно-безобразнымъ, комичнымъ и презрѣннымъ. *Евстафьевъ.*

„Свои люди — сочтемся“ Островскаго и „Бригадиръ“ Фонвизина.

Изъ сравненія двухъ комедій мы увидимъ, на сколько подвинулось впередъ русское общество отъ 1764 до 1850 года; покажемъ, что

1) Сфера средняя, купеческая, въ наше время стала тѣмъ, чѣмъ была высшая общественная среда, сословіе дворянское.

2) Чѣмъ были иноземцы, особенно французы, для лицъ „*Бригадира*“, для высшей общественной среды XVIII вѣка, чѣмъ стали наши подражатели-дворяне для средняго сословія XIX столѣтія. Увидимъ, что

3) „*Свои люди — сочтемся*“ и „*Бригодиръ*“ изображаютъ одно и то же:

a) ложно-понятое воспитаніе и

b) злоупотребленіе закономъ.

Но траги-комедія Островскаго одушевлена новымъ началомъ, о которомъ многимъ писателямъ XVIII вѣка и не снилось.

Стремленіе автора комедіи: „*Свои люди — сочтемся*“, то же самое, что и у Фонвизина; касается оно только другого сословнаго круга — *отвлечь и освободить среднее русское общество отъ предразсудковъ допетровской Руси*, и точно такъ же двумя путями: осмѣяніемъ тѣхъ, которые, при старыхъ предразсудкахъ, остаются въ отжившихъ, мертвыхъ формахъ, и тѣхъ, которые переняли дурное иностранное изъ другихъ рукъ, или, лучше, у русскихъ-французовъ, и стараются походить на дворянъ наружно, съ виду, но не усвоили сущности, внутренняго образовательнаго начала. Ясно, какъ непонятно для бригадирши, что сынъ ея отваживается браться не за свое дѣло, самъ выбираетъ себѣ невѣсту; въ высшей средѣ эти воззрѣнія уже вымерли; но они не потеряли еще силу въ среднемъ сословіи. Такъ смотритъ на свою дочь купецъ Большовъ: за кого велитъ онъ, за того она и должна пойти. И стряпчій Сысой Псоичъ узаконяетъ этотъ до-петровской обычай: „не нами заведено, не нами и кончится; а ужъ это первый долгъ, чтобы дѣти слушались родителей“, разумѣется, чтобы не сами выбирали жениха, или невѣсту, а чтобы принимали ихъ изъ отцовскихъ рукъ. Ново-воспитанная Олимпіада Самсоновна въ глаза бранитъ

свою мать за отвратительныя понятія и объявляетъ ей наотрѣзъ, что вовсе не намѣрена потакать ея глупостямъ. Эта образованная купеческая дочь, рѣшаясь выйти за приказчика, хочетъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь сдѣлать *по-благородному*, предлагаетъ жениху увезти ее потихоньку, потому что *такъ дѣлаютъ*. Отца ея посадили въ яму; мать плачетъ, что на старости лѣтъ мужъ оставилъ ее сиротою; а современная дочь упрекаетъ ее, съ чего-де мать взяла плакать точно по покойникѣ, и вѣдь не Богъ знаетъ что случилось; и павшему, убитому отцу, котораго прежде такъ боялась, съ невозмутимымъ безсердечіемъ говоритъ: „что жъ, тятенька сидятъ и получше насъ съ вами!“ Другіе, представители старой Руси, живо переносятъ читателя къ *совѣтнику* въ „Бригадирѣ“: они не ѣдятъ по постамъ скоромнаго, и въ то же самое время эти постники-сухоядцы, по замѣчанію Большова, и Богу-то угодить на чужой счетъ норовятъ, одной рукой крестятся, а другой въ чужую пазуху лѣзутъ.

Обѣ комедіи точно такъ же родственны и по задачѣ, но различіе ихъ состоитъ, во-первыхъ, въ самомъ духѣ изображенія: у Фонвизина замѣчается стремленіе представить нелѣпости въ возможно смѣшномъ видѣ; комедія Островскаго начинается тоже смѣхомъ, но этотъ смѣхъ переходитъ въ голосъ грознаго суда, возстающій во всеоружіи искусства на пораженіи беззаконія. Другая разница комедіи та, что у Фонвизина раскрыта больше одна сторона и притомъ смѣшная, а на другую, болѣе серіозную, только указано; у Островскаго исчерпаны двѣ задачи: ложно-понятное, превратное воспитаніе, т.-е. неразумное, слѣпое подраженіе русскимъ французамъ, дворянамъ, то же презрѣніе къ національному, къ своему родному, и другая задача — злоупотребленіе закономъ, на которое Островскій, вопреки Фонвизину, не указываетъ, а избираетъ его главнымъ дѣйствіемъ произведенія. Преступный замыселъ и беззаконное дѣло превращаютъ комедію въ трагедію.

Никто не изображалъ купеческаго міра въ такой полнотѣ, въ такомъ разнообразіи и съ такою художественною правдою, какъ Островскій. Авторъ отворяетъ читателю всѣ двери, и онъ можетъ слѣдить за этими лицами на всѣхъ путяхъ: за ихъ дѣйствіями въ средѣ общественной, за ихъ жизнію въ кругу семейномъ, наконецъ, можетъ свободно ходить въ ихъ лич-

ный, внутренній міръ, полный разнообразныхъ интересовъ, желаній, стремленій и плановъ. Прежде мы войдемъ въ семейный міръ людей этого сословнаго круга, а потомъ познакомимся съ ними, какъ съ дѣятелями общественными. Бригадиру соотвѣтствуетъ *Большовъ*, бригадиршѣ — *Аграфена Кондратьевна*, Иванушкѣ — *Липочка.* У представителей старой Руси, при сходствѣ въ понятіяхъ, стремленіяхъ, образѣ дѣйствій, то различіе, что мать больше до-петровская женщина, а въ Большовѣ замѣтно уже раздвоеніе: онъ уже разъ обрилъ себѣ бороду, не взирая ни на просьбы ни даже на слезы жены; дочь не имѣетъ уже ничего общаго съ родителями. Члены этого семейства преслѣдуютъ различные идеалы, каждый ищетъ своего: для *отца* зятемъ можетъ-быть кто угодно, хоть Ѳедотъ, какъ выражается онъ, отъ проходныхъ воротъ, лишь бы денежки водились, да приданаго поменьше ломилъ. *Дочь* объявляетъ, что не пойдетъ за купца, не затѣмъ она такъ воспитана, не для того училась и по-французски, и на фортопьянахъ, и танцовать. „Что мнѣ въ купцѣ? Какой онъ можетъ имѣть вѣсъ? Гдѣ у него амбиція? Мочалка-то его что ли мнѣ нужна? Достань благороднаго!“ И вотъ старая Русь въ лицѣ ключницы Ѳоминишны возстаетъ противъ такого соблазна: „не мочалка, а Божій волосъ, сударыня, такъ-то-съ!“ И *матери* подай непремѣнно купца, да чтобъ онъ и лобъ крестилъ по-старинному. Ѳоминишна дорисовываетъ этотъ старинный идеалъ жениха: „Что тебѣ дались эти благородные? Голый на голомъ, да и христіанства-то никакого нѣтъ: ни въ баню не ходятъ, ни пироговъ по праздникамъ не печетъ...“.

Познакомимся ближе съ членами этого разногласнаго, неблагоустроеннаго семейства.

Какъ въ крови бригадира живетъ понятіе о чинѣ, такъ и у Самсона Силыча есть свой чинъ — капиталъ. Большовъ весь проникнутъ сознаніемъ его силы, важности и значенія: объявляя свою волю — отдать дочь въ замужество, онъ говоритъ: „и въ разсужденіи приданнаго тоже можемъ надѣяться, что *она не острамитъ нашего капитала*“; ясно, что въ глазахъ Большова денежная сила имѣетъ значеніе важнаго званія и чина. Только поэтому Самсонъ Силычъ обращается съ подавляющимъ призрѣніемъ съ бѣднымъ чиновникомъ, даже тогда, когда нуждается въ немъ: „А что, Сысой Псоичъ,

чай ты съ этимъ крючкотворствомъ на своемъ вѣку много чернилъ извелъ?“ Стряпчій замѣчаетъ, что онъ пришелъ *понавѣдаться*. „То-то вотъ, вы, подлый народъ такой, кровопійцы какіе-то: только бъ вамъ пронюхать что-нибудь этакое, такъ ужъ вы и вьетесь тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущеніемъ“. Устинья Наумовна, неподражаемый типъ московской свахи, женщина бывалая, бойкая, разбитная, сама сидитъ на четырнадцатомъ классѣ, а и та преклоняется передъ Самсономъ Силычемъ: „съ богатымъ мужикомъ, что съ чортомъ, не сообразишь“. Она соблазняется приманкою золота и соболей за то, чтобы только разстроить свадьбу, но страхъ какъ боится Большова: „Ну, ты самъ разсуди, съ какимъ я рыломъ покажусь самому-то? Вѣдь ты знаешь, каково у насъ чадочко Самсонъ-то Силычъ: вѣдь онъ, не ровенъ часъ, и чепчикъ помнетъ“. Большовъ устроилъ помолвку дочери съ приказчикомъ, но и къ будущему зятю обращается съ недосягаемой высоты; онъ хочетъ соединить ихъ руки, но и въ эту торжественную минуту не измѣняетъ своего высокомѣрнаго тона: „ну, теперь ты, Лазарь, *ползи!*“ Какъ бригадиръ и сыну замѣчаетъ о своемъ чинѣ и заслугахъ, такъ и Большовъ говоритъ о дочери своей, не какъ отецъ, а какъ денежный вельможа: „понимаемъ, что отецъ, чтò пристали, отстаньте, гусь свиньѣ не товарищъ“. Потонувши въ довольствѣ и богатствѣ, Большовъ запамятовалъ и о Богѣ; если и вспомнитъ Его, то пріемлетъ имя Его всуе, обращается къ нему съ видомъ кощунства, сбудется за то на немъ пословица: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“. Рѣшаясь на дѣло безчестное — не платить довѣрителямъ, онъ не убоялся закончить свой замыселъ неподобными словами: „тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи“. Большовъ омраченный страстію, забывается до нечестія, призываетъ Бога на помощь въ дѣлѣ нечистомъ, въ грабительствѣ: „Чорта ли тамъ по грошамъ-то наживать! Махнулъ съ разу да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлость“. Въ немъ даже проглядываетъ какой-то грубый матеріализмъ, правда, темный; но вы видите, что у этого зазнавшагося богача и религіозные помыслы потемнѣли отъ жиру: „Вотъ она жизнь-то; истинно сказано: суета суетъ и всяческая суета. Чортъ знаетъ, и самъ не разберешь, чего хочется. Вотъ бы и закусилъ что-нибудь, да обѣдъ испор-

тишь: а и такъ-то сидѣть — одурь возьметъ. Али, чайкомъ бы что ль побаловать. Вотъ такъ-то и все: жилъ, жилъ человѣкъ, да вдругъ и померъ — такъ *все прахомъ и пойдетъ*". И больше машинально, по памяти и привычкѣ прибавляетъ: „Охъ, Господи, Господи!

Вторая сила Большова — власть отца, и она далеко выше потрясенной власти бригадира. Но родительская власть древней патріархальной Руси у Большова выродилась въ тотъ грубый деспотизмъ, который такъ мѣтко названъ самодурствомъ. Жена не смѣетъ передъ нимъ пикнуть: заплачетъ она, онъ ей скажетъ: „сама не знаешь, о чемъ разрюмилась", и она плачетъ и подтверждаетъ: „не знаю, батюшка, охъ, не знаю". — „То-то вотъ сдуру. Слезы у васъ дешевы". Дочь боится его, хотя тайно, въ душѣ, презираетъ: мать она презираетъ открыто и нагло грубитъ ей, и та грозитъ ей только отцомъ: „пойду къ отцу, такъ въ ноги и брякнусь, житья, скажу, нѣтъ отъ дочери, Самсонушка". На дочь и на будущность ея онъ смотритъ, какъ на вещь, которую можетъ помѣстить, куда заблагоразсудитъ, гдѣ для него лучше и удобнѣе, и жениха ей выбираетъ не по ней, а по себѣ. Онъ, пожалуй, не противъ благороднаго, но когда это ему мѣшаетъ, такъ онъ прямо говоритъ: „А ну его! *По моимъ дѣламъ* теперь не такого нужно". Когда дочь, воспользовавшись тѣмъ, что онъ былъ въ духѣ, рѣшилась высказать передъ нимъ завѣтное желаніе свое — выйти замужъ за военнаго, мать чуть не пришла въ ужасъ: „окстись, безумная, Христосъ съ тобою!" Но Большовъ даже не разсердился, а посмотрѣлъ на это, какъ на извинительное ребячество, какъ на игру въ мыльные пузыри, и скорѣе снисходительно разсмѣялся: „Экъ вѣдь что вывезла!" Приказчикъ глубоко понялъ, какъ важенъ для него этотъ грубый видъ родительскаго авторитета: онъ очень хорошо знаетъ, какъ и когда надо пользоваться такимъ самодурствомъ, и потому съ большимъ искусствомъ ударяетъ на эту слабую струну, и ударяетъ съ тѣмъ, чтобы Самсонъ Силычъ самъ взялъ его въ зятья: „Алимпіада Самсоновна, можетъ-быть, и глядѣть-то на меня не захотятъ-съ?"

— „Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ: за кого велю, за того и пойдетъ! Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю". Онъ обѣ-

щалъ Лазарю подшутить надъ семьей шутку, и дѣйствительно, собравши всѣхъ, и своихъ, и чужихъ, совершенно неожиданно объявляетъ Лазаря и Липочку женихомъ и невѣстой. Всѣ до единаго остолбенѣли: и жена, и дочь, и ключница, и сваха; никто ничего понять не можетъ: мать затмилась, словно чурбанъ какой: „Господи, да что жъ это такое?“ Дочь и въ испугѣ и въ негодованіи вскрикиваетъ, какъ могли выдумать подобный вздоръ; не пойдетъ она за такого противнаго. Ошеломленная Ѳоминишна восклицаетъ: „Съ нами крестная сила!“ И сваха стала втупикъ: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ Этой минутой всеобщаго возбужденія какъ нельзя лучше пользуется Подхалюзинъ, и еще сильнѣе ударяетъ въ слабую струну самодура: „Тятенька! Видно не бывать-съ по вашему желанію!“

— „Какъ же не бывать, коли *я того хочу?* На что жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что ли я ее кормилъ?

— „Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ?

— „Молчи лучше! Велю, такъ и за дворника выйдешь“.

Наконецъ мать не вытерпѣла, кровь заговорила: „Да за что жъ вы это, душегубцы, дѣвку-то опозорили?“

— „Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за приказчика, и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу“. — Таковъ Самсонъ Силычъ Большовъ, какъ денежная власть и какъ домовладыка. Мы еще встрѣтимся съ нимъ на другомъ поприщѣ.

Аграфена Кондратьевна — женщина допетровской Руси, и столько же, какъ и бригадирша, если не болѣе. Встарину русская нація по понятіямъ и воззрѣнію на міръ точно такъ же, какъ и по языку, была одинъ человѣкъ; поэтому и ключница Ѳоминишна можетъ быть названа продолженіемъ Аграфены Кондрантьевны; обѣ онѣ — какъ бы одно тѣло, одинъ духъ; съ дочерью у Большовой несравненно менѣе родственнаго, нежели съ ключницей; вся разница въ томъ, что одна приказываетъ, а другая слушаетъ, исполняетъ. Вопреки мужу, Аграфена Кондрантьевна отличается набожностію, даже не ѣстъ мясного по понедѣльникамъ: вотъ отчего она вышла изъ себя, когда увидѣла, что дочь, ни свѣтъ, ни заря, не поѣвши хлѣба Божьяго, грѣховодничаетъ, принялась

за пляску. Богатство не измѣнило ея прежнихъ привычекъ, и обычаевъ, занятыхъ у русскихъ французовъ, она не знаетъ. Женихъ проситъ позволенія поцѣловать у ней руку, она со всѣмъ патріархальнымъ простодушіемъ подаетъ ему обѣ: „цѣлуй, батюшка, обѣ чистыя“. Очень естественно поэтому ея смущеніе и безпокойство въ ожиданіи благороднаго жениха: „Сама ты, мать, посуди, что я буду съ благороднымъ-то зятемъ дѣлать? Я и слова-то сказать съ нимъ не умѣю, точно въ лѣсу“. Она буквально послушна слову апостола: „жена да боится своего мужа“; особенно она боится его тогда, когда онъ въ гнѣвѣ или нетрезвъ: „Развоюется такъ, страсти, да и только! Посуду колотитъ: у! говоритъ, такія вы и этакія, убью сразу!“ Только за дочь не смолчитъ она, и подчасъ возноситъ голосъ передъ мужемъ. Большовъ не велитъ приставать съ дочерью; по его мнѣнію, нечего ей хотѣть, когда она обута, одѣта, накормлена. Совершенно справедливо возстаетъ мать противъ такого грубаго понятія о чадолюбіи, и очень рѣзко, чуть не съ бранью, выговариваетъ мужу: „Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ что ли? По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ... а вѣдь это родная дѣтище... Разставаться скоро приходится, а ты и слова добраго не вымолвишь... долженъ бы на пользу посовѣтовать что-нибудь такое житейское“. Но когда преступникъ Большовъ, несчастный отецъ, сидитъ между двухъ коршуновъ, между зятемъ и дочерью, тогда эта ограниченная женщина дѣйствуетъ на васъ, какъ теплое дыханіе любви въ ледяной атмосферѣ эгоизма. Безсердечіе дочери, возмутительная неблагодарность зятя, въ этой кроткой душѣ подняли страшную бурю. Тутъ только она высказала, что давно уже у ней лежало камнемъ на сердцѣ; одну дочь Богъ далъ, и ту послалъ въ наказаніе. За кровную обиду мужа, безжалостно наносимую неблагодарными дѣтьми, она снимаетъ материнское благословеніе съ зятя, и дочь, свою кровь, готова проклясть на всѣхъ соборахъ: „умрешь, не сгніешь!“ восклицаетъ она въ изступленіи, отрекаясь отъ своего рожденія. Самая простая, обыденная женщина внезапно передъ вами преображается героемъ, какъ ударомъ молніи, одушевленнымъ праведнымъ гнѣвомъ и вооруженнымъ проклятіемъ на дѣтей за нечестіе къ родителямъ! Въ художественномъ отношеніи жена Большова если не лучше, то

счастливѣе бригадирши, именно отъ положенія, въ которое поставилъ ее авторъ. Совершенно чуждая вамъ по своимъ понятіямъ и интересамъ, она становится близкимъ, родственнымъ вамъ существомъ, какъ человѣкъ, какъ женщина, облагороженная состраданіемъ, любовію и праведнымъ негодованіемъ за поруганіе святѣйшихъ правъ человѣческихъ,

У Фонвизина уродливое чадо европейскаго образованія—сынъ, у Островскаго—дочь, уродливая копія подражателей—дворянъ. *Иванушка* смѣшонъ, жалокъ и только возбуждаетъ презрѣніе; *Липочка*, кромѣ всего этого, отвратительна и глубоко возмущаетъ нравственное чувство. Подхалюзину, какъ приказчику и какъ влюбленному, она представляется совершенствомъ недосягаемымъ; онъ такъ ее опредѣляетъ: „Алимпіада Самсоновна — барышня образованная, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ“; прозаичнѣе и вѣрнѣе смотритъ на нее сваха: „воспитанія не Богъ знаетъ какого; пишетъ какъ слонъ брюхомъ ползаетъ; по-французскому, али на фортопьянахъ, тоже сямъ, тамъ, да и нѣтъ ничего“. Но главное сдѣлано: учили всему сказанному и танцамъ. Какъ же поэтому она, такая образованная барышня, можетъ жить съ подобными родителями? Такъ точно горюетъ и Иванушка: ему уже двадцать пять лѣтъ, а родители его еще живы, и онъ осужденъ оставаться съ такими животными. Липочка въ глаза говоритъ матери, что она сама для нея не очень значительна, что отъ словъ матери ей иногда даже краснѣть приходится. Правда, родили ее, она была дитя безъ понятія; а какъ выросла, *посмотрѣла на свѣтскій тонъ*, такъ увидѣла, что она образованнѣе другихъ, и потому напрямикъ говоритъ своей родительницѣ, что не намѣрена потакать ея глупостямъ: „Вамъ съ тятенькой только кляузы строить да тиранничать... Ужъ молчали бы лучше, когда не такъ воспитаны“. Итакъ, повторимъ, какъ Иванушка, Липочка питаетъ такое же полное презрѣніе къ отцу и къ матери, — къ этой открытое, но отца презираетъ и боится.

Идеалъ Олимпіады Самсоновны долженъ быть не какой-нибудь приказвый, и даже не студентъ; штатскій въ глазахъ ея — такъ, какой-то неодушевленный. Ее плѣняютъ усы и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками; ей даже досадно, что они въ танцахъ отвязываютъ саблю, не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе. Если

уже не это, такъ женихъ ея долженъ быть, по крайней мѣрѣ, благородный, а не купчишка какой-нибудь, при томъ чтобы непремѣнно былъ брюнетъ и одѣтъ по-журнальному... И вдругъ она падаетъ, какъ съ облаковъ: отецъ, вмѣсто взлелѣяннаго ею идеала, подводитъ къ ней приказчика, работника!—Обругавши своего жениха дуракомъ необразованнымъ, образованная Олимпіада Самсоновна слышитъ отъ него вещи странныя, неимовѣрныя: у этого дурака и денегъ-то больше, чѣмъ у иного благороднаго; домъ и лавки уже не отцовскіе, а *его* собственность; наконецъ, узнаетъ, что ея отецъ, несостоятельный должникъ, банкрутъ. Пораженная окончательно, дочь, вмѣсто жалости къ родителямъ, имъ же въ лицо бросаетъ несчастіемъ и позоромъ: „Что жъ это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились!“ По этой страшной нотѣ вы чувствуете, что въ этой дѣвушкѣ спитъ и уже пробуждается чудовище. Въ душѣ она уже рѣшила выйти за этого, какъ она говоритъ, работника; ей теперь надо только сохранить приличіе, не показать сразу, что она продаетъ себя за деньги. Она раздумываетъ, а Подхалюзинъ въ это время рисуетъ ей купеческій эдемъ: дома она будетъ ходить въ шелковыхъ платьяхъ, а въ гости и въ театръ окромя бархатныхъ и надѣвать не станетъ. „Шляпы, салопы, прочь всѣ дворянскія приличія, надѣнемъ какую чуднѣй... нешто въ этомъ домѣ будемъ жить? На потолкахъ райскихъ птицъ нарисуемъ, сириновъ, капидоновъ разныхъ...

— „Нынче уже капидоновъ-то не рисуютъ.

— „Ну, такъ мы пукетами пустимъ“.

И Олимпіада тонко, съ бездушнымъ расчетомъ, спускается съ тона на тонъ, сходитъ съ высоты своего идеала осторожно, какъ съ крутой лѣстницы, все ниже и ниже, чтобы сгладить, по возможности, рѣзкость перехода. Прежде она возражаетъ какъ будто общимъ мѣстомъ: „да, всѣ вы передъ свадьбой такъ говорите, а тамъ и обманете“; потомъ обращается, и уже гораздо мягче, къ нему лично: „Для чего вы, Лазарь Елизарычъ (замѣтьте, уже не дуракъ необразованный), для чего вы по-французски не говорите? — Жилетка у васъ скверная. Дайте подумать. — Увезите меня потихоньку“. — Перебравши столько нотъ, чтобы не сразу, не краснѣя спуститься до уровня съ приказчикомъ, она нашла, наконецъ, приличнымъ изъявить свое согласіе: „ну, а коли не хотите

увезти, — такъ ужъ, пожалуй, и такъ“. — Тотъ было опрометью бросился къ родителямъ — объявить имъ радость; но невѣстѣ, благовидно сторговавшейся, нечему особенно радоваться; она удерживаетъ жениха, не ради сердечныхъ изліяній, а для того, чтобы повѣрить ему всѣ свои чувства къ отцу и матери: „Ахъ, если бы вы знали, Лазарь Елизарычъ, какое мнѣ житье здѣсь! У маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька, какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ бы я вышла за благороднаго, такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ“. И они уже въ заговорѣ... перейдутъ въ свой домъ, будутъ жить сами по себѣ, заведутъ все по модѣ, а *тѣ* — какъ хотятъ.

Лазарь больше походитъ на человѣка, нежели эта противоестественная дочь; и въ немъ, при видѣ тестя, убитаго горемъ и стыдомъ, даже въ немъ забрежжитъ лучъ человѣческаго чувства. Но дочь униженному, опозоренному темничнику-отцу отказываетъ въ выкупѣ изъ его же собственнаго добра; изъ захваченныхъ ея мужемъ денегъ она не можетъ дать своему родителю больше десяти копеекъ за рубль... Съ чѣмъ же они сами останутся, вѣдь они не мѣщане какіе-нибудь; до двадцати лѣтъ она свѣта не видала; неужели ей отдать за отца деньги, а самой въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?

Лазарю и тому стало жаль отца своей жены: „Ахъ, Алимпіада Самсоновна-съ, не ловко-съ!“ Онъ хочетъ самъ ѣхать къ кредиторамъ, спрашиваетъ ея совѣта... а она молчитъ тогда, когда бездушная статуя поднялась бы, кажется, съ своего пьедестала и пошла бы человѣческими шагами! Не выдержалъ Лазарь, самъ наконецъ сказалъ: „*ѣду*“. Скажетъ ли она хоть какое-нибудь доброе слово... поощренія, „какъ хотите, такъ и дѣлайте — ваше дѣло“. И гнусныя твари, говоритъ король Лиръ, кажутся сносными, когда другія еще гнуснѣе: *не быть подлѣйшимъ уже есть заслуга*. — Неблагодарный злодѣй, ограбившій своего благодѣтеля, безчестный Подхалюзинъ, и тотъ лучше Олимпіады, этого не женоподобнаго творенія!

Вызовемъ теперь этихъ лицъ, какъ общественныхъ дѣятелей, а это связано съ замысломъ траги-комедіи и съ развитіемъ дѣйствія.

Прочитавши „Свои люди — сочтемся“, съ перваго раза вы придете въ большое недоумѣніе и невольно спросите: чего ради почтенный купецъ, которому сорокъ лѣтъ всѣ кланялись въ поясъ, на старости лѣтъ задумалъ дѣло преступное — злостное банкротство? Еще въ большее недоумѣніе васъ повергаетъ то, что онъ не самъ воспользовался чужою собственностью, а отдалъ ее вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ другимъ, зятю и дочери, и себѣ ничего не оставилъ. И при самомъ чтеніи рождается въ васъ и не разъ возникаетъ это возраженіе, такъ что отъ него трудно отказаться, и вы готовы повторить слова Подхалюзина: „Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ, для препровожденія времени затѣялъ“. Спеціалистамъ очень хорошо извѣстны подобныя явленія въ исторіи поэзіи, этотъ камень преткновенія для эстетической критики. Почти такимъ же образомъ, только въ дѣлѣ правомъ и совершенно чистомъ, у Шекспира поступилъ король Лиръ, въ сценѣ раздѣла царства, которую Гёте не убоялся назвать нелѣпою. Но лучшая современная критика старается оправдать Шекспира и если не уничтожить совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ можно болѣе ослабить строгій приговоръ нѣмецкаго поэта. Въ оправданіе она говоритъ, что такъ разсказываетъ преданіе, потомъ указываетъ и на психическія причины: бремя величія, постоянное зрѣлище раболѣбства, пышныя торжества и шумныя пиршества утомили царственнаго старца; а закоренѣлая привычка повелѣвать заставили его *такъ*, а *не иначе* раздѣлить королевство... Лиръ хочетъ потѣшить старческое сердце, слушая покорныя признанія дочерей; наконецъ, можно подумать, что старецъ-король, ожидавшій отъ Корделіи самыхъ нѣжныхъ изліяній, хотѣлъ оправдать себя передъ старшими дочерьми, отдавая ей бо́льшую и лучшую часть, и, безъ сомнѣнія, хотѣлъ у ней провести послѣдніе дни жизни и умереть на рукахъ любимѣйшей изъ дочерей. По мнѣнію нашему, этимъ далеко не все сказано; самое главное оправданіе такихъ видимыхъ несообразностей — а ихъ не мало у Шекспира — состоитъ въ томъ, что этого геніальнаго драматурга *событія*, *характеры лицъ*, *ихъ мысли* и *дѣйствія*, несмотря ни на преданія ни на исторію, созидались въ мірѣ воображаемаго, т.-е. возможнаго порядка вещей. Но Островскій взялъ содержаніе своей траги-комедіи изъ современнаго,

дѣйствительнаго міра, изъ извѣстной дѣйствительной среды, а потому величайшая, повидимому, несообразность поражаетъ еще болѣе: похищеніе чужого и въ то же время отреченія не только отъ похищеннаго, но и отъ своего собественнаго. Человѣкъ въ одно и то же время поступаетъ грабительски и самоотверженно. Признаемся, и мы желали бы лучшей, болѣе прочной закладки въ художественномъ зданіи Островскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ беремся и оправдать автора. Во-первыхъ, въ самой комедіи есть оправданіе противъ этого обвиненія: на кого же Большовъ записалъ бы имущество, готовясь объявить себя нестоятельнымъ должникомъ? И не естественнѣе ли всего ввѣриться Лазарю, облагодѣтельственному имъ съ дѣтства! Увѣренность свою Большовъ думалъ несокрушимо утвердить родственнымъ союзомъ; а что онъ положился на совѣсть и на благодарность приказчика, имъ обогащеннаго и возвеличеннаго имъ до зятя, такъ это не только возможно, но и говоритъ весьма сильно въ пользу Большова, не совсѣмъ еще испорченнаго нравственно. Во-первыхъ, этотъ человѣкъ съ неиморѣрно упорнымъ характеромъ, а Подхалюзинъ глубоко изучилъ его, и съ этой стороны знаетъ его вдоль и поперекъ. „У нихъ такое заведеніе, коли имъ что попало въ голову, уже ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Агрефена Кондратьевна, сколько ни плакали, — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили“. Въ-третьихъ, есть и психическія причины: Большовъ зараженъ болѣзнію стяжанія, его томитъ жажда золота; онъ чувствуетъ страхъ и боль при одной мысли, что долженъ своими руками отдавать это золото кредиторамъ: „Вотъ теперь приходится много денегъ платить, говоритъ онъ стряпчему, и не то чтобы у меня ихъ не было, а признаться тебѣ сказать, не хочется. Пожалуй, расплатиться можно, да себѣ-то, глядишь, ничего и не останется. Вотъ какъ теперь деньги-то всѣ въ рукахъ, такъ отдавать-то и жалко. Ты этого и понять-то не можешь, потому, что такихъ денегъ съ роду не видывалъ. Какъ вспомню, *что отдаватъ надобно,* такъ вотъ за сердце и схватитъ, — индо нездоровъ сдѣлался. Тьфу, вы окаянныя! (Въ волненіемъ въ голосѣ.) Кажется, вотъ... ну, вотъ... задушилъ бы кого-нибудь“. Въ силу этого опаснаго недуга,

въ глазахъ Большова замужество дочери, нераздѣльное съ приданымъ, становится весьма важною побудительною причиною— не покидать замысла, не останавливаться на половинѣ дороги. Итакъ, въ-четвертыхъ, еше причина — замужество дочери: „Тамъ, что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да съ двора долой“. Въ пятыхъ, есть побужденія, въ немъ самомъ лежащія: и его утомила тяжелая, неугомонная торговая дѣятельность; отяжелѣлъ Большовъ, какъ маршалы Наполеона, и захотѣлъ погрузиться въ покойное довольство: „да и самому отдохнуть пора, проклажались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту“. А можетъ-быть, его устыдитъ окружающая среда? Не поддержитъ ли кто падающаго человѣка? Не отведетъ ли благодѣтельная невидимая рука тучу искушенія, нависшую надъ головой еще не преступника Большова? Хоть бы самъ онъ крикнулъ, какъ богатырь русской сказки: „есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?“ Но кругомъ него пусто и глухо, даже, напротивъ, все наталкиваетъ на соблазнъ и преступленіе, и Большовъ, къ несчастію, видитъ это очень ясно: „И другіе дѣлаютъ. Да еще какъ дѣлаютъ-то: безъ стыда, безъ совѣсти! На лежачихъ лесорахъ ѣздятъ, въ трехъэтажныхъ домахъ живутъ; другой такой бельведеръ съ колоннами выведетъ, что ему съ своей образиной и войти-то туда совѣстно; а тамъ и капутъ, и взять съ него нечего. Коляски эти разъѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены, останется ль, нѣтъ ли кредиторамъ-то старыхъ сапоговъ пары три. Вотъ тебѣ вся недолга. Да еще обманетъ-то кого: такъ бѣдняковъ какихъ-нибудь пуститъ въ одной рубашкѣ по міру. А у меня кредиторы все люди богатые, что имъ сдѣлается!“ Итакъ, еще причина, и притомъ одна изъ самыхъ важныхъ: въ самомъ обществѣ, вмѣсто поддержки отъ паденія, Большовъ нашелъ не только извиненіе, но и оправданіе беззаконнаго дѣла почти поощреніе къ нему. Лазарь доказываетъ хозяину, что сидѣльцы *знаютъ* сноровку: „Покупатель что ли тумакъ подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, взялъ, говорю, да и накинулъ рубль или два на аршинъ“. Большовъ при этомъ случаѣ не приминулъ указать и на нѣмцевъ: „Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ“. Лазарь насквозь видитъ

своего хозяина и очень хорошо понимаетъ, къ чему клонятся эти рѣчи; онъ втайнѣ радуется такому настроенію и въ отвѣтахъ даетъ понять, что онъ ничуть не прочь отъ участія въ мошенничествѣ, и потому продолжаетъ: „и мѣрять-то, говорю, надо поестественнѣе... а зазѣваются, такъ никто виноватъ, можно и черезъ руку лишній аршинъ шмыгнуть“. Большовъ снова обращается къ примѣру: „Все единственно, вѣдь, портной украдетъ же. А? Украдетъ, вѣдь?“ И Рисположенскій, пришедшій, какъ онъ выразился, *понавѣдаться*, поспѣшилъ также подтвердить: „украдетъ, Самсонъ Силычъ, безпремѣнно, мошенникъ, украдетъ: ужъ я этихъ портныхъ знаю“. Стряпчій, для залога дома, совѣтуетъ искать такого человѣка, чтобы совѣсть зналъ. „А гдѣ ты его найдешь нынче? возражаетъ Большовъ: нынче всякій норовитъ, какъ тебя за воротъ схватить, а ты совѣсти захотѣлъ“. Какая же нравственная опора можетъ быть въ такой средѣ для совѣсти шаткой, и гдѣ же тутъ искать поддержки человѣку, настроенному и готовому на преступленіе? Ко всему этому присоединяется новое обстоятельство, еще болѣе подстрекающее Большова и наносящее новый сильный ударъ совѣсти: приказчикъ принесъ газеты, а въ нихъ цѣлый рядъ знакомыхъ, купцы первой и второй гильдіи, и ихъ такъ много, что Большову не пересчитать и до завтрашняго дня; всѣ они объявляются несостоятельными должниками. Наконецъ, Большовъ самъ себѣ накликалъ двухъ демоновъ-искусителей, которые съ радостію готовы увлечь его на путь беззаконія. Одинъ—демонъ бѣдности, стряпчій Рисположенскій; онъ ищетъ поживы, готовъ изъ-за нея на всякія услуги, и, хлопоча собственно для себя, соблазняетъ Большова своимъ мастерствомъ устраивать подобныя дѣла, и ему обѣщаетъ такую механику подсмолить, что оглядокъ уже не будетъ. Другой искуситель еще обаятельнѣе, и потому еще болѣе опасный—приказчикъ Лазарь. Онъ давно проникъ въ умыселъ хозяина, издалека, совершенно незамѣтно, увлекаетъ его, но дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ. Глухо ведутъ они разговоръ, какъ будто боятся еще произнести или обнаружить, что замышляютъ злостное банкротство. Эта сцена замѣчательна, какъ по художественности своей, такъ и по психологической вѣрности. Большовъ заводитъ рѣчь издалека, жалуется, что торговля идетъ дурно: лавокъ много, цѣлыхъ три, а ничего не везетъ...

и спрашиваетъ Лазаря, *чувствуетъ ли онъ это.* Тонкій плутъ нарочно повторяетъ хорошо понятное слово: „кажется, долженъ чувствовать-съ“.

— „Такъ какъ ты думаешь?

— „Да какъ думать-съ? Ужъ это какъ вамъ угодно. Наше дѣло подначальное“.

Большовъ старается вызвать его на откровенность, а онъ отмалчивается или скользитъ, но и тутъ ударяетъ въ тактъ, и Большовъ это чувствуетъ.

— „Скажи, Лазарь, по совѣсти; любишь ты меня? Тотъ молчитъ, выжидаетъ еще...

— „Поилъ, кормилъ, въ люди вывелъ, кажется“. Тогда только начинаетъ Лазарь высказываться, и то вполовину.

— „Эхъ, Самсонъ Силычъ! Да что тутъ разговаривать-съ. Ужъ вы во мнѣ-то не сомнѣвайтесь! Ужъ одно слово: вотъ какъ есть, весь тутъ.

— „Да что жъ, что ты весь-то?

— „Ужъ коли того, а либо что, такъ останетесь довольны: себя не пожалѣю“.

И Большовъ говоритъ уже напрямикъ, что теперь самое лучшее время, векселямъ сроки подошли... какъ будто они уже обслуживали это дѣло, долго сговаривались объ немъ, и какъ будто теперь имъ остается только порѣшить окончательно. Большовъ мягче сердцемъ; онъ думалъ предложить кредиторамъ по двадцати-пяти копеекъ за рубль; не возьмутъ—вдвое, а за семь гривенъ обѣими руками ухватятся... и Лазарю говоритъ, что предложитъ двадцать пять.

— „А ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати-пяти, такъ *пристойнѣе* совсѣмъ не платить“.

И Большовъ радъ такому лестному отголоску своему корыстолюбію.

— „А помогать станешь?

— „Помилуйте, Самсонъ Силычъ, въ огонь и въ воду полѣзу-съ.

— „Спасибо тебѣ, Лазарь, удружилъ! Награжу на всю жизнь“.

И вслѣдъ за этимъ разговоромъ начинается рядъ обмановъ, вѣроломствъ и предательствъ. Большовъ обѣщалъ стряпчему за всю механику тысячу рублей и енотовую шубу; Подхалюзинъ тайкомъ отъ хозяина обѣщаетъ тому же Рисполо-

женскому двѣ тысячи, чтобы укрѣпить за собой домъ и лавки; свахѣ двѣ тысячи и соболью шубу только за то, чтобы разстроить свадьбу, и все это обѣщано съ тѣмъ, чтобы попользоваться всѣмъ и вѣроломно обмануть и хозяина, и стряпчаго, и сваху.

Несмотря на то, что Лазарь достаточно уже опуталъ свою жертву, получилъ закладную на домъ и лавку, ему все еще кажется, что онъ только расшаталъ Большова. Чтобы добить его окончательно, онъ ловкой рукой ударяетъ снова въ двѣ чувствительныя струны: раздражаетъ корыстолюбіе и упорство своего хозяина; приступаетъ къ нему съ видомъ жалобы на стряпчаго, какъ будто съ негодованіемъ говоритъ, что эта чернильная душа даетъ дурной совѣтъ — объявиться несостоятельнымъ.

— „Что жъ объявиться, такъ объявиться—одинъ конецъ.

— „Ахъ, Самсонъ Силычъ, что это вы изволите говорить!

— „Что жъ, деньги заплатить? Да съ чего жъ ты это взялъ? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копейки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя, пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ".

Мы старались въ своемъ произведеніи отыскать все, что только можетъ служить оправданіемъ автора, и указали на всѣ, кажется, причины, которыя можно привести на возраженія критики противъ возможности замысла, какъ главной основы драматическаго дѣйствія; тѣмъ не менѣе, не можемъ не повторить, что желали бы болѣе прочной, непоколебимой закладки для этого великолѣпнаго литературнаго зданія.

Подхалюзинъ, съ неподражаемымъ искусствомъ играющій на душѣ Большова, перебралъ на всѣ лады этотъ послушный ему инструментъ, и теперь приступаетъ къ самой отдаленной послѣдней своей цѣли. Для этого онъ подходитъ къ Большову съ противоположной стороны, начинаетъ его пугать несчастнымъ исходомъ дѣла: если, напримѣръ, придерутся, потянутъ въ судъ, да отнимутъ имѣніе; Аграфена Кондратьевна, а въ особенности Олимпіада Самсоновна, барышня образованная, останутся ни при чемъ, должны будутъ терпѣть голодъ и холодъ?... И онъ до того увлекся созданной имъ картиной бѣдствія, что какъ будто самъ ея испугался, такъ, что ударился въ слезы: Лазарь плачетъ отъ жалости къ птенцамъ беззащитнымъ! Что же дѣлать? Надобно, по крайней мѣрѣ, образо-

ванную барышню заранѣе пристроить за *хорошаго* человѣка, да чтобы она была за *нимъ,* какъ за каменной стѣной; а вотъ тотъ женихъ, что сватался изъ благородныхъ-то, и оглобли назадъ поворотилъ; а ужъ мы знаемъ, что за этотъ поворотъ самъ же Подхалюзинъ обѣщалъ свахѣ двѣ тысячи рублей и соболью шубу! И бѣдная жертва до того заслушалась поющей сирены, что сама бросается въ объятія чудовища! Этимъ послѣднимъ маневромъ, который сдѣлалъ бы честь любому іезуиту, Лазарь довелъ Большова до того, что тотъ собственными руками отдаетъ ему и дочь, и все добро свое: самъ будетъ за него сватомъ и на него же переводитъ все свое имущество. До сихъ поръ дѣйствіе, какъ и нужно, шло медленно, ровнымъ, тяжелымъ шагомъ; теперь ходъ его видимо ускоряется. И съ внутренней стороны драма рѣзко измѣняется: изъ комедіи быстро переходитъ въ трагедію; въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ смѣхъ смѣнялся иногда весьма серіознымъ лицомъ, а въ послѣднемъ онъ уже переходитъ въ жалость, состраданіе и ужасъ. Прежде всего авторъ поражаетъ васъ художественнымъ созданіемъ противоположностей: счастливые супруги блаженствуютъ въ богатомъ домѣ, а отецъ, отдавшій имъ эти палаты со всѣмъ имѣніемъ и своимъ и чужимъ, сидитъ въ ямѣ! Онъ пресыщается стыдомъ, а дочь его, теперь уже Подхалюзина, украшенная шелковою блузою послѣдняго фасона, покоится въ роскошномъ положеніи: супругъ ея въ модномъ сюртукѣ охорашивается передъ зеркаломъ; къ полному его удовольствію, Тишка подтверждаетъ, что онъ похожъ на француза, какъ двѣ капли воды. Супруги строятъ планы: онъ выучится танцовать; зимой будутъ ѣздить въ купеческое собраніе, будутъ полькировать. Коляска сторгована за тысячу рублей, столько же стóятъ лошади, серебряная сбруя; поѣдутъ они въ паркъ, въ Сокольники, а публика пущай смотритъ!

„Что это вы меня не поцѣлуете, Лазарь Елизаровичъ?“ Онъ проситъ сказать ему что-нибудь на французскомъ діалектѣ, „такъ-съ, самую малость“, и, узнавши, что сказанная фраза значитъ по-русски: какъ вы милы,— въ совершенномъ упоеніи. Они наслаждаются на лаврахъ, безчестно пожатыхъ, и ни единаго слова о бѣдномъ отцѣ, ни дочь ни зять, поднятый имъ изъ праха.

Но карающая Неземида уже давно подстерегаетъ эти ми-

нуты самозабвенія; грозной тучей виситъ она надъ преступными головами и скоро разразится громомъ; надъ дѣтьми— за неблагодарность и нечестіе къ родителямъ; надъ отцомъ— за тайное беззаконіе. Вся эта сцена, какъ истинное подобіе грознаго судилища, поражаетъ зрителя ужасомъ и состраданіемъ. Первый фіалъ Божьяго гнѣва преступный, несчастный отецъ долженъ принять изъ рукъ дочери и зятя, котораго онъ возвысилъ изъ ничтожества и осыпалъ благодѣяніями. Лазарь еще въ сидѣльцахъ былъ не чистъ на руку; Большовъ это замѣчалъ, и не разъ, но не ославилъ его, не прогналъ отъ себя, а сдѣлалъ главнымъ приказчикомъ, отдалъ ему все состояніе и, наконецъ, свою дочь, на которую тотъ и глядѣть едва ли бы осмѣлился. И вотъ теперь, вмѣсто того, чтобы всѣмъ жертвовать для спасенія своего благодѣтеля и отца отъ несчастія и позора, онъ едва не издѣвается надъ нимъ, когда старикъ, убитый горемъ и безсердечіемъ, потерялъ человѣческое терпѣніе и назвалъ ихъ змѣями подколодными: *тятенька захмелѣлъ маленько.* Дочь убиваетъ его окончательно, когда на отрѣзъ сказала, что больше десяти копеекъ за рубль не дадутъ ему, и нагло дала понять, чтобы отецъ отвязался наконецъ. Кромѣ чудовищной неблагодарности дѣтей, Большовъ обреченъ на другое тяжкое наказаніе: онъ преданъ общественному позору: точно грѣшную душу дьяволы по мытарствамъ тащатъ, когда ведутъ его на поруганіе по Ильинкѣ, и эта улица кажется ему за сто верстъ! Этого мало, и совѣсть возстаетъ на виновнаго, пугая его призраками кары небесной. Какъ онъ взглянетъ на ликъ Пречистой Дѣвы, когда пойдетъ мимо Иверской? Отрезвленный полнымъ сознаніемъ преступленія, Большовъ видитъ въ себѣ Іуду: этотъ за деньги продалъ Іисуса Христа, а онъ — совѣсть свою! Наконецъ, предстаютъ предъ нимъ и земныя страшилища — присутственныя мѣста, уголовная палата, Сибирь... Вотъ когда онъ начинаетъ уже не требовать отъ дѣтей своей собственности, а *а со слезами проситъ у нихъ Христа ради!*

Никакъ не можете вы отказать Большову въ чувствѣ жалости, и не только какъ къ несчастному отцу, но и какъ къ преступнику. Правда, онъ попралъ нравственный и гражданскій законъ, но и возмездіе понесъ несоразмѣрно тяжкое; со всѣхъ сторонъ, градомъ посыпались на него удары; неблагодарность дѣтей, общественный позоръ, угрызенія со-

вѣсти, страхъ передъ закономъ общественнымъ и гражданскимъ — предчувствіе суда Божія и наказанія человѣческаго!

Намъ остается объяснить послѣднее и самое главное отличіе комедіи „Свои люди — сочтемся“ отъ „Бригадира“, показать, чѣмъ обозначился тотъ важный шагъ впередъ, который почти во сто лѣтъ сдѣлало русское общество, а за нимъ литература русская. Это и есть то новое начало, которое одушевляетъ произведеніе Островскаго, и о которомъ, какъ мы сказали, многимъ писателямъ XVIII вѣка даже не снилось. Въ прошломъ столѣтіи русская литература, принявшая въ образецъ европейскую, выражала стремленіе водворить въ русскомъ обществѣ идеалъ общественности европейской. Поэтому весьма естественно, что поэзія наша того времени изображала по-преимуществу лица *этого обновлявшагося общества, т.-е. сословія высшаго.* Теперь становится совершенно понятнымъ, почему лица средняго и низшаго сословія, если ихъ случайно заводили въ область литературы, обращены къ намъ одною грубою, матеріальною стороною: знали ихъ по одной внѣшности, видѣли ихъ погруженными въ кругу мелкихъ, житейскихъ нуждъ, сталкивались съ ними въ обыденныхъ интересахъ. Когда Лукинъ въ комедіи („Мотъ, любовію исправленный“) вывелъ честнаго слугу — а писатели-дворяне слугъ тогда знали лучше, ибо были ближе къ нимъ — вывелъ слугу, который бережетъ своего барина не только отъ плута-купца, но и отъ вѣроломнаго друга; почти спасаетъ отъ гибели безпутнаго, но добраго юношу; не принимаетъ отъ него отпускной, великодушно отказывается отъ свободы, и только для того, чтобы не покидать своего господина въ несчастіи: тогда, трудно повѣрить, поднялись крики строгихъ цѣнителей и судей: „*такихъ добрыхъ слугъ у насъ не бывало!*“ — Пусть онъ послужитъ образцомъ, — благородно отвѣтилъ имъ Лукинъ. Нашелся и такой критикъ, который *съ ругательствомъ и улыбкою сказалъ автору: „къ чему вдругъ столь избранное и плодовитое нравоученіе для подлаго сего рода?* Для того, — говоритъ Лукинъ, — чтобы очистить оный отъ подлости и научить поступкамъ, всякому честному человѣку приличнымъ“. Очевидно, большинство писателей не возвышалось надъ сословными предразсудками и даже полагало, что съ лицами средней и низшей среды нераздѣльны понятія не только необразованія, невѣжества, но и пороковъ, какъ будто такъ

и быть должно, и иначе быть не можетъ; и напрасно было бы въ этой низкой сферѣ искать чего-нибудь родственнаго людямъ въ настоящемъ значеніи слова, представителямъ сословія высшаго, которымъ однимъ свойственны образованіе, развитіе ума и нравственное совершенствованіе.

И вотъ почти сто лѣтъ надо было пройти послѣ появленія „Бригадира“ для того, чтобы въ другую комедію русскую не только вошла, но и получила въ ней полныя права гражданства та космополитическая идея, которая была провозглашена съ высоты трона свободолюбивой государыней: „человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлецъ, рукодѣльникъ или торговецъ, праздный хлѣбоядца или прилежаніемъ и раченіемъ подающій къ тому способы, управляющій или управляемый — все есть человѣкъ“.

Въ комедіи есть такія положенія, что вы совершенно забываете и купца, и сваху, и приказчика, и стряпчаго, а видите предъ собою міръ, какъ поле битвы; жизнь, какъ борьбу, и человѣка со всѣми его треволненіями и страстями.

Но въ траги-комедіи Островскаго есть нѣчто болѣе того, что мы сказали: авторъ не только далъ право гражданства этой глубоко человѣческой идеѣ, но *стремится вкоренить ее и въ сознаніе дѣйствующихъ лицъ*. Конечно, никто изъ нихъ не заявляетъ прямо и не говоритъ вамъ: я человѣкъ! этой грубой ошибки такой художникъ и сдѣлать не могъ; онъ надѣляетъ ихъ настолько, насколько они могутъ вмѣстить. И стряпчій Рисположенскій, бѣдный Сысой Псоичъ, и тотъ выражаетъ ее, разумѣется, въ тугѣ сердечной, а не въ философскихъ изреченіяхъ; потому что горемыка-взяточникъ вынесъ эту мысль изъ тяжкой, изъ гнетущей дѣйствительности, которая сгибаетъ его до паденія: „Будешь и по мелочамъ, какъ взять-то негдѣ. Ну еще не что, кабы одинъ; а то вѣдь у меня жена да четверо ребятишекъ. Всѣ ѣсть просятъ, голубчики. Тотъ говоритъ — тятенька дай, другой говоритъ — тятенька дай. А я къ семейству очень чувствительный человѣкъ. Одного вотъ въ гимназію опредѣлилъ: мундирчикъ надобно, то, другое. А домишко-то эвоно гдѣ!... Что сапоговъ однихъ истреплешь, ходимши къ Воскресенскимъ воротамъ съ Бутырокъ-то“.

Въ траги-комедіи есть, наконецъ, стремленіе, еще болѣе рѣзкою чертою отдѣляющее ее отъ всѣхъ комедій XVIII вѣка.

Мы крайне сожалѣемъ, что эта новая мысль автора, доблестно-гражданская, не облечена въ достаточно-прозрачный образъ: или Островскій не рѣшился на шагъ болѣе смѣлый, разумѣемъ это только въ литературномъ смыслѣ, или фантазія художника нѣсколько утомилась при концѣ своего творческаго полета. Для большей ясности мы привидемъ въ цѣлости это важное мѣсто, совершенно измѣненное во второмъ изданіи. Рисположенскій постоянно ходитъ къ Подхалюзину, который долженъ ему полторы тысячи, а отдаетъ только по пяти цѣлковыхъ, да еще съ презрѣніемъ и досадою, что тотъ ему надоѣдаетъ. Стряпчій проситъ отдать уже все разомъ, тогда ему ходить будетъ не зачѣмъ; Подхалюзину такое настойчивое требованіе кажется дерзостію, и онъ готовъ безъ церемоніи выгнать его изъ дома: пора де честь знать, попользовался и будетъ. Но тотъ все проситъ денегъ, а не то, такъ документъ: Подхалюзинъ находитъ это желаніе черезчуръ ужъ наивнымъ и вмѣсто документа предлагаетъ ему взять еще пять цѣлковыхъ, да и убираться съ Богомъ восвояси.

Рисположенскій. Нѣтъ, погоди! Ты отъ меня этимъ не отдѣлаешься!

Подхалюзинъ. А что же ты со мной сдѣлаешь?

Рисположенскій. Языкъ-то у меня не купленный.

Подхалюзинъ. Что же ты лизать, что ли, меня хочешь?

Рисположенскій. Нѣтъ, не лизать, а добрымъ людямъ разсказывать.

Подхалюзинъ. О чемъ разсказывать-то, купоросная душа! Да кто тебѣ повѣритъ-то еще?

Рисположенскій. Кто повѣритъ? А вотъ увидишь! А вотъ увидишь! Батюшки мои, да что жъ мнѣ дѣлать-то? Смерть моя! Грабитъ меня, разбойникъ, грабитъ! Нѣтъ, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзинъ. Да что увидать-то?

Рисположенскій. А вотъ что увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду?

Подхалюзинъ. Погоди, да погоди! Ужъ я и такъ ждалъ довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенскій. Ты думаешь, мнѣ никто не повѣритъ? Не повѣритъ? Ну, пускай обижаютъ! Я... я вотъ что сдѣлаю: Почтеннѣйшая публика!

Подхалюзинъ. Что ты! Что ты! Очнись!

Тишка. Ишь ты съ пьяныхъ-то глазъ куда лѣзетъ!

Рисположенскій. Пусти! Постой! Почтеннѣйшая публика! Тестя обокралъ! И меня грабитъ... Жена, четверо дѣтей, вотъ сапоги худые!...

Подхалюзинъ. Все вретъ-съ! Самый пустой человѣкъ-съ! Полно ты, полно... Ты прежде на себя-то посмотри, ну куда ты лѣзешь!

Рисположенскій. Пусти! Тестя обокралъ! И меня грабитъ... Жена, четверо дѣтей, сапоги худые!

Тишка. Подметки подкинуть можно!

Рисположенскій. Ты что? Ты такой же грабитель!

Тишка. Ничего-съ, проѣхали!

Подхалюзинъ. Ахъ! Ну что ты мораль-то этакую пущаешь.

Рисположенскій. Нѣтъ, ты погоди! Я тебѣ припомню! Я тебя въ Сибирь упеку!

Подхалюзинъ. Не вѣрьте, все вретъ-съ! Такъ-съ самый пустой человѣкъ-съ, вниманія не стоящій! Эхъ, братецъ, какой ты безобразный! Ну, не зналъ я тебя — ни за какія бы благополучія и связываться не сталъ.

Рисположенскій. Что взялъ! а! что взялъ! Вотъ тебѣ, собака! Ну, теперь подавись моими деньгами, чортъ съ тобой. *(Уходитъ.)*

Подхалюзинъ. Какой горячій-съ! *(Къ публикѣ)* Вы ему не вѣрьте, это онъ, что говорилъ-съ — это все вретъ. Ничего этого и не было. Это ему, должно быть, во снѣ приснилось. А вотъ мы магазинчикъ открываемъ: милости просимъ! Малаго ребенка пришлите — въ луковицѣ не обочтемъ.

Развѣ только творческая игра высокаго сценическаго таланта можетъ придать этой сценѣ то особенное освѣщеніе, въ которомъ она такъ сильно нуждается; въ противномъ случаѣ, главная мысль, душа этого послѣдняго явленія не обнаружитъ всей жизненной силы, въ ней скрытой, а для большинства можетъ даже остаться почти незамѣченною. Что же здѣсь хотѣлъ высказать авторъ? Онъ стремится, во-первыхъ, водворить въ русскомъ обществѣ *власть общественнаго мнѣнія;* во-вторыхъ, хочетъ показать, что лица низкопоставленныя, ограниченныя и даже порочныя, и тѣ

уже *чувствуютъ теперь потребность, даже сознаютъ необходимость общественнаго суда*. Проводя эту мысль въ сознаніи *и малыхъ міра сего*, Островскій сначала, еще прежде, заставилъ сваху высказать ее; но Устинья Наумова выражаетъ эту идею, какъ и слѣдуетъ, только инстинктивно, безъ всякаго сознанія и отчета. Озлобленная на Подхалюзина, обѣщавшаго ей двѣ тысячи рублей да соболью шубу и безчестно ее обманувшаго, она уходитъ изъ его дома и въ безсильномъ негодованіи прибѣгаетъ къ послѣдней угрозѣ: „Ужъ я васъ золотые, распечатаю — будете знать! Я васъ такъ по Москвѣ-то разславлю, что стыдно будетъ въ люди глаза показать!...“

Совершенно не то стряпчій Рисположенскій... Авторъ возвышаетъ его до сознанія этой нравственной потребности, и возвышаетъ безъ всякой натяжки, естественно; потому что избираетъ для этого такой моментъ, когда подобный поворотъ вполнѣ возможенъ: Рисположенскій мгновенно *ощущалъ* въ себѣ эту потребность, и вдругъ, внезапно озарился этою мыслію, ибо увидѣлъ въ ней свое спасеніе; по этой же причинѣ онъ заявляетъ ее и передъ лицомъ общества. Горько ему видѣть, какъ нагло издѣвается надъ нимъ же Подхалюзинъ, а еще больнѣе то, что онъ самъ поставилъ себя въ беззащитное положеніе: такой мастеръ обдѣлывать даже темныя судейскія дѣла, онъ ничего теперь не можетъ сдѣлать съ человѣкомъ, его же ограбившимъ; потому что не оградилъ себя никакимъ законнымъ документомъ. Подхалюзинъ ни тестю ни стряпчему не далъ противъ себя никакого юридическаго оружія и совершенно оградилъ себя отъ всякихъ законныхъ уликъ. Но если нужда долбитъ камень, то горе рождаетъ идеи, даже въ самомъ неразвитомъ, въ самомъ ограниченномъ человѣкѣ... И многоопытный дѣлецъ, чувствуя все безсиліе своего права — въ судъ нельзя ему итти, нѣтъ никакихъ документовъ — и взяточникъ-стряпчій прибѣгаетъ къ карающему суду публуки! И онъ, когда его обидѣли и ограбили и, мало того, еще осмѣяли, и онъ, какъ блудный сынъ, простираетъ руки къ имъ же оскорбленному обществу, апеллируетъ къ нему и въ отчаяніи взываетъ: „Почтеннѣйшая публика! Тестя обокралъ! И меня грабитъ!...“ И ему уже теперь хочется разсказать добрымъ людямъ, чтобы они всѣ знали, что Подхалюзинъ — безчест-

ный грабитель; другими словами: ябедника и лихоимца Островскій возвышаетъ до сознанія правды и возлагаетъ на него очистительную миссію, ставитъ его передъ лицомъ русскаго общества съ огромнымъ воззваніемъ — чтобы всѣ честные русскіе люди нравственно наказывали всяческую мерзость и кривду; чтобы они безпощадно преслѣдовали даже тайное преступленіе, хотя бы оно стало подъ прикрытіемъ всевозможныхъ орудій казуистики и формъ закона; а если обратимъ отрицательный способъ выраженія въ полижительный, то найдемъ, что отдаленнѣйшее, послѣднее стремленіе автора траги-комедіи состоитъ въ томъ, чтобы на всей русской землѣ, отъ края до края, царила единая, вѣчная правда, которую русскій народъ возлюбилъ паче всѣхъ идеаловъ и назвалъ своею матерью! *Селинъ.*

Чтеніе комедіи „Свои люди — сочтемся" въ разныхъ кругахъ московскаго общества.

Московское общество выразило нетерпѣливое желаніе прослушать комедію Островскаго до выхода ея въ свѣтъ. Возникло это желаніе по почину М. Н. Каткова: въ скромной тогда квартирѣ его состоялось первое чтеніе „Банкрота" [1]). Съ Катковымъ члены кружка „Молодого Москвитянина" были знакомы уже нѣсколько лѣтъ и часто посѣщали его. Члены этого кружка ранѣе другихъ замѣтили размѣры его дарованій, заслоненные отъ единомышленниковъ его западниковъ преклоненіемъ передъ Грановскимъ, какъ своего рода идоломъ. Впечатлѣніе, произведенное на новыхъ слушателей (присутствовали: И. В. Бѣляевъ и братъ Каткова Меѳодій), было необыкновенное. Независимо отъ красотъ самаго произведенія, впечатлѣніе это увеличивалось и тѣмъ, что Островскій былъ необыкновенно искуснымъ чтецомъ своихъ произведеній.

Съ этого времени началось частое чтеніе этой пьесы въ разныхъ мѣстахъ, и быстро по Москвѣ разнеслась ея слава. Островскаго стали просить читать ее въ знакомыхъ и незна-

---

[1]) Первоначальное заглавіе комедіи „Свои люди — сочтемся".

комыхъ домахъ. Онъ направлялся съ своими товарищами, всегда имѣя съ собою, какъ непремѣннаго члена П. М. Садовскаго, который и читалъ съ нимъ попеременно.

„Сегодня, — писала графиня Ростопчина Погодину, — Садовскій для меня читаетъ „Банкротство“ у Новосильцевыхъ, а потому хотя я очень нездорова, но встала съ постели, чтобы не прогулять этого занимательнаго вечера“. Чтеніе это произвело сильное впечатлѣніе на графиню Ростопчину, и она писала: „Что́ за прелесть „Банкротство“! Это нашъ русскій Та́ртюфъ, и онъ не уступаетъ своему старшему брату въ достоинствѣ правды, силы и энергіи. Ура! у насъ рождается *своя* театральная литература, и нынѣшній годъ былъ для нея благодатно плодовитъ“.

Вслѣдъ за симъ, комедію Островскаго П. М. Садовскій читалъ въ домѣ Н. Ф. Павлова.

Наконецъ, и самъ Погодинъ рѣшился сдѣлать у себя литературный вечеръ, на которомъ читались „Нелюдимка“ и „Свои люди — сочтемся“. Вечеръ этотъ состоялся 3 декабря 1849 г.

Пригласить Островскаго къ себѣ на вечеръ Погодинъ поручилъ Н. В. Бергу, который писалъ: „Непремѣнно явлюсь къ вамъ въ субботу, но не знаю, можно ли будетъ привесть Островскаго. Я знакомъ съ нимъ, но не такъ коротко“. Но тѣмъ не менѣе Бергъ принялъ мѣры къ приглашенію Островскаго, и наканунѣ чтенія писалъ Погодину: „Какъ я сказалъ вамъ, такъ и сдѣлалъ: на другой день, по полученіи вашего письма, я написалъ къ общему нашему съ Островскимъ знакомому, прося его или свести меня съ Островскимъ поближе, или пригласить его прямо къ вамъ. Вчера я получилъ отвѣтъ, но самый неопредѣленный. Господинъ, къ которому я писалъ, увѣдомляетъ меня, что Островскій почему-то дома почти никогда не бываетъ, а тамъ, гдѣ его можно найти въ настоящее время, онъ былъ два раза и не нашелъ его. Я писалъ снова къ этому господину, чтобы онъ хоть запиской увѣдомилъ Островскаго, или отыскалъ его, какъ хочетъ. Не знаю, что будетъ. Завтра напишу снова и упомяну о желаніи графини Ростопчиной съ нимъ познакомиться. Если бъ я зналъ, гдѣ онъ живетъ, я давно бы съѣздилъ къ нему самъ и не прибѣгалъ бы къ такому невѣрному и скучному посредству. Вотъ причины, почему я васъ не увѣдомлялъ до сихъ поръ. Просто не о чемъ было писать“.

Пригласить же Щепкина на свой вечеръ Погодинъ поручилъ Гоголю, который по этому поводу писалъ ему: „Когда увижусь съ Щепкинымъ, передамъ ему это и отвѣтъ привезу самъ“.

Какъ бы то ни было, Островскій былъ на вечерѣ у Погодина и своимъ произведеніемъ произвелъ сильное впечатлѣніе, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ участники этого вечера. „Комедія „Банкротъ“ удивительная“, отмѣчаетъ хозяинъ въ своемъ дневникѣ, ее прочелъ Садовскій и авторъ“. Прослушавъ во второй разъ эту комедію, графиня Ростопчина писала Погодину: „Банкрота“ слушала я, отъ души радуюсь замѣчательному таланту, озарившему нашу немощность и нашъ застой. Chaque chose et chaque œuvre a les défauts de ses qualités, поэтому нельзя, чтобъ немного грязнаго не примѣшалось въ олицетвореніи типовъ, взятыхъ живьемъ и цѣликомъ изъ низшихъ слоевъ общества“.

Болѣе подробное описаніе этого вечера мы находимъ въ воспоминаніи Н. В. Берга: „На вечерѣ Погодина, Островскій читалъ свою комедію „Свои люди — сочтемся“ („Банкротъ“). Слушающихъ собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочимъ графиня Ростопчина. Гоголь былъ званъ также, но пріѣхалъ среди чтенія; тихо подошелъ къ двери и сталъ у притолки. Такъ и простоялъ до конца, слушая, повидимому, внимательно. Послѣ чтенія онъ не проронилъ ни слова. Графиня Ростопчина подошла къ Гоголю и спросила: „Что вы скажете, Николай Васильевичъ? — Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно бы подлиннѣе, а этотъ покороче. Эти законы узнаются послѣ, и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить.— Больше ничего онъ не говорилъ, кажется, ни съ кѣмъ, во весь тотъ вечеръ. Къ Островскому, сколько могу припомнить, не подходилъ ни разу“.

Несмотря на это видимое равнодушіе, и на Гоголя комедія Островскаго, кажется, произвела впечатлѣніе. Подтвержденіемъ этого предположенія могутъ служить слѣдующія строки Погодина: „Бѣляевъ сказывалъ, что онъ хочетъ печатать статьи историческія. Онъ тоже подвигнетъ все-таки меня, какъ Островскій Гоголя“.

„Какъ чтецъ“, свидѣтельствуетъ Т. И. Филипповъ, „Островскій далеко превосходитъ Садовскаго; но когда черезъ нѣ-

сколько времени имъ привелось совмѣстно играть сцены изъ той же пьесы въ домѣ С. А. Пановой, превосходство Садовскаго оказалось во всей его силѣ".

Въ чтеніяхъ пьесы Островскаго прошла цѣлая зима. Читали пьесу и въ литературныхъ, и въ купеческихъ, и въ аристократическихъ домахъ, какъ напримѣръ у Мещерскихъ и Шереметевыхъ. Въ оба эти дома ввелъ Островскаго и другихъ членовъ кружка „Молодого Москвитянина" Филипповъ. Князь А. В. Мещерскій, бывшій впослѣдствіи Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, былъ уже и ранѣе въ дружескихъ отношеніяхъ съ Филипповымъ. Съ Шереметевыми познакомилъ Филиппова Николай Петровичъ Алмазовъ, братъ Варвары Петровны Шереметевой и отецъ поэта Бориса Николаевича. *Барсуковъ.*

Художественная и бытовая стороны комедіи Островскаго „Бѣдная невѣста".

Начиная оцѣнку явленій литературныхъ 1852 года съ „Бѣдной невѣсты" А. Н. Островскаго, мы поступимъ, впрочемъ, правильно какъ съ исторической, такъ и съ художественной точки зрѣнія. Какъ бы ни было несправедливо отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, каковы бы ни были недостатки самой комедіи, извѣстные и намъ конечно, но всего болѣе извѣстные ея автору, все-таки изъ литературы 1852 года уцѣлѣетъ и останется одно только: „Бѣдная невѣста". Отъ этого положенія не можетъ отречься и та близорукая критика, которая, придираясь къ разнымъ мелкимъ недостаткамъ или даже просто недосмотрамъ въ комедіи, не замѣтила самаго важнаго, самаго существеннаго недостатка въ художественномъ отношеніи, недостатка экономіи въ планѣ и подробностяхъ. Задачи, замыслы произведенія такъ широко, такъ можно сказать, блестяще раскинулись передъ самимъ художникомъ, явились ему такъ благородными и такъ говорящими сами за себя, что онъ пренебрегъ ради ихъ симметричностью постройки, что даже, драматургъ по свойству своего таланта, онъ забылъ объ условіяхъ драматизма и нѣкоторымъ сторонамъ своей концепціи далъ эпическое развитіе, нѣкоторыя же черты выра-

зилъ даже лирически. Можетъ быть также, увлеченный благородствомъ и новостью своихъ задачъ, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія, но во всякомъ случаѣ, „Бѣдная невѣста" свидѣтельствовала о силѣ таланта, находящейся въ извѣстномъ броженіи, въ необузданномъ состояніи, а никакъ не о безсиліи его.

Повторяемъ опять: существенный, главный недостатокъ „Бѣдной невѣсты" — отсутствіе экономіи въ планѣ, въ построеніи, — недостатокъ, котораго всѣ другія являются уже неизбѣжными послѣдствіями. Сожми Островскій свою драму въ болѣе тѣсныя рамы, умѣрь нѣсколько свои въ высокой степени благородныя и широкія задачи, не выброси онъ за разъ всего, что передумано, перечувствовано имъ въ отношеніи къ избранному драматическому положенію, — созданіе получило бы стройность и цѣлость, хотя можетъ-быть утратило бы нѣсколько своей энергіи, той энергіи, которая всегда проглядываетъ въ произведеніяхъ субъективныхъ, которая составляетъ и порокъ ихъ и высокое достоинство, — энергіи, которая, какъ субъективная, изолируетъ произведеніе отъ общаго и обыкновеннаго сочувствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ на него неотразимо влекущую печать. Въ такой энергіи есть почти всегда нѣчто недосказанное, нѣчто заставляющее подозрѣвать, что она еще не вся вылилась, — и продукты ея дѣйствительно являются чѣмъ-то недосказаннымъ, хотя въ то же время эта недосказанность, да простятъ мнѣ нѣсколько фигурное выраженіе, прозрачна: сквозь нее видно, что хотѣлъ сказать поэтъ, видны основы его, видна болѣе всего поэзія его міросозерцанія. Пусть онъ не довелъ до послѣдней степени ясности своихъ задачъ, пусть не достигъ онъ положительной опредѣленности и типичности въ отдѣлкѣ выведенныхъ имъ образовъ; душа читателя, увлеченная силою творчества и, такъ сказать, покоренная міросозерцаніемъ, дополняетъ въ себѣ сама, и притомъ дополняетъ правильно, недосказанныя черты. Ибо ничто въ такой степени не необходимо художнику, какъ міросозерцаніе. Талантъ находится въ прямомъ отношеніи съ жизнью, и бо́льшая или меньшая степень воспроизведенія жизни есть вмѣстѣ съ тѣмъ высшая или низшая степень правильнаго отношенія къ ея явленіямъ, т.-е. къ дѣйствительности. Безъ міросозерцанія,

прочнаго, совершенно сложившагося (хотя складывающагося различно, смотря по различнымъ историческимъ даннымъ мѣстности, народности, времени, а съ другой стороны, смотря по условіямъ, лежащимъ въ натурѣ художника), не бывало, нѣтъ и не будетъ истинныхъ художниковъ. Кого ни возьмете вы изъ тѣхъ избранныхъ, которые отмѣтили жизнь свою дѣломъ, оставили по себѣ какой-либо прочный слѣдъ, всѣ они разумѣли смыслъ жизни, и стало быть, серіозно смотрѣли на жизнь. Всѣ они, отрицательно ли, положительно-ли, дѣйствовали въ литературѣ *во имя* ясно сознаваемаго и живо чувствуемаго идеала, и безъ этой идеальной основы — художества быть не можетъ. Чѣмъ свободнѣе, чѣмъ шире, человѣчнѣе и вмѣстѣ идеальнѣе міровоззрѣнія художника, т.-е. разумѣніе того, *во имя* чего воспроизводитъ онъ образы полные правды и караетъ всякую неправду жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣніе отношенія идеала къ дѣйствительности, тѣмъ болѣе яркій слѣдъ оставляетъ по себѣ его дѣятельность. Изъ разумѣнія отношенія между тѣмъ, во имя чего художникъ творитъ, и между тѣмъ, въ чемъ художникъ видитъ, или, лучше сказать, чувствуетъ глубоко положеніе или отрицаніе идеала, — изъ этого разумѣнія, обусловленнаго историческими данными извѣстной народности и извѣстной эпохи, выходитъ различное міросозерцаніе художника. Да не подумаютъ, впрочемъ, чтобы, увлекаясь нѣкоторымъ историческимъ фатализмомъ, мы въ сложеніи міросозерцанія художника давали мѣсто только вліянію историческихъ данныхъ эпохи: на одни и тѣ же явленія различныя художническія натуры смотрятъ подъ различнымъ угломъ зрѣнія. Свѣтъ одинъ, но онъ преломляется въ призмѣ на нѣсколько различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ: нужно только, необходимо, чтобъ душа художника воспринимала свѣтъ и отражала тотъ или другой оттѣнокъ.

У Островскаго одного, въ настоящую эпоху литературную, есть свое прочное, новое и вмѣстѣ идеальное міросозерцаніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ, обусловленнымъ какъ данными эпохами, такъ можетъ-быть и данными натуры самого поэта. Этотъ оттѣнокъ мы назовемъ, нисколько не колеблясь, кореннымъ русскимъ міросозерцаніемъ, здоровымъ и спокойнымъ, юмористическимъ безъ болѣзненности, прямымъ безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальнымъ, нако-

нецъ, въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сентиментальности. Другой вопросъ, всегда ли одинаково онъ служитъ ему; но всѣ задачи міросозерцанія выступили уже ярко въ доселѣ извѣстныхъ публикѣ произведеніяхъ Островскаго и выступятъ скоро еще ярче въ новомъ его произведеніи, о которомъ, какъ не напечатанномъ еще, мы не имѣемъ права говорить, хотя оно послужило бы къ самому прямому разъясненію вопроса. Покамѣстъ, слѣдовательно, мы должны ограничиться міросозерцаніемъ, явнымъ для насъ въ „Своихъ людяхъ — сочтемся", и въ особенности, чтобы не отдаляться отъ вопроса, міросозерцаніемъ „Бѣдной невѣсты". Міросозерцаніе всякаго поэта особенно наглядно выступаетъ въ его отношеніи къ событію и положенію, взятымъ имъ для художественной обработки, и въ отношеніи къ лицамъ, участвующимъ въ событіи, поставленнымъ въ извѣстное драматическое положеніе.

Всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстна, безъ сомнѣнія, „Бѣдная невѣста", и потому не для чего здѣсь излагать въ подробности ея содержаніе или канву событій, нечего также и доказывать, что главное, центральное, такъ сказать, драматическое положеніе, изъ котораго какъ изъ зерна выходятъ всѣ другія, — положеніе самой бѣдной невѣсты, Марьи Андреевны. Особенность міросозерцанія Островскаго въ отношеніи къ событію и положенію всего лучше и очевиднѣе можетъ быть доказана путемъ отрицательнымъ. Поэтому мы спросимъ, что̀ увидѣли бы въ событіи и въ положеніи прежнія, весьма недавнія впрочемъ, школы, свирѣпствовавшія въ русской литературѣ, т.-е. школа фальшивой образованности и школа натуральная. Школа фальшивой образованности принялась бы за это положеніе съ своей обычной точки зрѣнія. Дѣло извѣстное:

Но вотъ среди толпы густой
Мелькаетъ быстро передъ вами
Ребенокъ робкій и нѣмой,
Съ большими грустными глазами.
Ребенокъ... Ей пятнадцать лѣтъ,
Но за собой она невольно
Влечетъ васъ... за нею вамъ больно
И страшно... Блѣдный, томный цвѣтъ
Лица, — печальный слѣдъ сомнѣній,

Тревожныхъ, раннихъ размышленій,
Тоски, неопытныхъ страстей,
И взглядъ внимательный — все въ ней
Вамъ говоритъ о *самовластной*
Душѣ... Ребенокъ бѣдный мой!
Ты будешь женщиной несчастной...
Но я не плачу надъ тобой...

Съ душевною болью выписываетъ авторъ статьи это, нѣкогда сильно на него дѣйствовавшее, лирическое мѣсто, — но тѣмъ не менѣе *долженъ* представить его въ образецъ того фальшиваго міросозерцанія, съ которымъ самые талантливые люди литературной школы отнеслись бы къ положенію Марьи Андреевны. Характеръ они такъ же мало бы создали своимъ міросозерцаніемъ, какъ мало обозначенъ онъ въ піесѣ Островскаго, даже несравненно меньше, но взглядъ былъ бы таковъ. Вслѣдствіе этого въ обстановкѣ явился бы не Меричъ, а господинъ, который былъ бы, пожалуй, и такъ же пустъ, но котораго пустоту оправдывалъ бы явно авторъ общими *язвами* современности; и Милашина не было бы, потому что въ Милашинѣ многимъ колетъ глаза правда міросозерцанія автора, — и Хорьковъ вышелъ бы, пожалуй, и пьющимъ же съ горя человѣкомъ, но съ самыми грубыми и необразованными наклонностями, совершенно неспособнымъ понять деликатную и чистоплотную натуру Марьи Андреевны (conditio sine qua non — выставить чистоплотность, какъ рѣдкое качество), и мать Марьи Андревны вышла бы не та, и отношеніе къ ней Марьи Андревны было бы не такое. Въ доказательство, что мы говоримъ не наугадъ, а на основаніи данныхъ прошедшаго, могли бы привести бездну повѣстей старыхъ годовъ; но всего лучше подверждаетъ нашу мысль то, что критикѣ этой школы именно хотѣлось, чтобы Марья Андреевна полюбила не Мерича, а *хорошаго* человѣка; потому, изволите видѣть, что въ такомъ случаѣ, она внушала бъ больше симпатіи. Бѣдная критика и не догадывалась въ своей наивности, что если бы комедія Островская писалась по ея теоріи, и вообще по заданной напередъ темѣ, но тотъ же самый Меричъ могъ бы быть выданъ авторомъ за весьма *хорошаго* человѣка, за одного изъ тѣхъ безсисленныхъ героевъ, по которымъ страдаютъ, сохнутъ, умираютъ злой чахоткой героини безчисленныхъ повѣстей и романовъ. Или

вышла бы другая исторія: тотъ же Меричъ изображенъ былъ бы такъ карикатурно, какъ во многихъ же повѣстяхъ изображаются моншеры, не обладающіе великимъ искусствомъ одѣваться comme il faut и расчесывать волосы съ проборомъ назади, и метался бы въ глаза всѣмъ, даже упомянутой нами критикѣ. Что̀ касается до добрѣйшаго Платона Марковича Добротворскаго, то онъ, какъ одно изъ орудій *гибели* Марьи Андреевны, явился бы такимъ карикатурнымъ звѣремъ, что Боже упаси. Вообще положеніе Марьи Андреевны было бы взято такъ, что она непремѣнно погибла бы и задохлась окончательно въ самой піесѣ среди грубой и грязной дѣйствительности, какъ погибаютъ разныя героини „превращеній“ и другихъ повѣстей въ этомъ родѣ: фактъ опять удобно доказываемый тѣмъ, что критикѣ этой школы особенно не понравился психологическій выходъ натуры Марьи Андреевны въ пятомъ актѣ, совершенно излишнемъ, по ея мнѣнію.

Съ другой стороны, натуральная школа все участіе зрителя насильственно сосредоточила бы на лицѣ Платона Марковича, внушила бы ему глубокую, слезливую, безсознательную и въ особенности *приличную* старику страсть къ Марьѣ Андреевнѣ, — какъ Макару Алексѣевичу Дѣвушкину или Мошкину, и, подъ конецъ, выдала бы за него замужъ Марью Андреевну, съ разбитымъ, подразумѣвается, сердцемъ.

Ни того ни другого не сдѣлалъ Островскій: онъ не пощадилъ Мерича, не идеализировалъ Добротворскаго и избѣгъ даже еще крайности, въ которую не мудрено впасть всякому, оскорбленному неправильнымъ отношеніемъ разныхъ школъ къ дѣйствительности, — не идеализировалъ самой дѣйствительности, обставляющей характѐръ Марьи Андреевны; съ равнымъ разумнымъ участіемъ отнесся онъ и къ положенію своей героини, и къ положенію, напримѣръ, ея матери, и къ положенію Хорькова, и къ положенію Дуни, и т. д. Этимъ-то такъ и благородны, такъ широки и такъ новы его задачи, хотя и не во всѣхъ частяхъ выполнены равно удовлетворительно. Самая неудовлетворительность, и преимущественно техническая неудовлетворительность выполненія, произошла едва ли не отъ того, что для автора на первомъ планѣ стояли задачи. Имъ онъ пожертвовалъ драматизмомъ въ двухъ первыхъ актахъ, чтобы почти эпически-спокой-

ными и какъ будто нѣсколько вяло тянущимися подробностями ввести насъ въ бытъ и отношенія изображаемаго имъ міра; имъ уступилъ онъ и въ нѣсколько лирически, а не драматически-патетической сценѣ пятаго акта между Меричемъ и Марьей Андреевной, въ ея обращеніи къ Меричу: „Поздно, Владимиръ Васильичъ, поздно...“ и т. д. Но такой недостатокъ, являясь дѣйствительно недостаткомъ на судѣ строгой эстетической критики, заставляетъ какъ-то читателя искреннѣе сочувствовать произведенію, въ которомъ присутствіе субъективности автора не скрыло отъ другихъ тѣхъ задачъ, которыя ее самое тревожили.

Теперь взглянемъ нѣсколько на отношеніе художника къ выведеннымъ имъ лицамъ. Лицо Марьи Андреевны подверглось нареканіямъ за отсутствіе въ немъ характера. Мы сами соглашаемся отчасти, что Марья Андреевна скорѣе положеніе, чѣмъ лицо, но вмѣстѣ съ этимъ, не можемъ не высказать своего задушевнаго мнѣнія, что при такой молодости лѣтъ, ей еще нельзя было выработать опредѣленной личности, а при окружающей ее обстановкѣ — и неоткуда было взять элементовъ для опредѣленія личности: Марья Андреевна представляетъ собой общій процессъ женскаго сердца, въ ту эпоху, когда женщина вся состоитъ только изъ побужденій и неопредѣленныхъ стремленій, — а что у ней есть натура, изъ которой, какъ будетъ она постарше, выработается настоящая, славная женская личность, такъ это показываетъ много, — между прочимъ ея жажда искренней любви, ея благородное сознаніе собственнаго достоинства, ея честный взглядъ на вещи... Кромѣ того, мы видимъ въ ней не мечтательницу, не резонерку, не одно изъ тѣхъ неминуемо *гибнущихъ* въ дѣйствительности, по представленію нашихъ романистовъ и драматурговъ, существъ, которыхъ всѣ достоинства существуютъ только въ воображеніи ихъ сочинителей. Марья Андреевна, хоть она не вполнѣ еще сложилась нравственно, даже, пожалуй, вовсе не сложилась, — натура живучая, способная понять правду жизни, смыслъ ея и настоящее дѣло, не вооружающаяся даже на окружающую ее сферу, ибо сама она, со всѣми страстными задатками ея организаціи, все-таки продуктъ этой жизненной сферы. Милашина *возмущаетъ* Добротворскій, — ее не возмущаетъ; она видитъ въ немъ добраго человѣка даже въ ту минуту,

когда ей крайне несносны заботы о скорѣйшемъ устройствѣ ея участи. Меричу отдалась она со всею непосредственностью и свѣжестью души, — но и тутъ она не отрѣшается отъ настоящей жизни — она даже *безпокоитъ* этого господина тѣмъ, что старается завести съ нимъ рѣчь о близкихъ къ дѣлу интересахъ. Но, съ другой стороны, не одни впечатлѣнія окружающей сферы быта дѣйствовали на ея страстную и воспріимчивую натуру: внутренній міръ ея создался подъ вліяніемъ впечатлѣній другой сферы, подъ вліяніемъ чтенія, подъ вліяніемъ идей, которыя живутъ въ воздухѣ и какъ воздухъ проходятъ въ какой бы то ни было замкнутый и особый мірокъ. Этимъ можно оправдать даже ея мѣстами книжную рѣчь. Что касается, наконецъ, до психологическаго выхода ея характера, то этотъ выходъ могъ показаться насильственнымъ только развѣ той критикѣ, о которой мы уже говорили. Очевидно всякому, что словами; „я хочу жить, я имѣю право на счастіе...“ авторъ не хотѣлъ ни поднять свою героиню на ходули ни навязать своей комедіи ложное или пошлое примиреніе, а только хотѣлъ быть вѣрнымъ передавателемъ душевнаго процесса такихъ натуръ, какъ натура Марьи Андреевны, — натуръ, не скоро впадающихъ въ апатію разочарованія, добивающихся отъ жизни — правды. Очевидно также и то, что авторъ не дѣлитъ съ своей Марьей Андреевной надеждъ на моральное возвышеніе Максима Дороѳеевича Беневоленскаго, — очевидно по его же указаніямъ, по всему слѣдующему за сценою V акта Марьи Андревны съ Меричемъ до конца комедіи, что разобьются въ прахъ такія надежды, хотя подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы разбилась или обмельчала натура его героини.

Дѣйствительность, окружающая Марью Андреевну, — матеріально очень бѣдная, а нравственно весьма недалекая. На ознакомленіе насъ съ этой обстановкою Островскій употребилъ, какъ мы уже замѣтили, не драматическія, а эпическія средства: много лишнихъ подробностей, которыя сами по себѣ прекрасны, взятыя отдѣльно, но ходу драмы не содѣйствуютъ, — вошло сюда. Зато мы знаемъ хорошо Анну Петровну, знаемъ Дарью, знаемъ Хорькову, знаемъ Добровскаго, — знаемъ, однимъ словомъ, этотъ особенный, совершенно московскій, даже замоскворѣцкій міръ мелкаго чиновничества, изображенный безъ малѣйшей злобы и задней

мысли. Нельзя не остановиться съ удовольствіемъ на отношеніи автора къ матери Марьи Андреевны, съ одной стороны, и на отношеніи его къ матери Хорькова — съ другой; принимая самое сильное участіе въ своей героинѣ, авторъ однако ничѣмъ не пожертвовалъ этому участію. Вы, напримѣръ, негодуете на Милашина, пристающаго къ Марьѣ Андреевнѣ съ пошлымъ и приторнымъ участіемъ въ тяжкую и рѣшительную минуту ея жизни, но ни разу не негодуете на Анну Петровну даже тогда, когда она попрекаетъ дочь въ неблагодарности, когда она настоятельно требуетъ чтобы та шла замужъ за Беневоленскаго; жаль вамъ Марьи Андреевны, да что жъ и старухѣ-то дѣлать? Женщина она слабая, сырая; кромѣ того, что ей втемяшилась въ голову idea fixa: какъ это безъ мужчины въ домѣ? — и домъ-то еще у нея оттягиваютъ. Недалека она — это точно, что недалека, да вѣдь она любитъ свою Машеньку; вѣдь въ концѣ она сама чувствуетъ, что что-то неладно: „Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влѣзешь“. Однимъ словомъ, нѣтъ возможности сердиться читателю на бѣдную старуху, когда ни авторъ ни сама Марья Андреевна на нее не сердятся.

Подъ пару къ этому глуповато-доброму существу старикъ Платонъ Марковичъ Добротворскій — лицо вполнѣ живое и типическое, къ которому опять авторъ отнесся необыкновенно правильно и человѣчно. Это ничего, что онъ поцѣлуетъ въ рукавъ Максима Дороѳеича Беневоленскаго; это ничего, что онъ добродушно замѣтитъ, говоря о лошадкѣ Максима Дороѳеича: „Ахъ проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дороѳеичъ! Да вѣдь, чай, не купленная“ — абсолютныхъ понятій о честности вы отъ него и не требуйте, — но вѣдь онъ трогательно привязанъ къ семьѣ своего благодѣтеля; онъ бѣгаетъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, отыскивая жениха Машѣ; онъ скажетъ ей отъ души, по своему разумѣнію, доброе слово („Свистуны вѣдь они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте вы имъ. Нынче любятъ, а завтра разлюбятъ“). Онъ прежде всего заботится о тишинѣ и мирѣ, — но между тѣмъ когда дѣло идетъ объ участи Маши, которая устроилась, по его мнѣнію, благополучно, онъ даже Беневоленскому, къ которому относится съ уваженіемъ и съ нѣкоторою лестію, скажетъ основательно, боясь за старыя его

шашни: „Что жъ вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андревной дѣлаете? Вы этакъ у меня ее уморите, сердечную... А ужъ вы, батюшка, эти глупости-то оставьте“. Добрый, добрый старикъ, хоть и не далеко онъ видитъ. Онъ совершенно подъ пару Аннѣ Петровнѣ, и правъ былъ авторъ, что къ нимъ обоимъ отнесся такъ человѣчно.

Иное отношеніе къ матери Хорькова, тоже мастерски задуманному и мастерски выполненному лицу. Тутъ же авторъ видимо относится со смѣхомъ къ претензіямъ полуобразованности — читателю больно за бѣднаго Хорькова въ сценѣ его объясненія съ Марьей Андреевной, гдѣ Хорькова его, такъ сказать, подучиваетъ; еще яснѣе обозначается для васъ эта женщина въ третьемъ актѣ, когда она съ такимъ явнымъ злорадствомъ приходитъ къ матери Марьи Андреевны, чтобы вылить на бѣдную дѣвушку лужу сплетенъ. Вамъ очевидно, что она вломилась въ амбицію — и что если такая женщина вломится въ амбицію, такъ тутъ только держись. Вамъ ясно, каково должно было быть ее вліяніе на натуру сына, и какіе слѣды на его душѣ должно было оставить это вліяніе.

Самъ Хорьковъ — опять скорѣе положеніе, чѣмъ лицо, точно такъ же, какъ и Марья Андреевна, — положеніе, слишкомъ великодушно брошенное авторомъ въ драму, когда оно само могло послужить предметомъ драмы, но положеніе, котораго наиболѣе яркія стороны набросаны кистью мастера. Какъ ни неудовлетворительно впечатлѣніе, получаемое отъ малоразвитыхъ его отношеній къ матери и къ Марьѣ Андреевнѣ, но все-таки эта „любовь изъ-за угла“, — удѣлъ натуръ слишкомъ сосредоточенныхъ и сначала запуганныхъ, потомъ попорченныхъ средою жизни, — трагическая безвыходность его положенія, постоянное недовольство собою и страстное разрѣшеніе невыносимаго душевнаго состоянія запоемъ, показываютъ, какъ широка была задача поэта въ созданіи его положенія. Повторяемъ опять, это положеніе брошено только слишкомъ великодушно, вѣроятно, отъ избытка силъ таланта. Въ сценическомъ выполненіи „Бѣдной невѣсты“ при искусной и теплой игрѣ актера, который возьметъ на себя роль Хорькова, положеніе можетъ уясниться, досказаться и произведетъ эффектъ поразительный. Замѣтимъ между прочимъ, что одинъ изъ критиковъ „Бѣдной невѣсты“ поставилъ Хорькову въ вину предложеніе Милашину *перехваченныхъ*

писемъ *счастливаго своего соперника.* Зачѣмъ колоть Хорькову глаза счастливымъ соперникомъ, — возразилъ на это въ свое время одинъ изъ насъ, рецензентовъ „Москвитянина", — когда онъ не оказалъ къ нему ни ревности ни зависти, когда онъ сразу оставилъ всѣ свои надежды и, забывши о себѣ, заботился только о судьбѣ Марьи Андреевны? Вѣдь онъ не о себѣ хлопоталъ, изъ комедіи это ясно; за что же критикъ наводитъ сомнѣніе на его честность? Что это за условный взглядъ на поведеніе? Дѣвушка гибнетъ, опутанная сѣтями подлаго человѣка, и ей нельзя подать помощи! Неужели же Хорькову, который знаетъ цѣну Меричу, въ подобномъ случаѣ оглядываться съ сомнѣніемъ на свой поступокъ? Ему и въ голову не могло прійти, что онъ дѣлаетъ дурно; онъ слишкомъ сильно любилъ Марью Андреевну и слишкомъ мало любилъ себя.

Что касается до лица Беневоленскаго, то созданное совершенно цѣльно и притомъ заразъ, всей натурой, вылитое, онъ не требуетъ разъясненія отношенія къ себѣ автора. Тутъ нельзя даже указать на какія-либо особенныя черты — все тутъ типично, отъ желанія пріобрѣсть образованную жену и вмѣстѣ пріобрѣсти органчикъ для обученія канареекъ до пріобрѣтенія хорошей вещички отъ нечаянно *набѣжавшаго* хорошаго человѣка и до разсказа о представленіи Роберта, въ которое, *загулявши*, не попалъ Максимъ Дороѳеичъ: отъ возраженія на желаніе Анны Петровны, чтобы мужчина былъ непьющій: „Конечно... а знаете ли, сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, Платонъ Марковичъ, объ этомъ?" — до зарока не пить, даннаго передъ свадьбой, при чемъ читатель остается убѣжденъ, что такой зарокъ данъ только до послѣ-свадьбы, а всего вскорѣе только до первой вѣрной оказіи. Особенно же хорошъ и просится въ картину Максимъ Дороѳеичъ, когда самодовольно деретъ себя за хохолъ, одѣтый женихомъ и стоя передъ зеркаломъ. А между тѣмъ, личность Беневоленскаго была бы все-таки неполна безъ *Дуни.* Несмотря на всю краткость двухъ сценъ, въ которыхъ она является — къ ея личности нельзя прибавить ни одной черты, вся жизнь ея передъ вами, какъ на ладони... Напоминать черты Дуни, значитъ, выписывать всѣ ея слова, всю сцену ея съ Беневоленскимъ, а равно и первую сцену съ Пашею, или по даннымъ, заклю-

чающимися въ этихъ сценахъ, писать исторію этой женщины... Есть слова у Дуни въ высшей степени патетическія: „А все-таки, Паша... ты то возьми, лѣтъ пять жили... вѣдь жалко... Конечно, немного я отъ него добраго видѣла... больше слезъ, одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость, и помянуть нечѣмъ". Или ея обращеніе къ Беневоленскому: „Смотри жъ, живи хорошенько... Эта вѣдь тебѣ навѣкъ, не то что я... Ну, прощай, не поминай лихомъ,— добромъ нечѣмъ. Что это я какъ дура расплакалась, въ са́момъ дѣлѣ? О! махнемъ рукой, Паша, завьемъ горе веревочкой!" Всякій, кто и не знаетъ этого типа женщинъ, почувствуетъ невольно, что это все такъ именно должно сказаться, равно какъ и „адье, мусье", брошенное на прощанье въ порывѣ какой-то размашистой удали завитаго веревочкой горя, равно какъ и то, что Дуня издѣваясь пугаетъ Беневоленскаго прежде: „а хочешь, сейчасъ дебошъ сдѣлаю", все, все, такъ, отъ ясныхъ намековъ на ея жизнь, когда Беневоленскій пріѣзжалъ къ ней „пьяный да безолаберный — такъ какъ обѣснующій какой", до ея ироническаго тона при встрѣчѣ съ нимъ и своего рода благородства въ словахъ: „Ты смотри, не загуби чужого вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько"...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Меричѣ и Милашинѣ... Что къ Меричу, а равно и къ Милашину отнесся авторъ въ высшей степени правильно, это ясно изъ того даже, что критика извѣстной школы до сихъ поръ сердится на него за эти лица. Что съ другой стороны, Меричъ и Милашинъ — превосходны только какъ задачи, что они не вызрѣли достаточно въ душѣ художника, это также ясно. Но общій психологическій процессъ такихъ натуръ, какъ натура Мерича и Милашина, представленъ до того осязательно, что вы, принимая участіе въ судьбѣ Марьи Андреевны, негодуете на того и другого и презираете ихъ. Можетъ быть, только двухъ-трехъ штриховъ рѣзца недоставало для довершенія этихъ фигуръ. Въ отношеніи того и другого къ Марьѣ Андреевнѣ слишкомъ явно, что они существуютъ только ради нея въ комедіи, что авторъ увлекался преимущественно драматизмомъ положенія и сосредоточилъ все на немъ, оставивши многое недосказаннымъ.

Но и того, что̀ выполнено въ „Бѣдной невѣстѣ", доста-

точно, чтобы она была замѣчательнымъ произведенiемъ во всякой литературѣ, а задачи ея такъ широки, благородны и новы, что, безъ сомнѣнiя, поставляютъ автора во главѣ современнаго литературнаго движенiя. *Григорьевъ.*

Персонажи „Бѣдной невѣсты".

„Бѣдная невѣста" приходилась родною сестрою первой комедiи Островскаго, принадлежала — такъ же какъ и „Свои люди — сочтемся" — къ числу первоклассныхъ и образцовыхъ явленiй въ русской словесности. Новая комедiя была не такъ сценична, какъ первая; предметъ ея не приходился по плечу каждому читателю, но она имѣла высокое литературное значенiе и должна была навсегда сдѣлаться любимой пьесой для людей съ развитымъ вкусомъ. Мы знаемъ не одного безпристрастнаго знатока, предпочитающаго вторую комедiю Островскаго первой, — и сами отчасти раздѣляемъ это мнѣнiе. Одна подаритъ намъ минуты наслажденiя на театральныхъ подмосткахъ, — другая очаруетъ и увлечетъ читателя въ тиши кабинета. Одна поразитъ мастерствомъ хода и леденящею силою катастрофы, — другая наведетъ на глубокiе вопросы жизни и заставитъ сердце наше облиться кровью. Одна удовлетворитъ всякую театральную публику, при исполненiи отчетливомъ, но самомъ обыкновенномъ, — другая можетъ быть понята массою лишь тогда, когда для главной роли отыщется генiальная артистка со всѣмъ обаянiемъ молодости, красоты и душевнаго благородства. Несмотря на то, что красоты „Бѣдной невѣсты" менѣе доступны массѣ, нежели красоты комедiи „Свои люди — сочтемся", ея содержанiе ближе къ общей жизни, ея лица типичнѣе. Въ созданiи дѣйствующихъ лицъ, какъ типовъ, виденъ успѣхъ автора и несомнѣнное движенiе впередъ. Для многихъ читателей семейство Большова съ его обстановкой — гости, любопытныя явленiя, лица разнаго ему круга; но въ „Бѣдной невѣстѣ" почти все персонажи — всѣмъ намъ сестры и братья. Частицъ нашего собственнаго *я* въ нихъ гораздо больше. Въ Аннѣ Петровнѣ, бѣдной чиновницѣ, можетъ узнать себя первѣйшая аристократка,

когда-либо выдававшая дочь по расчету; тысячи изящныхъ и даже нравственно недурныхъ молодыхъ людей отыщутъ родственныя струны въ Меричѣ и Милашинѣ; Беневоленской живетъ и ходитъ между нами, — только не въ вицъ-мундирѣ со свѣтлыми пуговицами, но иногда въ купеческомъ нарядѣ или въ синемъ кафтанѣ богатаго кулака-крестьянина. Нѣчто подобное можно сказать и о самыхъ второстепенныхъ лицахъ, о Дунѣ, о Дарьѣ, о гостяхъ и зрителяхъ на свадьбѣ — въ этомъ страшномъ и поэтическомъ пятомъ актѣ, гдѣ авторъ поднялся на небывалую высоту творчества, смѣшавъ въ одно потрясающее цѣлое самые простые элементы московской жизни: свадьбу съ угощеніемъ, слезы невѣсты, простудошное довольство людей, ее загубившихъ, горькія шутки покинутой любовницы, комическую болтовню зрителей и перебранки салопницъ между собою. Говоримъ смѣло — человѣкъ, который, послѣ серіознаго чтенія этого пятаго акта, не увидитъ въ немъ истинно вдохновенной *гармоніи творчества,* лучше сдѣлаетъ, если обратится къ изученію современной политики или наукъ точныхъ: съ поэзіей ему дѣлать нечего.

Что же сказать о главномъ лицѣ комедіи, — о дѣвушкѣ, вокругъ которой сплетаются всѣ нити мастерски задуманной интриги? Марья Андреевна, бѣдная невѣста чиновника Беневоленскаго, есть истинное поэтическое созданіе и по личности своей, и еще болѣе по своему значенію. Это лицо, повторяемъ мы, только тогда будетъ понятно вполнѣ, когда на русской сценѣ явится геніальная артистка для выполненія роли Маріи Андреевны. Собственно какъ дѣвушка, бѣдная невѣста не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго геройскаго или обворожительнаго: это юное, счастливо одаренное и чистое душою созданіе, какихъ въ свѣтѣ бываетъ не мало. Главную прелесть получаетъ она отъ положенія, въ которое поставлена, и самое положеніе это до чрезвычайности просто, безъ него даже, до нѣкоторой степени, не обходится ни одно дѣвическое существованіе. Стѣсненныя дѣла семейства, глупая мать, въ которой эгоизмъ, любовь, безтолковость и слезливость перепутанны въ какую-то неразрывную сѣтку, красивый и пустоголовый мальчикъ, въ первый разъ заставившій заговорить молодое сердце, женихъ-взяточникъ... во всемъ этомъ немного новаго. Новаго въ положеніи —

одна глубина и правда. Милліоны несчастныхъ замужествъ питаютъ собою романистовъ и драматурговъ, отъ Ричардсона до Дюма-сына, отъ Прудона до Деприи Виктора Сежура, отчего же вся тема до сей поры не опошлилась окончательно? Оттого, что глубина и правда въ обработкѣ даннаго содержанія тѣмъ необходимѣе, чѣмъ самое содержаніе вседневнѣе. Не одна рутина вредитъ дѣлу, — иногда ему вредитъ экзальтація и горячность. Наши Жоржъ-Санды мужского и женскаго пола, всѣхъ возрастовъ и званій, отъ старыхъ дѣвъ до старыхъ Тирсисо́въ, пытались произнести благонамѣренные протесты противъ разныхъ печальныхъ положеній въ жизни женщины, но какой изъ протестовъ этихъ сто́итъ созданіе „Бѣдной невѣсты“ и простого драматическаго изложенія ея участи?

Женщинамъ, у которыхъ умъ хорошо развитъ и сердце понятливо, мы совѣтуемъ перечесть „Бѣдную невѣсту“ гдѣ-нибудь въ тишинѣ, съ должнымъ вниманіемъ. Онѣ оцѣнятъ поэта и возблагодарятъ его отъ души. Много знакомаго найдутъ онѣ на страницахъ его комедіи, найдется столько горькихъ слезъ и сердце разрывающихъ воспоминаній. Можетъ-быть, онѣ поймутъ и оцѣнятъ не одну Марью Андреевну, можетъ-быть, онѣ задумаются надъ покинутою Дуняшею... *Дружининъ.*

Чтеніе комедіи „Бѣдная невѣста“ на раутѣ.

Въ 1851 году, въ „Москвитянинѣ“ не было напечатано ни одного художественнаго произведенія А. Н. Островскаго. Въ это время онъ писалъ свою знаменитую комедію „Бѣдная невѣста“, о которой говорилъ Погодину: „Я хотѣлъ показать только всѣ отношенія, вытекающія изъ характеровъ двухъ лицъ, изображенныхъ мною; а такъ какъ въ моемъ намѣреніи не было писать комедію, то я и представилъ ихъ голо, почти безъ обстановки (отчего и назвалъ этюдомъ). Если принять въ соображеніе существующую критику, то я поступилъ неосторожно: какъ вещь очень тонкую, имъ не понять ея, и они возьмутъ ее со стороны формы, принимая въ основаніе тѣ шаткія и условныя положенія, которыя выработались при нынѣшнемъ литературномъ развратѣ

во французской и петербургской литературѣ. Не говорю уже о литературныхъ журналахъ".

Творческая работа мѣшала Островскому заниматься въ „Москвитянинѣ" такими предметами, которые не соотвѣтствовали его призванію. „Писать мнѣ, — сознается онъ Погодину, — какія-либо другія вещи для „Москвитянина", кромѣ художественныхъ, очень тяжело, вслѣдствіе разныхъ сплетней, которыя помаленьку отодвигаютъ насъ отъ васъ".

Несмотря на это, Островскій до времени не прерывалъ своихъ сношеній съ Погодинымъ и на требованіе послѣдняго, чтобы онъ печаталъ свои произведенія только въ „Москвитянинѣ", отвѣчалъ: „Пьесъ обѣщанныхъ вы напечатали много: Плавтова комедія готова, и печатайте ее хоть сейчасъ; „Бѣдная невѣста" была готова еще лѣтомъ; „Сцены изъ русской жизни" я уже началъ; только Александра Македонскаго вамъ придется подождать. Вы знаете, въ какое положеніе я былъ поставленъ въ началѣ нынѣшняго лѣта критиками, и потому мнѣ хочется выступить съ чѣмъ-нибудь важнымъ, совершенно додѣланнымъ. Мелкія вещи я боюсь пускать. „Бѣдную невѣсту" я вамъ доставлю скоро и двѣ или три сцены изъ русскаго быта. А впрочемъ, все-таки надобно поговорить лично, потому что, какъ я вижу, дѣла начинаютъ запутываться".

Хотя комедія Островскаго „Бѣдная невѣста" и была окончена, но онъ боялся выпускать ее въ свѣтъ. „Комедія моя позамѣшкалась", писалъ онъ Погодину, „потому что я слышалъ комедію Писемскаго и нашелъ нужнымъ свою подкрасить нѣсколько, чтобы не краснѣть за нее. Меня мучаетъ переписка ея, я ужасно боюсь глаза потерять. Я на-дняхъ привезу ее къ вамъ почитать, и потолкуемъ объ ней". Отрывокъ изъ „Бѣдной невѣсты" Островскій, впрочемъ, рѣшился напечатать въ „Раутѣ" Сушкова. Напечатанный отрывокъ, по замѣчанію М. А. Дмитріева, „отличается живостью и комизмомъ языка: качества, и всегда придающія большое достоинство всякой комедіи".

Наконецъ, въ декабрѣ того же 1851 года, на Растопчинской субботѣ Островскій рѣшился прочесть свою „Бѣдную невѣсту" и произвелъ ею на слушателей, въ томъ числѣ и на Шевырева, сильное впечатлѣніе. Шевыревъ подѣлился своими впечатлѣніями съ Погодинымъ: „Я къ тебѣ самъ

хотѣлъ писать о томъ пріятномъ впечатлѣніи, которое произвела на меня новая комедія Островскаго. Я радъ за него и его дарованіе; это произведеніе разсѣетъ всѣ нелѣпые слухи, которые были на его счетъ. Мнѣ кажется, многіе характеры здѣсь схвачены глубже изъ жизни, и пріятно видѣть то, что авторъ идетъ впередъ, и въ пониманіи жизни и искусства. Это не то, что раки западные: прогрессъ на языкѣ, а попятные шаги на дѣлѣ". Точно такъ же и графиня Ростопчина писала: „Бѣдная невѣста" — картинка и этюдъ самаго нѣжно-отчетливаго фламандскаго рода: она произвела на меня такое же впечатлѣніе, какъ нѣкогда прелестная повѣсть Сентъ-Бева — „Кристень", въ „Revue des Deux Mondes". Характеры просты, обыкновенны даже, но представлены и выдержаны мастерски; *дѣвушка* мила и трогательна до крайности, но, можетъ-быть, не вдругъ и не всѣ поймутъ это произведеніе, которое, впрочемъ, займетъ свое мѣсто. У Островскаго комизмъ граничитъ всегда съ драматическимъ элементомъ, а смѣхъ переходитъ въ слезы: хоть тяжело, но не оставляетъ озлобленья"...

Когда слухъ объ успѣхѣ Островскаго достигъ Костромы, то Писемскій, въ самый день Рождества 1851 года, писалъ Погодину: „Сейчасъ получилъ письмо отъ Островскаго... Радуюсь его успѣху и заочно восклицаю: Ура!!! Выдирай наши!!!" . . . . *Барсуковъ.*

Содержаніе „Грозы".

Въ дрянномъ, затхломъ уѣздномъ городишкѣ, въ которомъ должны быть хорошіе лабазы и „нарочитая" торговля крупчаткой, въ городкѣ, въ которомъ начальнической милостью правитъ безапелляціонно какой-нибудь городничій, въ которомъ (городкѣ) есть достаточное число храмовъ Божіихъ, и дома обывателей выстроены прочно, съ крѣпкими воротами, какъ у раскольниковъ, и болѣе крѣпкими засовами; въ городкѣ, въ которомъ люди умѣютъ богатѣть, въ которомъ непремѣнно должна быть одна большая, грязная улица и на ней нѣчто въ родѣ гостиннаго двора, и почетные купцы, о которыхъ г. Тургеневъ сказалъ, что они „трутся обыкновенно около своихъ лавокъ и притворяются будто тор-

гуютъ“, — въ этакомъ-то городкѣ, какихъ мы съ вами видали много, а проѣзжали, не видавъ, еще болѣе, произошла та трогательная драма, которая насъ такъ поразила. Мы забыли сказать, что это городокъ приволжскій, опоясанный, какъ лентой, этой торговой, широкой рѣкой. Въ это благополучное мѣсто присылается изъ Москвы молодой человѣкъ въ приказчики ко вдовцу-дядѣ, торгующему хлѣбомъ (Дико̀й). Вдовца видѣли мы на сценѣ постоянно пьянымъ, и потому ничего не говоримъ о немъ. Жить въ этомъ городѣ такъ пріятно, что одинъ молодой супругъ (Кабановъ), силою материнской власти, обвѣнчанный съ неизвѣстною ему, но прекрасною дѣвушкою, надрывается отъ тоски и норовитъ, какъ бы найти случай уѣхать въ Москву, гдѣ есть и заведенія, и орга̀ны, и трактиры, съ утра до вечера набитые молодыми туго завитыми и сильно напомаженными купеческими головами — тамъ и для молодого купца обѣтованный край. Жена Кабанова — главное дѣйствуюшее лицо драмы — молодая женщина, взятая изъ бѣднаго семейства и подведенная подъ материнское начало семейной жизни и всѣ ея послѣдствія — какъ-то: отсутствіе собственной воли, отсутствіе собственнаго уголка, собственной копейки, право имѣть собственный умъ и собственное чувство — эта молодая женщина въ полгода пріобрѣтаетъ грустную наклонность измѣрить, глубока ли Волга. Таковы удовольствія въ хлѣбородномъ губернскомъ городкѣ N. Естественное послѣдствіе, естественное до осязаемости по ходу пьесы — то, что молодая женщина, долго таившая въ себѣ божественную искру, попираемую и ногами строгой свекрови, и суровыми обычаями городскими, и непривѣтливость мѣщанокъ, утоляющихъ незримую жажду жизни весьма практически — что она не выдерживаетъ и чувствуетъ потребность любить. Чудный разсказъ ея о томъ, что̀ грезилось и видѣлось ей, воспитанной старинными сказками и религіозными легендами странницъ, когда сердце ея требовало новой жизни, сначала до конца полонъ истинной русской поэзіи. Она влюбляется въ молодого человѣка, присланнаго изъ Москвы (племянника Дико̀го). Нѣтъ ничего мудренаго, что и молодой человѣкъ чувствуетъ то же въ отношеніи къ ней. Когда они стали въ такое положеніе, божественная искра, которая живетъ въ душѣ каждаго, въ комъ есть силы и жажда луч-

шаго, эта искра, какъ молнія, вдругъ освѣтила всю настоящую и ожидающую молодыхъ людей жизнь въ хлѣбородномъ, строго-нравственномъ городкѣ N. Этотъ трепетъ новой жизни, это познаніе красоты, прежде недоступной, вдругъ освѣщаетъ истиннымъ свѣтомъ всю картину, всю жизнь и всю натуру русскаго человѣка, которая не можетъ больше вынести наложенныхъ на нее путъ и разрываетъ ихъ. Куда дѣвались строгіе, старинные совѣты матери? куда пропала богобоязненность городка, которую никто не смѣетъ обойти? куда исчезла вѣра супружеская?... Все это спрашиваетъ сама у себя молодая женщина, и съ ужасомъ не находитъ отвѣта. Все ей кажется не такъ, какъ должно быть: и замужемъ-то она не такъ, какъ бы слѣдовало, и мать говоритъ по-книжному, сухо, и не понимаетъ живой души; и мужъ-то не можетъ быть поддержкой ей, потому что не понимаетъ ни ея тоски ни ея жажды. Все прахомъ разлетѣлось передъ молодой женщиной, и осталась она одна въ богоспасаемомъ городкѣ, съ своею любовью, съ своимъ сердцемъ, которое требуетъ отвѣта, и которое не научили ничему и лишили всего. И въ это время инстинктъ натуры, заглушенный всѣми возможными средствами, вступаетъ въ права свои. Природа такъ хороша на привольномъ волжскомъ берегу, луна такъ мягко свѣтитъ въ оврагѣ, за садомъ; ключъ отъ калитки готовъ у сестры Вари, которая давно знакома съ прелестью ночныхъ свиданій — и вотъ молодая женщина, сама не зная, что съ нею дѣлается, сходитъ въ этотъ оврагъ на свиданіе, и на берегу Волги, въ жаркихъ и запрещенныхъ поцѣлуяхъ молодого человѣка ищетъ отвѣта на вопросы, которыхъ не могли ей разрѣшить ни старуха-свекровь, ни чинный хлѣбородный городокъ, ни мужъ, ни древнія писанія на стѣнахъ византійскаго зданія. За увлеченіемъ начинается раскаяніе. Силой вѣковою встаютъ передъ молодой женщиной и угрызенія совѣсти, и обманутый мужъ, и страхъ свекрови, и стыдъ передъ городкомъ, и древнія писанія въ старинныхъ книгахъ... Не устояла бѣдная женщина, да и гдѣ ей найти опору? Созналась въ винѣ передъ мужемъ и Богомъ, покаялась. Но сердцу отъ этого не легче, и когда молодого человѣка услали въ далекую Сибирь по дѣламъ — невыносимъ показался ей городокъ, и она бросилась въ Волгу. Вотъ неудачно расказанный нами скелетъ превосход-

ной драмы. Нѣтъ поученія въ немъ, не доказывается истинъ новыхъ; но въ немъ все ново. Нова смѣлось постановки окружающихъ лицъ; нова обрисовка городка; нова драма, вышедшая изъ крѣпко поставленныхъ главныхъ основъ жизни. Въ этой страсти, въ этой драмѣ, разыгравшейся въ душѣ молодой, неопытной и слѣпо вѣрившей преданіямъ женщины — вся красота, вся правда. На самой безплодной, казалось бы, для поэзіи почвѣ выросла самая прекрасная сторона души человѣческой; мизернѣйшій изъ мизерныхъ городковъ русскихъ, въ которомъ мы съ вами не искали ничего, кромѣ плохихъ баранокъ и загнанныхъ почтовыхъ лошадей, нашли мы городокъ полнымъ жизни и страсти; на сухой почвѣ старинныхъ преданій, изъѣденныхъ формалистикой, мы нашли полные жизни побѣги и чувства и страсти.

Дудышкинъ.

Художественный колоритъ „Грозы".

Авторъ преимущественно посвятилъ свой талантъ драматическому роду поэзіи. Онъ особенно замѣчателенъ такъ называемыми типическими лицами. Изучивъ бытъ русскаго купеческаго сословія, онъ постоянно выводитъ изъ него на сцену характеры, разнообразя свои сочиненія богатствомъ красокъ жизни и самыми вѣрными чертами домашняго быта.

Въ новой своей драмѣ онъ расширилъ сферу для дѣятельности таланта своего. Не семья одна съ обычными видоизмѣненіями лицъ и характеровъ ихъ составляетъ предметъ изученія поэта: ему захотѣлось воспользоваться, въ нѣкоторомъ отношеніи, общественною жизнью маленькаго русскаго городка, прекраснымъ его мѣстоположеніемъ на берегу Волги, особенностями полусельскихъ и полугородскихъ обычаевъ нашихъ, столкновеніями еще замѣтно господствующаго невѣжества и уже, хотя случайно, проглядывающей образованности. На такомъ основаніи, которое, во-первыхъ, крѣпко, потому что авторъ всегда описываетъ только то, что онъ дѣйствительно изучилъ, а во-вторыхъ, которое богато просторомъ, раздвинувшись на всю пестроту мѣстной жизни, — на такомъ основаніи Островскій постановилъ пяти-актную драму. Главный интересъ сосредоточенъ на существѣ, по

характеру, по воображенію и по сердцу самомъ поэтическомъ. Богатая купчиха, вдова, женщина грубая и самовластная, тяготѣетъ надъ своимъ семействомъ, какъ нестерпимое ярмо. Подъ деспотическою властію свекрови изнываетъ, ни откуда не видя ни утѣшенія ни защиты, молодая женщина, которой мужъ, въ безвыходномъ своемъ загонѣ и ничтожествѣ, только и услаждается, исподтишка предаваясь пьянству, а сестра его, лукавая со всѣми, никого не любитъ и всѣхъ обманываетъ. Надъ жертвою несчастнаго брака воображеніе автора умѣло совокупить черты привлекательныя и трогательныя, изъ которыхъ въ сущности своей ни одна не отходитъ отъ русскаго типа молоденькой несчастливицы въ ея убійственномъ положеніи. Въ домашнемъ быту она дѣтски покорна безжалостной свекрови своей, хотя и чувствуетъ всю несправедливость грубаго ея съ нею обхожденіи. Въ мужѣ своемъ она не смѣетъ презирать даже пороковъ его, покоряясь судьбѣ своей, какъ предназначеніе свыше. Сестру его она и не подозрѣваетъ ни въ какомъ дурномъ умыслѣ, чувствуя, что и надъ нею лежитъ тяжесть ихъ общей притѣснительницы.

Но въ тѣ мгновенія, когда мысль ея возвращается къ жизни прошлой, къ невиннымъ забавамъ ея дѣтства, къ тому счастію, которымъ ее окружала мать, и ко всѣмъ предметамъ, занимавшимъ ее до замужества, эта самая женщина представляется въ другомъ образѣ, оживленная, полная прелести ощущеній чистыхъ, не фантастическихъ, но послѣдовательно сопровождающихъ простую, мирную жизнь счастливой дѣвушки въ благочестивомъ и безбѣдномъ домѣ добрыхъ родителей, сохранившихъ прародительскіе нравы. Обо всемъ этомъ она разсказываетъ такъ: „Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключикъ, умоюсь, принесу съ собою водицы, и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полью. У меня цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ, и странницы — у насъ полонъ домъ былъ странницъ да богомолокъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ; а странницы станутъ разсказывать, гдѣ они были, что видѣли; житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы да пѣніе. Таково хорошо было!“

Подъ вліяніемъ столь прекрасныхъ впечатлѣній, душа, въ сферѣ самой простой жизни, незамѣтно становится открытою поэтическимъ, высшимъ внушеніемъ, и даже безсознательно чувствуетъ потребность въ сліяніи съ другою душой, родственной съ нею по ощущеніямъ и желаніямъ. На этомъ законѣ естественной симпатіи одинаково мыслящихъ и одинаково чувствующихъ существъ основная завязка драмы, оканчивающейся самовольною смертію жертвы роковой любви. Въ драматической ея исторіи все идетъ постепенно и понятно. Въ изложеніи переходовъ ея сердца отъ одного чувства къ другому ничего нѣтъ ни ошибочно придуманнаго ни черезъ мѣру усиленнаго. Вы съ истиннымъ участіемъ входите въ положеніе ея; чувствуете, что въ ея отношеніяхъ къ мужу и прочимъ лицамъ семейства ничего нѣтъ неправильнаго, ничего вызывающаго укоризну. Наконецъ, самое заблужденіе ея, въ которомъ она дошла до возмутительнаго проступка, такъ связано съ неотвратимыми обстоятельствами ея семейнаго положенія, что оно вызываетъ одно невольное сожалѣніе — и тутъ-то выказывается полный успѣхъ драматическаго дарованія автора.

Прочія типическія лица сочиненія въ полномъ свѣтѣ представляютъ общественную жизнь городка, въ которомъ совершается драма. У сочинителя столько въ запасѣ характеровъ, ихъ странностей и поучительныхъ для наблюдателя чертъ, что сцены постоянно интересны и любопытны; драматическое движеніе нигдѣ не ослабѣваетъ, а между тѣмъ общественныя отношенія и естественный ходъ жизни никакимъ искусственнымъ усиліемъ не нарушены и не ослаблены. Самый языкъ дѣйствующихъ лицъ нигдѣ не вызываетъ сомнѣнія насчетъ вѣрности своей и не подлежитъ никакому спору относительно оборотовъ рѣчи и выбора выраженій.

Плетневъ.

Стихіи русской жизни, нарисованныя въ „Грозѣ“.

Въ „Грозѣ“ съ изумительной силой художественности нарисовалъ поэтъ три стихіи русской жизни: жестокіе нравы самодурнаго быта Ди́кихъ и Кабановыхъ, веселье молодой жизни, близкой къ природѣ, и возникающее и гибнущее въ ро-

ковой дѣйствительности личное начало, готовое быть въ мирѣ съ окружающимъ, признавъ и принявъ его правдивыя стороны, но не признаваемое имъ и отталкиваемое, ибо въ этомъ окружающемъ правда и ложь, добро и зло неразрывно перепутались.

— Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! (говоритъ Кулигинъ Борису про изображенный въ драмѣ купеческій міръ)... у кого деньги, сударь, тотъ старается бѣднаго закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ наживать... А между собой-то, сударь, какъ живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ, и ни столько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга: залучаютъ въ свои хоромы пьяныхъ приказныхъ... а тѣ имъ, за малую благостыню, на гербовыхъ листахъ злостныя кляузы строчатъ на ближнихъ...

Живутъ всѣ замкнувшись, взаперти.

Вы думаете, они дѣло дѣлаютъ, либо Богу молятся. Нѣтъ, сударь! И не отъ воровъ они запираются, а чтобъ люди не видали, какъ они своихъ домашнихъ ѣдятъ поѣдомъ да семью тиранятъ. И что слезъ льется за этими запорами, невидимыхъ и неслышимыхъ!... И что, сударь, за этими замками разврату темнаго да пьянства... Семья, говоритъ, дѣло тайное, секретное! Знаемъ мы эти секреты-то! Отъ этихъ секретовъ-то, сударь, ему только одному весело, а остальные—волкомъ воютъ. Да и что за секретъ? Кто его не знаетъ! Ограбить сиротъ, родственниковъ, племянниковъ, заколотить домашнихъ такъ, чтобъ ни о чемъ, что онъ тамъ творитъ, пикнуть не смѣли. Вотъ и весь секретъ.

Дикости нравовъ совершенно соотвѣтствуетъ дикость невѣжества этого міра.

Ну, какъ же ты не разбойникъ! (кричитъ Дико́й на Кулигина, предлагающаго устроить громоотводъ). Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ, что ли?

— Савелъ Прокофьичъ, ваше степенство (возражаетъ Кулигинъ), Державинъ сказалъ:

„Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю“.

— А за эти вотъ слова тебя къ городничему отправить, такъ онъ тебѣ задастъ! (продолжаетъ свое Дико́й).

Странница Ѳеклуша просвѣщаетъ невѣжественныхъ обывателей Калинова пріобрѣтенными ею въ путешествіяхъ свѣ-

дѣніями о томъ, что есть такія страны, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а султаны землей правятъ: „салтанъ Махнутъ турецкій да салтанъ Махнутъ персидскій“.

— И не могутъ они ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужъ имъ предѣлъ положенъ... И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ... и въ просьбахъ пишутъ: „суди меня, судья неправедный!“ — А то есть еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами.

Въ IV актѣ драмы укрываются обыватели отъ дождя подъ старинными расписанными сводами, изъ любопытства начинаютъ разсматривать геенну огненную, изображеніе битвы... Но то, что когда-то было знакомо народу, теперь забыто,— случайно уцѣлѣвшее въ памяти слово Литва вызываетъ лишь дикое представленіе о томъ, что эта Литва, „она на насъ съ неба упала“; а про геенну огненную любознательный созерцатель находится только замѣтить, что „довольно затруднительно это понимать“ — что̀ такое тутъ „нарисовано было“; да еще занимаетъ его вопросъ — „ѣдутъ“ ли въ геенну промежду всякаго званія и чину людей и арапы? (да и арапы-то, вѣроятно, бѣлые).

Дико́й и Кабаниха — представители въ драмѣ дикихъ нравовъ, безпощадно суроваго отношенія къ жизни и людямъ. Но между ними есть существенная разница: Дико́й — самодуръ, Кабаниха гнететъ и ломитъ жизнь во имя не своего произвола, а принциповъ, законовъ.

Савелъ Прокофьичъ Дико́й — самодуръ въ самомъ полномъ смыслѣ слова. Что̀ взбредетъ въ его ограниченную голову, то онъ и дѣлаетъ, и нраву его никто, по его мнѣнію, не смѣетъ и не долженъ препятствовать.

— Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: „не смѣй мнѣ навстрѣчу попадаться!“ (кричитъ онъ на племянника Бориса) тебѣ все неймется! Мало тебѣ мѣста-то? Куда ни поди, тутъ ты и есть! Тьфу ты, проклятый!

Дико́й жаденъ до денегъ — и нѣтъ для него ничего хуже, какъ отдавать деньги; онъ никому изъ служащихъ у него не назначаетъ поэтому жалованья. „Нешто ты мою душу можешь знать? (говоритъ онъ). А можетъ, я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ“. Само собою разумѣется, что онъ „во всю свою жизнь ни разу въ такое-то

расположеніе не приходилъ“, какъ говоритъ Кудряшъ.— Когда нужно расплачиваться, онъ нарочно старается разсердить себя, чтобы накричать на человѣка, просящаго денегъ.

— Другъ ты мнѣ (объясняетъ свой нравъ онъ самъ), и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать — отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю внутренную разжигать станетъ.

Онъ „воинъ“, по опредѣленію Кабанихи, и у него, по его собственнымъ словамъ, въ домѣ постоянно „война идетъ“.— Эгоизмъ Дико́го совершенно беззастѣнчивый и совершенно наивный, а потому и высказывается вполнѣ откровенно. Онъ долженъ (по нелѣпому завѣщанію бабки Бориса) отдать племяннику и племянницѣ хранящееся у него наслѣдство лишь подъ тѣмъ условіемъ, если они окажутся къ нему почтительны. Онъ пользуется подобнымъ обстоятельствомъ, заставляетъ Бориса служить себѣ даромъ, ломается надъ нимъ, и начинаетъ простодушно поговаривать: „У меня свои дѣти, за что̀ я чужимъ деньги отдамъ? Черезъ это я своихъ обидѣть долженъ!“—Кулигинъ разсказываетъ, какъ однажды мужики пошли на него жаловаться городничему, что ни одного изъ нихъ путемъ не разочтетъ.

Городничій и сталъ ему говорить: „Послушай, говоритъ, Савелъ Прокофьичъ, расчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ“.

А онъ

потрепалъ городничаго по плечу и говоритъ: „Стóитъ ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами объ такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то народу перебываетъ; вы то поймите: не доплачу я имъ по какой-нибудь копейкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо!“

Всякаго Дико́й обругаетъ, ни передъ кѣмъ не остановится,—передъ однимъ человѣкомъ только онъ пасуетъ — это Кабаниха; она одна только можетъ его „разговорить“, по его выраженію. Онъ и на нее иной разъ пытается прикрикнуть: „Ну, такъ что жъ, что я воинъ! Ну, что жъ изъ этого?“ Но она умѣетъ его осадить. Когда онъ, по самодурному либерализму обругалъ странницу Ѳеклушу, Кабаниха спокойно и сурово говоритъ ему: „Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебѣ дорога!“

И Дико́й сдерживается: „Постой, кума, постой! не сердись!“ проситъ онъ. — Кабаниха — представительница жизненныхъ принциповъ, крѣпка опорой на законъ, потому Савелъ Прокофьичъ и смиряется передъ ней: безудержный самодуръ, онъ, однако, вообще боится нравственнаго закона: очень интересенъ въ этомъ смыслѣ его разсказъ Кабанихѣ, какъ, говѣя о Великомъ посту, изругалъ онъ мужика, пришедшаго за деньгами, „такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя“, и какъ потомъ у этого мужика прощенья просилъ:

— Истинно тебѣ говорю (повѣствуетъ Савелъ Прокофьичъ), мужику въ ноги кланялся. Вотъ до чего меня сердце доводитъ; тутъ на дворѣ въ грязи ему и кланялся; при всѣхъ ему кланялся.

Само собою разумѣется, что уваженіе Дико́го къ закону чисто внѣшнее: онъ поклоняется мужику передъ исповѣдью, а потомъ мужику же будетъ плохо.

Кабаниха (въ противоположность Дико́му) — человѣкъ твердыхъ принциповъ, но принциповъ ужасныхъ, безпощадныхъ и безчеловѣчныхъ.

— Ханжа, сударь! (говоритъ о ней Кулигинъ Борису Григорьичу). Нищихъ одѣляетъ, а домашнихъ заѣла совсѣмъ.

А заѣла она домашнихъ и довела до погибели, потому что особенно и дико понимаетъ два нравственныхъ закона — о почитаніи родителей и о повиновеніи жены мужу. — Дѣти, по мысли Кабанихи, должны совершенно слѣпо, не разсуждая, исполнять родительскую волю, не имѣя собственной воли. Жена должна рабски, униженно подчиняться мужу и бояться его. Эти законы Кабаниха не сама облекла въ такую суровую, грубую форму, — она (по смыслу драмы) наслѣдовала ихъ въ такомъ ихъ видѣ отъ старины. Она съ печалью думаетъ о новомъ времени, въ которое (боится она) рушатся прежніе порядки, и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что ужъ не увидитъ подобнаго развращенія нравовъ, не доживетъ до него:

— Молодость-то что значитъ! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ. Кабы не свои, посмѣялась бы досыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть, ими домъ-то и держится, пока живы. А вѣдь тоже, глупые, на свою волю хотятъ; а выйдутъ на волю-то, такъ и путаются на покоръ да смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя;

гостей позовутъ, посадить не умѣютъ, а еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь да вонъ скорѣе. Что̀ будетъ, какъ старики перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Кабаниха страшна не столько своими убѣжденіями, сколько своею твердостью въ нихъ; она безпощадна въ карѣ за нарушеніе закона; для нея — пусть міръ погибнетъ, но да восторжествуетъ принципъ (fiat justitia — pereat mundus). Какъ ржа желѣзо, точитъ она своего слабовольнаго сына за то, что онъ мало ее уважаетъ, что онъ жену любитъ больше, чѣмъ мать, что онъ будто бы хочетъ жить своею волей.— „Хоть бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ", говоритъ она сыну.

— Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно бы перенести! А, какъ ты думаешь?

Кабановъ. Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

Кабановъ *(вздыхая)*. Ахъ, ты, Господи! Да смѣемъ ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Вѣдь отъ любви родители и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать — ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ. А сохрани Господи, какимъ-нибудь словомъ снохѣ не угодить, ну и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

Кабановъ. Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

Кабанова. Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужъ кабы я слышала, я бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила...

. . . .

Кабанова. Знаю я, знаю, что вамъ не понутру мои слова, да что жъ дѣлать-то, я вамъ не чужая, у меня объ васъ сердце болитъ. Я давно вижу, что вамъ воли хочется. Ну, что жъ, дождетесь, поживете и на волѣ, когда меня не будетъ. Вотъ ужъ тогда дѣлайте что хотите, не будетъ надъ вами старшихъ. А можетъ, и меня вспомянете.

Кабановъ. Да мы объ васъ, маменька, денно и нощно Бога молимъ, чтобы вамъ, маменька, Богъ далъ здоровья и всякаго благополучія и въ дѣлахъ успѣху.

Кабанова. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Можетъ-быть, ты и любилъ мать, пока былъ холостой. До меня ли тебѣ: у тебя жена молодая.

Особенно тяжело достается жизнь Катеринѣ: попробуетъ она сказать слово за мужа: „Тихонъ тебя любитъ, матушка",— Кабаниха рѣзко и ядовито останавливаетъ ее:

— Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашиваютъ. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Вѣдь онъ мнѣ тоже сынъ; ты этого не забывай!

Скажетъ она, что любитъ мужа,—свекровь выразитъ сомнѣніе въ этомъ, а также мысль, что надо, коли „въ законѣ живете", не любить, а бояться мужа. Бросится она, прощаясь, на шею Тихону,—ее остановятъ съ негодующей насмѣшкой и скажутъ, что она не любовница, чтобы на шею вѣшаться, а жена, и должна мужу кланяться въ ноги. Уѣзжающему сыну Кабаниха велитъ надавать женѣ оскорбительныхъ наказовъ: чтобъ не грубила свекрови и почитала ее какъ родную мать, чтобъ въ окна глазъ не пялила, чтобъ на молодыхъ парней не заглядывалась. Противъ послѣднихъ приказаній возмущается самъ Тихонъ... но Кабаниха тверда въ своемъ словѣ:

— Ломаться-то нечего (говоритъ она). Долженъ исполнять, что мать говоритъ. (Съ улыбкой.) Оно все лучше, какъ приказано-то.

Катерину упрекаютъ, что она во время проводовъ не выла на крыльцѣ часа полтора. На слова ея: „не къ чему! да и не умѣю", Кабаниха замѣчаетъ:

— Хитрость-то не великая. Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки пристойнѣе; а то, видно, на словахъ-то только...

Но во всей силѣ безпощадная суровость Кабанихи проявляется тогда, когда Катерина созналась въ своемъ проступкѣ.

— Что, сынокъ! (говоритъ старуха въ злобномъ торжествѣ). Куда воля-то ведетъ! Говорила я, такъ ты слушать не хотѣлъ. Вотъ и дождался!"

Катерина невыразимо мучится; Кабанову жаль ея, онъ ей сострадаетъ; а мать злобно учитъ его, что жалѣть нечего, что „ее надо живую въ землю закопать, чтобъ она казнилась!"—Кулигинъ уговариваетъ Тихона простить жену, не помнить зла и на Борисѣ: „врагамъ-то прощать надо, сударь!"—„Поди-ка поговори съ маменькой (отвѣчаетъ Кабановъ), что̀ она тебѣ на это скажетъ". Кабаниха отмѣнила,

въ ревности къ своимъ законамъ, законы евангельской любви и милосердія. Когда Катерина ушла изъ дому, и Тихонъ боится — не убилась ли она, Кабаниха иронически замѣчаетъ: „А ты ужъ испугался, расплакался! Есть о чемъ". Она не пускаетъ сына бѣжать на помощь бросившейся въ воду женщинѣ; а когда онъ рвется — грозитъ проклясть его. — „Полно! объ ней и плакать-то грѣхъ!" говоритъ она, грозно и безсердечно, рыдающему надъ трупомъ Катерины Тихону.— Такою отталкивающею суровостью вѣетъ отъ мрачнаго образа Кабанихи, что зрители драмы чувствуютъ къ ней невольное негодованіе.

Справедливость требуетъ сказать, что есть одна и свѣтлая черта въ характерѣ старухи Кабановой, — это любовь къ дочери. — „Я со двора пойду!" заявляетъ Варвара.

— А мнѣ что! (ласково отвѣчаетъ суровая мать). Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься!

Если Дико̀й и Кабаниха могутъ быть названы самодурами въ томъ смыслѣ, то и *Тихонъ Кабановъ* можетъ быть, по справедливости, названъ личностью забитой и приниженной.

Онъ не имѣетъ собственной воли и собственной мысли. „Да какъ же я могу, маменька, васъ ослушаться!" „Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Гдѣ ужъ мнѣ своей волей жить!" только такого рода рѣчи и слышитъ отъ него мать. Она, конечно, одобряетъ его за это; но, какъ обыкновенно бываетъ съ подобнаго рода людьми, она сама же его и не уважаетъ. Она называетъ его дуракомъ; она презрительно говоритъ ему:

— Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустилъ? Ну, какой ты мужъ? Посмотри ты на себя!

И сестра Варвара его не уважаетъ. — Тихонъ человѣкъ добрый и въ сущности не дурной; онъ любитъ по-своему жену, онъ вѣритъ ей; онъ вовсе не хочетъ, чтобы жена его боялась. Но въ душѣ его нѣтъ настолько любви, чтобы защитить бѣдную женщину отъ оскорбленій, и онъ самъ наноситъ ей оскорбленія по приказанію матери. Собственная воля и возможность загулять на свободѣ, безъ присмотра, для него дороже всего. Онъ упрекаетъ жену за то, что мать точила его попреками; онъ откровенно говоритъ Кате-

ринѣ, что радъ вырваться изъ дому, что онѣ съ маменькой его „заѣздили“. Онъ самъ, глупо и слѣпо, губитъ и жену, и себя, и возможность своего счастья. — Катерина, боясь своихъ порывовъ, проситъ его взять ее съ собою; онъ отказывается. — „Да неужели же ты разлюбилъ меня?“ спрашиваетъ бѣдная женщина.

— Да не разлюбилъ (отвѣчаетъ онъ); а съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы-жены убѣжишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я, все-таки, мужчина; всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены ли мнѣ?

— Какъ же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь? (скорбно восклицаетъ Катерина).

У Тихона есть сердце: когда Катерина при свекрови начинаетъ каяться, разсказывать свой проступокъ, — онъ пытается остановить ее, чтобы скрыть дѣло отъ безпощадной матери. Онъ сострадаетъ потомъ мученьямъ жены... Но онъ все-таки дѣлаетъ то, что приказываетъ мать: онъ бьетъ Катерину по ея повелѣнію. Не имѣя собственной мысли, онъ, напиваясь съ горя, настраиваетъ себя нарочно на враждебныя чувства, согласно съ воззрѣніями матери. — Человѣкъ совѣсти и чувства побѣждаетъ въ немъ слѣпопокорнаго сына лишь тогда, когда Катерина покончила съ собою. „Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы“... Но этотъ протестъ — уже поздній протестъ и ненужный; да едва ли онъ и прочный. Можетъ-быть, Кабаниха и права, говоря съ увѣренностью въ отвѣтъ ему: „Ну, я съ тобой дома поговорю!“

Такова одна стихія жизни, изображенная въ „Грозѣ“, — стихія самодурнаго гнета сильныхъ надъ слабыми, унизительнаго и позорнаго приниженія слабыхъ.

Другая стихія — болѣе отрадная, даже привлекательная, — это веселье, радостный праздникъ молодой жизни. Представителями этого начала въ драмѣ являются Варвара и Кудряшъ. Удивительно сильное, поэтическое, неотразимое впечатлѣніе производитъ на зрителя сцена третьяго акта „Грозы“, — чудная сцена свиданія въ оврагѣ на Волгѣ.

Кудряшъ человѣкъ бойкій, ловкій, умный. Онъ сдержанъ, и съ нѣкоторой пренебрежительной удалью относится къ нѣж-

нымъ проявленіямъ чувства: Кулигинъ указываетъ ему на красоту волжской природы: „Видъ необыкновенный! Красота! Душа радуется“. „Ништо“, съ полунапускнымъ, полуискреннимъ равнодушіемъ отвѣчаетъ Кудряшъ.—„Ты что жъ такъ долго? Ждать васъ еще! Знаешь, что не люблю!“ такими словами встрѣчаетъ онъ на свиданіи Варвару. Но въ душѣ его есть чувство, и чувство сильное; заподозривъ Бориса въ ухаживаніи за Варварой, онъ говоритъ съ порывомъ негодованія:

— Чужихъ не трогай! У насъ такъ не водится, а то парни ноги перcharacteristic...

Сильна въ душѣ Кудряша и совѣсть: узнавъ, что Борисъ полюбилъ замужнюю, онъ говоритъ, побуждаемый чувствомъ человѣколюбія и жалости:

— Эхъ... бросить надоть!... вѣдь, это, значитъ, вы ее совсѣмъ губить хотите, Борисъ Григорьевичъ... вѣдь здѣсь какой народъ, сами знаете. Съѣдятъ, въ гробъ вколотятъ.

Варвара похожа на Кудряша: такая же бойкая, смѣлая, веселая. Душа у нея добрая и простая. Она понимаетъ, что Катеринѣ тяжело въ ихъ семьѣ, она сочувствуетъ невѣсткѣ, понимаетъ, что та не можетъ любить Тихона. Она заступается за Катерину и всячески выгораживаетъ ее изъ бѣды. Но, живая и смѣлая, она не можетъ подняться на ту нравственную высоту, на которой стоитъ Катерина. Устраивая для послѣдней свиданіе съ Борисомъ, она и не подозрѣвала, какія душевныя муки готовитъ бѣдной женщинѣ. По ея понятію, жизнь такъ проста. „По-моему (говоритъ она), дѣлай что хочешь, только бы шито да крыто было“. Безъ обмана нельзя, учитъ она Катерину:

— Ты вспомни, гдѣ ты живешь! У насъ вѣдь весь домъ на томъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало.

Она примирилась съ ложью, и не можетъ понять, что не всѣ могутъ примириться.

И вотъ, среди этихъ разнородныхъ стихій народной дѣйствительности появляется энергическая, благородная личность молодой женщины, *Катерина*. Она не можетъ подчиниться

самодурному гнету и принизиться; она не можетъ пойти и на сдѣлки съ совѣстью, вступить на дорогу лжи. И она гибнетъ.

Поэтическій образъ Катерины — несомнѣнно одинъ изъ важнѣйшихъ образовъ не только творчества Островскаго, но и всей русской литературы.

Личность даровитая, впечатлительная и сильная духомъ, Катерина выросла подъ вліяніями важнѣйшихъ явленій русской жизни и подъ впечатлѣніями широкой и могучей волжской природы. — Рѣзвый ребенокъ, любимое дитя въ родной семьѣ, она жила дома „ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ"; мать въ ней „души не чаяла". Весело было на сердцѣ у живой и чуткой дѣвочки. Вставши рано утромъ, умывшись на ключикѣ и поливши свои любимые цвѣты, отправлялась Катерина съ матерью въ церковь. Домъ ихъ былъ старинный, благочестивый домъ; онъ всегда былъ полонъ странницъ да богомолокъ; эти странницы повѣствовали, когда домашніе сидѣли за работой (а работали больше золотомъ по бархату), повѣствовали — гдѣ онѣ были, въ какихъ святыхъ мѣстахъ, разсказывали житія святыхъ, пѣли духовные стихи. Потомъ всѣмъ домомъ шли къ вечернѣ; потомъ Катерина гуляла по саду, „а вечеромъ опять разсказы да пѣніе". — Катерина любила молиться, молилась съ любовью и вдохновеніемъ; въ храмѣ она чувствовала себя какъ въ раю, — не помнила времени, никого не видала, только мечтались ей ангелы, слѣдила она своей фантазіей за ихъ полетомъ и пѣніемъ въ столбѣ свѣта, идущаго внизъ храма изъ оконъ купола. Божій міръ, утро въ саду, восходъ солнца вызывали въ душѣ ея религіозное умиленіе, слезы восторга, чистую безпредметную молитву. И снились ей чудные и чистые сны: храмы золотые, деревья и горы, какими она видѣла ихъ на иконахъ; слышалось ей райское пѣніе, и летала она во снѣ по воздуху, легкая и просвѣтленная.

Религіозныя впечатлѣнія возвышенно настроили душу молодой дѣвушки, и остались въ ней на всю жизнь. Выйдя замужъ, Катерина такъ же восторженно любитъ церковь и молитву.

— Ахъ, Кудряшъ, какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! (говоритъ Борисъ Григорьичъ). Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица-то какъ будто свѣтится.

Сохранилась на всю жизнь въ душѣ Катерины и свѣтлая, парящая къ небу мечтательность:

отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы! (говоритъ она своей золовкѣ Варварѣ). Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь? (Хочетъ бѣжать.)

Душа Катерины пылкая и энергическая.

— Такая ужъ я зародилась горячая! (говоритъ молодая женщина). Я еще лѣтъ шести была, не больше, такъ что сдѣлала. Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужъ темно, я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужъ нашли, верстъ за десять!

Сила духа, не покоряющееся гнету, благородное упорство не покидаютъ Катерину до смерти; насиліе встрѣчаетъ съ ея стороны горячій, огненный протестъ; Катерину нельзя принизить, сдѣлать безотвѣтной и безмолвной. Когда Варвара удивляется, что она какая-то мудрёная — не хочетъ жить и поступать такъ, чтобы все было шито да крыто, Катерина говоритъ ей:

— Не хочу я такъ. Да и что хорошаго! Ужъ я лучше буду терпѣть, пока терпится.

— А не стерпится, что жъ ты сдѣлаешь? (спрашиваетъ Варвара).

— Что я сдѣлаю?

— Да, что сдѣлаешь?

— Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.

— Сдѣлай попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

— А что̀ мнѣ. Я уйду, да и была такова.

— Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

— Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характера! Конечно, не дай Богъ этому случиться! А ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостылетъ, такъ не удержатъ меня никакою силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь!

Идеализмъ религіозныхъ вѣрованій и чистой возвышенной мечтательности высоко поднялъ душу Катерины надъ пошлостію и порокомъ жизни; для нея невозможны сдѣлки съ совѣстью; серіозно, съ благоговѣйнымъ уваженіемъ смотритъ Катерина на то, что̀ признаетъ нравственнымъ закономъ, Она вышла замужъ еще почти ребенкомъ, не понимая, можетъ-быть, значенія брака, не зная человѣка, который сталъ

ея мужемъ. (Здѣсь, замѣтимъ мимоходомъ, представляется намъ въ драмѣ нѣкоторая неясность: почему родные, такъ повидимому, любившіе Катерину, выдали ее въ семью Кабановыхъ? почему такъ поспѣшили выдать ее замужъ? Или Катерина рано осталась сиротою? Можетъ-быть, на это последнее предположеніе намекаетъ то обстоятельство, что въ тяжелыя минуты жизни она не ищетъ отрады и помощи въ своей прежней семьѣ. Поэтъ, къ сожалѣнію, оставилъ все это въ драмѣ неяснымъ.) Въ мужѣ Катерина не нашла, конечно (мы знаемъ, что̀ за человѣкъ Кабановъ), не нашла любящаго сердца, которое бы отвѣтило ея душевнымъ требованіямъ, которому она могла бы отдать свое сердце.— А между тѣмъ юность дѣлала дѣло: Катеринѣ хотѣлось любви, счастья,—и она полюбила чужого человѣка. Она испугалась этого чувства.

— Охъ, дѣвушка (говоритъ она Варварѣ), что-то со мной недоброе дѣлается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мнѣ такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю или... ужъ и не знаю... быть грѣху какому-нибудь! Такой на меня страхъ, такой-то на меня страхъ! Точно я стою надъ пропастью, и меня кто-то туда тянетъ, а удержаться мнѣ не за что. Ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ Варя, какъ прежде, райскія деревья да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо-горячо, и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду... Сдѣлается мнѣ такъ душно, такъ душно дома, что бѣжала бы. И такая мысль придетъ на меня, что кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись...

Признать свою любовь правдой Катерина не можетъ, потому что она хочетъ быть вѣрной, и дѣйствительно вѣрна нравственнымъ законамъ окружающаго ее быта. Чувство свое она считаетъ и называетъ грѣхомъ:

— Вѣдь это нехорошо (говоритъ она), вѣдь это страшный грѣхъ, Варенька, что я другого люблю!

Катерина хочетъ быть не только въ мирѣ со свекровью, она хочетъ любить Кабаниху дочерней любовью:

— Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты,—

говоритъ она искренно и правдиво.

И такъ же искренно и правдиво хочетъ она жить съ мужемъ въ любви и совѣтѣ, быть ему вѣрной женою. Она въ немъ ищетъ опоры противъ своего чувства къ Борису Григорьичу.

— Тиша, не уѣзжай! (проситъ бѣдная женщина, уже сознавшая возникающую въ сердцѣ незаконную любовь). Ради Бога, не уѣзжай! Голубчикъ, прошу тебя!

А когда Тихонъ говоритъ ей, что нельзя не ѣхать, коли маменька посылаетъ, она проситъ:

— Ну, бери меня съ собой, бери!... Тиша, голубчикъ, кабы ты остался либо взялъ меня съ собой, какъ бы я тебя любила, какъ бы я тебя голубила, моего милаго!

Она высказываетъ ему свои опасенія, что безъ него — „быть бѣдѣ, быть бѣдѣ!“ Она, наконецъ, проситъ его взять съ нея „какую-нибудь клятву страшную...“ И на его глупыя отнѣкиванія отъ всѣхъ ея просьбъ, отъ всѣхъ попытокъ спасти себя и его, отвѣчаетъ изъ души вырвавшимся крикомъ тоски:

— Успокой ты мою душу, сдѣлай такую милость для меня!

Потомъ, когда Тихонъ не внялъ ея мольбамъ и уѣхалъ, она все еще не теряетъ надежды остаться вѣрной закону. Она жалѣетъ о томъ, что у нея дѣтей нѣтъ, — они бы спасли ее:

— Эко горе! Дѣтокъ-то у меня нѣтъ; все бы я сидѣла съ ними да забавляла ихъ. Люблю очень съ дѣтьми разговаривать,—ангелы, вѣдь, это.

И вотъ, оставленная на произволъ судьбы, безъ поддержки и сочувствія, Катерина, наталкиваемая на грѣхъ единственнымъ хоть сколько-нибудь ее жалѣющимъ, если не любящимъ человѣкомъ, Варварой, предается своему чувству къ Борису,— предается всей душою, искренно и горячо. „Мнѣ хоть умереть — да увидать его!“ восклицаетъ она, и назначаетъ Борису свиданіе; а на свиданіи говоритъ ему, кидаясь на шею:

— Твоя теперь воля надо мной, развѣ ты не видишь!

Но сближеніе съ любимымъ человѣкомъ приноситъ ей не счастье, а горе и муки. И не утишить ей этихъ мукъ никакими оправданіями, никакими соображеніями въ родѣ того, что

— Въ неволѣ-то кому весело! Мало ли что въ голову придетъ... Долго ли въ бѣду попасть!... А горька неволя, охъ, какъ горька!

Въ самую минуту свиданія она мучится тяжелою внутреннею борьбою:

— Зачѣмъ ты пришелъ? Зачѣмъ ты пришелъ, погубитель мой? (говоритъ она Борису). Вѣдь я замужемъ, вѣдь мнѣ съ мужемъ жить до гробовой доски... пойми ты меня, врагъ ты мой: вѣдь до гробовой доски!

Счастливая взаимностью, она желаетъ въ то же время смерти. Говоря Борису: „коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?“ она, однако, болѣзненно, мучительно желаетъ этого суда, какъ своего спасенія:

говорятъ, даже легче бываетъ (разсуждаетъ Катерина), когда за какой-нибудь грѣхъ здѣсь, на землѣ, натерпишься.

Муки бѣдной женщины происходятъ, во-1-хъ, оттого, что она грѣхомъ считаетъ самое свое чувство: „ты меня загубилъ... загубилъ, загубилъ“, говоритъ она Борису; во-2-хъ, оттого, что правдивая натура ея не выноситъ лжи и обмана.

— Обманывать-то я не умѣю; скрыть-то ничего не могу,—

искренно и просто заявляетъ она Варварѣ; и дѣйствительно, когда возвращается Тихонъ, она становится сама не своя:

Дрожитъ вся, точно ее лихорадка бьетъ; блѣдная... мечется по дому, точно чего ищетъ... На мужа не смѣетъ глазъ поднять.

Варвара боится, что она бросится мужу въ ноги и все откроетъ. Такъ и случается. — Въ угрожающихъ словахъ сумасшедшей барыни, въ раскатахъ грома, въ картинѣ геенны огненной Катерина слышитъ упреки совѣсти, грозящей наказаніемъ въ загробномъ мірѣ за радости земного счастья. И она бросается къ мужу и, при свекрови, при народѣ, все открываетъ ему.

Это вторичная, уже безсознательная, попытка Катерины примириться съ окружающимъ ее міромъ... Если бы этотъ міръ великодушно простилъ ее и принялъ, она бы всей душой привязалась къ мужу и энергіей воли подавила свои личные порывы.

Но еще не совсѣмъ изнемогъ духъ бѣдной женщины: она еще хочетъ видѣть Бориса, она еще на него возлагаетъ нѣкоторыя надежды:

— Возьми меня съ собой отсюда!

проситъ она его, какъ прежде просила мужа. И какъ прежде мужъ, такъ теперь Борисъ, тоже приниженный и безвольный человѣкъ (хоть и въ болѣе образованныхъ и мягкихъ формахъ), отказываетъ ей:

— Нельзя мнѣ, Катя; не по своей я волѣ ѣду; дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы... и т. д.

Это — послѣдняя капля, переполняющая чашу: для Катерины больше нѣтъ въ жизни никакой опоры — и не нужно ей больше жизни.

Въ кроткомъ сердцѣ ея не возникаетъ злого чувства противъ человѣка, невольно обманувшаго ея надежды. „Поѣзжай съ Богомъ; не тужи обо мнѣ“, проситъ она Бориса. И съ этой минуты всѣ мысли ея сосредоточиваются на смерти и на могилѣ. Все земное отъ нея отстранилось, — и къ ней вернулась ея прежняя, чистая мечтательность съ возвышеннымъ религіознымъ оттѣнкомъ. Она не можетъ итти въ домъ, вернуться къ жизни: ей все тамъ противно.

„Умереть бы теперь! (мечтаетъ она)... Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя!... Грѣхъ! Молиться не будутъ? Кто любитъ, тотъ будетъ молиться...“

„Въ могилѣ лучше... подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо! Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ; цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе... всякіе... Такъ тихо, такъ хорошо!... А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... нехорошо!“

И она уходитъ изъ жизни, — уходитъ спокойно, навѣки, въ глубокій омутъ Волги. *Незеленовъ.*

„Гроза“, какъ показатель направленія художественнаго творчества Островскаго.

Прежде всего позволяю себѣ сдѣлать два замѣчанія, говорящія въ пользу таланта Островскаго и достоинства его сочиненій. Упадокъ драматической поэзіи въ современной

эпохѣ не подлежитъ сомнѣнію. Это фактъ, знакомый каждому, кто занимается литературой. Ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни во Франціи давно уже не является такихъ пьесъ, которыя могли бы по праву стоять въ ряду истинно изящныхъ произведеній. Гетнеръ въ сочиненіи своемъ: „Das moderne Drama (1852), справедливо сѣтуетъ на внутреннюю скудость драмъ, написанныхъ поэтами такъ называемой школы „юная Германія". Онъ не отрицаетъ таланта въ ихъ авторахъ, но признаетъ, что произведенія ихъ далеко уступаютъ образцамъ Шиллера и Гёте; какъ послѣдніе поэты стоятъ на высотѣ художественнаго творчества, такъ послѣдователи ихъ заняли уровень посредственности. Этого уровня не подняла и драма Фрейтага: „Валентина", хотя дарованіе Фрейтага выходитъ изъ среды обыкновенныхъ. То же неутѣшительное явленіе замѣчается и во французскихъ драмахъ. Послѣ В. Гюго, А. Дюма, Скриба и нѣкоторыхъ другихъ наступило затишье или фабрикуются мелодрамы. Но и Скрибъ, въ отношеніи къ Мольеру, и Гюго съ А. Дюма, въ отношеніи къ Корнелю и Расину, — то же, что „юная Германія" въ отношеніи къ Шиллеру и Гёте: въ комедіяхъ нѣтъ силы мольеровскаго комизма, въ трагедіяхъ нѣтъ силы трагизма, которая прославила Расина и Корнеля, хотя и вращалась въ кругу ложноклассическаго искусства. Новѣйшія попытки французовъ создать нѣчто оригинальное производятъ иногда блестящія пьесы, но блестящія не свѣтомъ истиннаго художества, а внѣшними эффектами и внѣшнимъ же соприкосновеніемъ съ текущими новостями, съ интересами дня (nouvelles du jour). Вездѣ мелодрама, а нигдѣ настоящей драмы.

Вышесказанное не примѣняется къ современной русской комедіи или, точнѣе, къ пьесамъ Островскаго, такъ какъ въ нихъ единственно и нераздѣльно заключается вся наша современная комедія. Положеніе Островскаго — иное. Въ ряду извѣстнѣйшихъ нашихъ комиковъ онъ занялъ также видное мѣсто. Онъ достойно продолжаетъ дѣло Гоголя. Я не сравниваю ихъ талантовъ: я говорю только, что въ талантѣ, сравнительно низшемъ, бываютъ такія стороны, которыя не выказывались въ талантѣ много высшемъ. Такъ, въ пьесахъ Островскаго есть нѣчто свое, особенное, что имѣетъ вѣсъ послѣ „Ревизора" и „Женитьбы". А въ про-

изведеніяхъ искусства, равно какъ и во всѣхъ произведеніяхъ духовной дѣятельности человѣка, эта особенность, своеобразность и цѣнится преимущественно. Она свидѣтельствуетъ объ отличительныхъ свойствахъ таланта; ею объясняется сочувствіе къ таланту публики — и образованной, умѣющей сознавать то, что ей нравится, и необразованной, безсознательно воспринимающей эстетическое наслажденіе.

Вторая замѣтка имѣетъ въ виду указать врожденную наклонность Островскаго къ драмѣ. Онъ выступилъ въ литературный свѣтъ съ драматической пьесой и до сихъ поръ не измѣнилъ выбранному имъ поэтическому роду. Другіе авторы пробуютъ свои силы въ разныхъ родахъ, какъ бы назло своей природѣ. Тургеневъ, напримѣръ, пытался, кромѣ повѣстей и романовъ, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ такую громкую и вполнѣ справедливую извѣстность, писать также драмы; но если и можно признать относительное достоинство и частныя красоты его „Провинціалки", „Нахлѣбника", „Завтрака у предводителя", то нельзя не видѣть, что онъ вошелъ не въ свою колею. Островскій, напротивъ, и не пытался мѣнять драматическую форму на лирику или эпосъ. Одна изъ пьесъ его: „Воспитанница", могла бы легко дать сюжетъ повѣствователю; однакожъ онъ не увлекся этой легкостью. Ясно, что призваніемъ его служитъ драма. Неизмѣнность направленія нерѣдко, сама собою, независимо отъ другихъ предметовъ, указываетъ на внутреннюю цѣну направленія, и неспособность свободно входить въ разнородныя области знанія или творчества тѣмъ ощутительнѣе выказываетъ способность правильно распоряжаться въ той области, къ которой авторъ, такъ сказать, приписанъ отъ рожденія.

Спеціальность Островскаго — поэтическое представленіе купеческаго класса. Перемѣна во взглядѣ на характеръ явленій, которыми обнаруживаются сословныя отличія, производила нѣкоторую перемѣну и въ характерѣ представленія, такъ что драмы автора, написанныя въ небольшой періодъ времени, въ теченіе десяти или двѣнадцати лѣтъ, выказали уже нѣсколько направленій.

Первая его комедія, „Свои люди — сочтемся", принадлежащая къ числу самыхъ блестящихъ литературныхъ дебю-

товъ, изображаетъ сущность купеческаго класса, насколько она раскрывается въ семействѣ и торговлѣ. Слѣдовательно, это комедія нравовъ извѣстнаго сословія въ извѣстную эпоху, комедія общественная, образцы которой даны у насъ Фонвизинымъ, Капнистомъ, Грибоѣдовымъ, Гоголемъ. Островскій тѣсно примыкаетъ къ школѣ послѣдняго; его комедія указываетъ темныя стороны купеческаго быта: въ семействѣ — самоуправная власть отца, отъ которой страдаютъ жена, дѣти и прислуга и которая не знаетъ другихъ основаній, кромѣ личнаго произвола; въ торговлѣ — неправильное веденіе дѣлъ, поставляющее единственною цѣлью нажиться какъ можно скорѣе. Но развязка имѣетъ замѣчательную особенность: посредствомъ нея комедія переходитъ въ дѣйствительную трагедію, ибо семейный деспотъ и злостный банкрутъ пожинаетъ то, что посѣялъ; передъ лицомъ зрителя совершается его наказаніе, а въ перспективѣ готовятся другія наказанія — безчувственной дочери отъ ея будущихъ дѣтей, и плуту Подхалюзину отъ плута — слуги его, Тишки.

Какъ бы испугавшись темнаго колорита своей первой пьесы, авторъ отступилъ назадъ, и — подобно Гоголю, нарисовавшему во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ нѣсколько идеальныхъ лицъ, представителей свѣтлой стороны русскаго общества, — рѣшился также создать идеалы, которые долженствовали примирить публику съ тѣмъ сословіемъ, въ жизни котораго такъ много комическаго, и комизмъ такъ часто разрѣшается трагическимъ концомъ. Желанное примиреніе найдено въ коренныхъ, стихійныхъ свойствахъ русскаго человѣка, преимущественно такого, который не подвергся еще дѣйствію цивилизаціи. Плодомъ такого воззрѣнія автора были пьесы: „Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“, „Не такъ живи, какъ хочется“, имѣвшія большой успѣхъ на сценѣ, какъ по артистической игрѣ актеровъ, такъ и по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ, какъ бы ни судили объ идеѣ, лежащей въ ихъ основаніи. Свѣтлымъ, идеальнымъ личностямъ, въ нихъ противополагаются такіе русскіе люди, которыхъ добрыя начала, присущія русской природѣ, искажены цивилизаціей. Задача пьесъ — дать торжество первымъ лицамъ надъ вторыми, иначе — показать превосходство патріархальнаго быта надъ бытомъ ложной образованности, въ которомъ человѣкъ не замѣнилъ ничѣмъ

существеннымъ утраченной имъ первобытной наивности, природной простоты. Превосходство это можетъ выразиться слѣдующимъ образомъ: въ простомъ русскомъ человѣкѣ, сохранившемъ всецѣло свои стихійныя начала, эти начала возобладаютъ нѣкогда надъ внѣшнею грубостью и необразованностью, тогда какъ человѣкъ, поведенный по дорогѣ поверхностной цивилизаціи, невольно подчиняется ей и теряетъ сочувствіе къ своимъ кореннымъ началамъ. Когда критика, недовольная этимъ направленіемъ Островскаго и подозрѣвая его въ славянофильскихъ тенденціяхъ, приняла на себя защиту цивилизаціи, тогда авторъ задумалъ отдать справедливость образованному классу и представленіемъ его хорошихъ сторонъ противопоставить имъ дурныя стороны необразованности. Явились двѣ новыя пьесы: „Въ чужомъ пиру похмелье" и „Доходное мѣсто". Въ первой изъ нихъ идеалы изъ быта купеческаго и простонароднаго перенесены въ бытъ класса просвѣщеннаго. Нравственный героизмъ воплощенъ въ лицѣ учителя и его дочери; наоборотъ, богатый купецъ оказывается самодуромъ, со всѣми дикими выходками человѣка, не озареннаго свѣтомъ знанія. Задача пьесы рельефно выставляется на показъ читателямъ или зрителямъ. Такъ какъ задача, предположенная авторомъ, всегда почти вредитъ художественному исполненію, то комедія „Въ чужомъ пиру похмелье" вышла въ этомъ отношеніи неудачною.

Въ новой своей пьесѣ „Гроза" Островскій, по моему мнѣнію, возвратился къ пункту своего начальнаго отправленія. Онъ не покинулъ выбранной имъ спеціальности — поэтическаго представленія купеческаго быта въ существеннѣйшихъ его проявленіяхъ; но его не стѣсняла уже болѣе намѣренная постановка вопроса, не обязывало ни желаніе выставить однѣ темныя стороны, при которыхъ, по словамъ Гоголя, остается единственно честнымъ лицомъ пьесы — комическій смѣхъ, ни желаніе отыскивать идеалы тамъ, гдѣ они еще не выработаны историческимъ развитіемъ. Дѣйствительность является именно такою, какова она на самомъ дѣлѣ: въ смѣшеніи нравственнаго и умственнаго безобразія съ красотою души и сердца. И въ этой невымышленной дѣйствительности, съ одной стороны — исключительная преданность обычаю, какъ святому, непреложному догмату,

обоготвореніе старины, понимаемое не иначе, какъ въ видѣ ненависти ко всему новому, свѣжему, молодому; съ другой — желаніе вырваться изъ душной атмосферы обычной, обрядовой жизни и заявить законное дѣйствіе жизни, кипящей избыткомъ силъ. Освобожденіе совершается различно, смотря по различію темпераментовъ и понятій: иногда это — грубая разнузданность, рѣзкое самоотрѣшеніе отъ семейныхъ и общественныхъ связей (какъ это и видимъ въ лицѣ Варвары), иногда же прерваніе ровнаго потока существованія съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ, съ внутреннею борьбою, стоящею слезъ и крови (что и представляетъ намъ Катерина), иногда же еще заглазная преданность разгулу и пьянству, которыми забитый сынъ (какъ сынъ Кабанихи) отводитъ себѣ душу. Различіемъ освобожденія условливается и различіе исхода драмы: въ однихъ случаяхъ столкновеніе враждебныхъ силъ начинается, продолжается и оканчивается смѣхомъ; въ другихъ оно — постоянная гроза, тайная или явная. Въ пьесѣ Островскаго, носящей имя „Грозы", дѣйствіе и катастрофа трагическія, хотя многія мѣста и возбуждаютъ смѣхъ. Обрядовая жизнь выведена имъ съ суровыми послѣдствіями; она имѣетъ значеніе какъ бы греческой судьбы, сокрушающей всякую себѣ неподчиненность. Вѣрная хранительница обычаевъ, непрерывно протестующая противъ движенія жизни, Кабаниха, даже надъ трупомъ жены своего сына не выговариваетъ слова примиренія. И между тѣмъ, какъ она неумолимо ломаетъ все, что идетъ наперекоръ ея понятіямъ. Дико̀й, по своенравію, которое для него служитъ орудіемъ преступать иногда обычаи, хотя въ другихъ онъ этого не допускаетъ, — Дико́й заѣдаетъ также жизнь своего племянника (Бориса), отправляя его въ Кяхту, и неугомонную дѣятельность свою истощаетъ въ безпрерывной брани встрѣчному и поперечному. Міръ, изображенный Островскимъ, — тяжелый міръ, и впечатлѣніе, производимое его драмой, совершенно соотвѣтствуетъ характеру того, что въ немъ совершается. Въ этой нравственной тяжести, отъ которой прискорбно уму и чувству, я полагаю яснѣйшее доказательство превосходства пьесы.

Въ заключеніе замѣчу, что драма „Гроза" принадлежитъ, по своему направленію и по своимъ художественнымъ достоинствамъ, къ той школѣ драматической, которая, по моему

понятію, единственно законна въ настоящее время, равно какъ единственно законна и одна только школа повѣствовательная. Я называю эту школу двумя именами: *историческою*, потому что она относится ко всѣмъ явленіямъ такъ же, какъ исторія относится къ явленіямъ прошлой жизни, и *физіологическою*, потому что она изображаетъ отправленія нравственной и духовной жизни, какъ физіологія разсматриваетъ дѣйствія органовъ. Такая школа не влагаетъ въ жизнь того, чего въ ней нѣтъ, не населяетъ ея небывалыми идеалами добра или зла и, конечно, не заглядываетъ въ будущее на томъ основаніи, что поэтъ и пророкъ одно и то же. Дѣло поэзіи — созерцать дѣйствительно существующее, въ этомъ дѣйствительно существующемъ подмѣчать законы явленій, ихъ сущность, ихъ идею и схваченную идею выражать по своему, конкретно, т.-е. влагая ее въ созданный творческій образъ. *Галаховъ.*

Общая картина жизни, нарисованная Островскимъ въ „Грозѣ“.

„Гроза“ представляетъ намъ идиллію „темнаго царства“, которое мало-по-малу освѣщаетъ намъ Островскій своимъ талантомъ. Люди, которыхъ вы здѣсь видите, живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами; лѣтній благодатный день такъ и манитъ на берегъ, на воздухъ, подъ открытое небо, подъ этотъ вѣтерокъ, освѣжительно вѣющій съ Волги... И жители, точно, гуляютъ иногда по бульвару надъ рѣкой, хоть ужъ и приглядѣлись къ красотамъ волжскихъ видовъ; вечеромъ сидятъ на завалинкахъ у воротъ и занимаются благочестивыми разговорами; но больше проводятъ время у себя дома, занимаются хозяйствомъ, кушаютъ, спятъ, — спать ложатся очень рано, такъ что непривычному человѣку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задаютъ себѣ. Но что же имъ дѣлать, какъ не спать, когда они сыты? Ихъ жизнь течетъ такъ ровно и мирно, никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны откры-

ваться, лицо земли можетъ измѣняться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ, — обитатели городка Калинова будутъ себѣ существовать попрежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ. Изрѣдка забѣжитъ къ нимъ неопредѣленный слухъ, что Наполеонъ съ двадесятью языкъ опять подымается или что антихристъ народился; но и это они принимаютъ болѣе какъ куріозную штуку, въ родѣ вѣсти о томъ, что есть страны, гдѣ всѣ люди съ песьими головами: покачаютъ головой, выразятъ удивленіе къ чудесамъ природы, и пойдутъ себѣ закусить... Смолоду еще показываютъ нѣкоторую любознательность, но пищи взять ей неоткуда: свѣдѣнія заходятъ къ нимъ, точно въ древней Руси временъ Даніила Паломника, только отъ странницъ, да и тѣхъ ужъ нынче немного настоящихъ-то; приходится довольствоваться такими, которыя „сами, по немощи своей, далеко не ходили, а слыхать много слыхали“, какъ Ѳеклуша въ „Грозѣ“. Отъ нихъ только и узнаютъ жители Калинова о томъ, что на свѣтѣ дѣлается; иначе они думали бы, что весь свѣтъ таковъ же, какъ и ихъ Калиновъ, и что иначе жить, чѣмъ они, совершенно невозможно. Но и свѣдѣнія, сообщаемыя Ѳеклушами, таковы, что неспособны внушить большого желанія промѣнять свою жизнь на иную. Ѳеклуша принадлежитъ къ партіи патріотической и въ высшей степени консервативной; ей хорошо среди благочестивыхъ и наивныхъ калиновцевъ: ее и почитаютъ, и угощаютъ, и снабжаютъ всѣмъ нужнымъ; она пресеріозно можетъ увѣрять, что самые грѣшки ея происходятъ оттого, что она выше прочихъ смертныхъ: „простыхъ людей, говоритъ, каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ, страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому двѣнадцать приставлено, вотъ и надо ихъ всѣхъ побороть“. И ей вѣрятъ. Ясно, что простой инстинктъ самосохраненія долженъ заставить ее не сказать хорошаго слова о томъ, что въ другихъ земляхъ дѣлается. И въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ разговорамъ купечества, мѣщанства, мелкаго чиновничества въ уѣздной глуши, — сколько удивительныхъ свѣдѣній о невѣрныхъ и поганыхъ царствахъ, сколько разсказовъ о тѣхъ временахъ, когда людей жгли и мучили, когда разбойники города грабили, и т. п., — и какъ мало свѣдѣній объ европейской жизни, о лучшемъ

устройствѣ быта! Даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, въ объевропеевшихся людяхъ, на множество энтузіастовъ, восхищающихся новыми парижскими улицами и мобилемъ, развѣ вы не найдете почти такое же множество солидныхъ цѣнителей, которые запугиваютъ своихъ слушателей тѣмъ, что нигдѣ, кромѣ Австріи, во всей Европѣ порядка нѣтъ и никакой управы найти нельзя!... Все это и ведетъ къ тому, что Ѳеклуша высказываетъ такъ положительно: „бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе, красота дивная! Да что ужъ и говорить, — въ обѣтованной землѣ живете!“ Оно несомнѣнно такъ и выходитъ, какъ сообразить, что въ другихъ-то земляхъ дѣлается. Послушайте-ка Ѳеклушу:

„Говорятъ, такія страны есть, милая дѣвушка, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ салтанъ Махнутъ турецкій, а въ другой — салтанъ Махнутъ персидскій; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надъ всѣми людьми, и что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно, — такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ. И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ: „суди меня, судья неправедный!“ А то есть еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами“.

„За что же такъ съ песьими?“ спрашиваетъ Глаша. — „За невѣрность“, коротко отвѣчаетъ Ѳеклуша, считая всякія дальнѣйшія объясненія излишними. Но Глаша и тому рада; въ томительномъ однообразіи ея жизни и мысли, ей пріятно услышать сколько-нибудь новое и оригинальное. Въ ея душѣ смутно пробуждается уже мысль, „что вотъ однако же живутъ люди и не такъ, какъ мы; оно, конечно, у насъ лучше, а впрочемъ, кто ихъ знаетъ! Вѣдь и у насъ нехорошо; а про тѣ земли-то мы еще и не знаемъ хорошенько; кое-что только услышишь отъ добрыхъ людей...“ И желаніе знать побольше да поосновательнѣе закрадывается въ душу. Это для насъ ясно изъ словъ Глаши, по уходѣ странницы: „Вотъ еще какія земли есть! Какихъ-то, какихъ-то чудесъ на свѣтѣ нѣтъ! А мы тутъ сидимъ, ничего не знаемъ. Еще хорошо, что добрые люди есть: нѣтъ, нѣтъ, да и услышишь, что на бѣломъ свѣту дѣлается; а то бы такъ дураками и померли“. Какъ видите, неправедность и невѣрность чужихъ

земель не возбуждаетъ въ Глашѣ ужаса и негодованія; ее занимаетъ только новое свѣдѣніе, которое представляется ей чѣмъ-то загадочнымъ, — „чудесами“, какъ она выражается. Вы видите, что она не довольствуется объясненіями Ѳеклуши, которыя возбуждаютъ въ ней только сожалѣніе о своемъ невѣжествѣ. Она, очевидно, на полдорогѣ къ скептицизму. Но гдѣ жъ ей сохранить свое недовѣріе, когда оно безпрестанно подрывается разсказами, подобными Ѳеклушинымъ? Какъ ей дойти до правильныхъ понятій, даже просто до разумныхъ вопросовъ, когда ея любознательность заперта въ такомъ кругѣ, который очерченъ около нея въ городѣ Калиновѣ? Да еще мало того, какъ бы она осмѣлилась не вѣрить да допытываться, когда старшіе и лучшіе люди такъ положительно успокоиваются въ убѣжденіи, что принятыя ими понятія и образъ жизни — наилучшіе въ мірѣ, и что все новое происходитъ отъ нечистой силы? Страшна и тяжела для каждаго новичка попытка итти наперекоръ требованіямъ и убѣжденіямъ этой темной массы, ужасной въ своей наивности и искренности. Вѣдь она проклянетъ насъ, будетъ бѣгать, какъ зачумленныхъ, не по злобѣ, не по расчетамъ, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что мы сродни антихристу; хорошо еще, если только полоумнымъ сочтетъ и будетъ подсмѣиваться... Она ищетъ знанія, любитъ разсуждать, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, предписанныхъ ей основными понятіями, въ которыхъ путается разсудокъ. Вы можете сообщить калиновскимъ жителямъ нѣкоторыя географическія знанія; но не касайтесь того, что земля на трехъ китахъ стоитъ и что въ Іерусалимѣ есть пупъ земли — этого они вамъ не уступятъ, хотя о пупѣ земли имѣютъ такое же ясное понятіе, какъ о Литвѣ, въ „Грозѣ“. — „Это, братецъ ты мой, что такое?“ спрашиваетъ одинъ мирный гражданинъ у другого, показывая на картину.— А это литовское разореніе, отвѣчаетъ тотъ.— Битва! видишь! Какъ наши съ Литвой бились. — „Что жъ это такое Литва?“—Такъ она Литва и есть, отвѣчаетъ объясняющій. — „А говорятъ, братецъ ты мой, она на насъ съ неба упала“, продолжаетъ первый; но собесѣднику его мало до того нужды: „Ну, съ неба такъ съ неба“, отвѣчаетъ онъ... Тутъ женщина вмѣшивается въ разговоръ: „Толкуй еще! Всѣ знаютъ, что съ неба; и гдѣ былъ какой бой

съ ней, тамъ для памяти курганы насыпаны". — А что, братецъ ты мой! Вѣдь это такъ точно! — восклицаетъ вопрошатель, вполнѣ удовлетворенный. И послѣ этого спросите его, что онъ думаетъ о Литвѣ! Подобный исходъ имѣютъ всѣ вопросы, задаваемые здѣсь людямъ естественной любознательностью. И это вовсе не оттого, чтобы люди эти были глупѣе, безтолковѣе многихъ другихъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ академіяхъ и ученыхъ обществахъ. Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что они своимъ положеніемъ, своей жизнью подъ гнетомъ произвола, всѣ пріучены уже видѣть безотчетность и безсмысленность, и потому находятъ неловкимъ и даже дерзкимъ настойчиво доискиваться разумныхъ основаній въ чемъ бы то ни было. Задать вопросъ, — на это ихъ еще станетъ; но если отвѣтъ будетъ таковъ, что „пушка сама по себѣ, а мортира сама по себѣ", то они уже не смѣютъ пытать дальше и смиренно довольствуются даннымъ объясненіемъ. Секретъ подобнаго равнодушія къ логикѣ заключается прежде всего въ отсутствіи всякой логичности въ жизненныхъ отношеніяхъ. Ключъ этой тайны даетъ намъ, напримѣръ, слѣдующая реплика Ди́кого, въ „Грозѣ". Кулигинъ, въ отвѣтъ на его грубости, говоритъ: „За что, сударь Савелъ Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?" Дико́й отвѣчаетъ вотъ что:

„Отчетъ, что ли, я стану тебѣ давать? Я и поважнѣе тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю! Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, — вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что жъ ты судиться, что ли, со мной будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу — помилую, захочу — раздавлю".

Какое теоретическое разсужденіе можетъ устоять тамъ, гдѣ жизнь основана на такихъ началахъ! Отсутствіе всякаго закона, всякой логики — вотъ законъ и логика этой жизни. Это не анархія, но нѣчто еще гораздо худшее (хотя воображеніе образованнаго европейца и не умѣетъ представить себѣ ничего хуже анархіи). Въ анархіи такъ ужъ и нѣтъ никакого начала: всякъ молодецъ на свой образецъ, никто никому не указъ, всякій на приказаніе другого можетъ отвѣчать, что я, молъ, тебя знать не хочу, и такимъ образомъ всѣ озорничаютъ и ни въ чемъ согласиться не могутъ. По-

ложеніе общества, подверженнаго такой анархіи (если только она возможна), дѣйствительно ужасно. Но вообразите, что это самое анархическое общество раздѣлилось на двѣ части: одна оставила за собою право озорничать и не знать никакого закона, а другая принуждена признавать закономъ всякую претензію первой и безропотно сносить всѣ ея капризы, всѣ безобразія... Не правда ли, что это было бы еще ужаснѣе? Анархія осталась бы та же, потому что въ обществѣ все-таки разумныхъ началъ не было бы, озорничества продолжались бы попрежнему; но половина людей принуждена была бы страдать отъ нихъ и постоянно питать ихъ собою, своимъ смиреніемъ и угодливостью. Ясно, что при такихъ условіяхъ озорничество и беззаконіе приняли бы такіе размѣры, какихъ никогда не могли бы они имѣть при всеобщей анархіи. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говорите, а человѣкъ одинъ, предоставленный самому себѣ, не много надуритъ въ обществѣ и очень скоро почувствуетъ необходимость согласиться и сговориться съ другими въ видахъ общей пользы. Но никогда той необходмости не почувствуетъ человѣкъ, если онъ во множествѣ подобныхъ себѣ находитъ обширное поле для упражненія своихъ капризовъ, и если въ ихъ зависимомъ, униженномъ положеніи видитъ постоянное подкрѣпленіе своего самодурства. Такимъ образомъ, имѣя общимъ съ анархіею отсутствіе всякаго закона и права, обязательнаго для всѣхъ, самодурство въ сущности несравненно ужаснѣе анархіи, потому что даетъ озорничеству больше средствъ и простора и заставляетъ страдать большее число людей,—и опаснѣе ея еще въ томъ отношеніи, что можетъ держаться гораздо дольше. Анархія (повторимъ, если только она возможна вообще) можетъ служить только переходнымъ моментомъ, который самъ себя съ каждымъ шагомъ долженъ образумливать и приводить къ чему нибудь болѣе здоровому; самодурство, напротивъ, стремится узаконить себя и установить, какъ незыблемую систему. Оттого оно, вмѣстѣ съ такимъ широкимъ понятіемъ о своей собственной свободѣ, старается однакоже принять всѣ возможныя мѣры, чтобы оставить эту свободу навсегда только за собой, чтобы оградить себя отъ всякихъ дерзкихъ попытокъ. Для достиженія этой цѣли оно признаетъ какъ будто нѣкоторыя высшія требованія, и хотя само противъ нихъ тоже проступается, но предъ другими стоитъ за нихъ

твердо. Нѣсколько минутъ спустя послѣ реплики, въ которой Дико́й такъ рѣшительно отвергалъ, въ пользу собственнаго каприза, всѣ нравственныя и логическія основанія для сужденія о человѣкѣ,— этотъ же самый Дикой напускается на Кулигина, когда тотъ для объясненія грозы выговорилъ слово электричество. „Ну, какъ же ты не разбойникъ,— кричитъ онъ:— гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ что ли? Татаринъ ты? А, говори: татаринъ?“ И ужъ тутъ Кулигинъ не смѣетъ отвѣтить ему: „хочу такъ думать, и думаю, и никто мнѣ не указъ“. Куда тебѣ,— онъ и объясненій-то своихъ представить не можетъ: принимаютъ съ ругательствами, да и говорить-то не даютъ. Поневолѣ тутъ резонировать перестанешь, когда на всякій резонъ кулакъ отвѣчаетъ, и всегда въ концѣ концовъ кулакъ остается правымъ...

Но — чудное дѣло! — въ своемъ непререкаемомъ безотвѣтственномъ темномъ владычествѣ, давая полную свободу своимъ прихотямъ, ставя ни во что всякіе законы и логику, самодуры русской жизни начинаютъ однакоже ощущать какое-то недовольство и страхъ, сами не зная передъ чѣмъ и почему. Все, кажется, попрежнему, все хорошо: Дикой ругаетъ, кого хочетъ; когда ему говорятъ: „какъ это на тебя никто въ цѣломъ домѣ угодить не можетъ!“ — онъ самодовольно отвѣчаетъ: „вотъ поди жъ ты!“ Кабанова держитъ попрежнему въ страхѣ своихъ дѣтей, заставляетъ невѣстку соблюдать всѣ этикеты старины, ѣстъ ее какъ ржа желѣзо, считаетъ себя вполнѣ непогрѣшимой и ублажается разными Ѳеклушами. А все какъ-то неспокойно, нехорошо имъ. Помимо ихъ, не спросясь ихъ, выросла другая жизнь, съ другими началами, и хоть далеко она, еще не видна хорошенько, но уже даетъ себя предчувствовать и посылаетъ нехорошія видѣнія темному произволу самодуровъ. Они ожесточенно ищутъ своего врага; готовы напуститься на самаго невиннаго, на какого-нибудь Кулигина; но нѣтъ ни врага ни виновнаго, котораго могли бы они уничтожить: законъ времени, законъ природы и исторіи беретъ свое, и тяжело дышатъ старые Кабановы, чувствуя, что есть сила выше ихъ, которой они одолѣть не могутъ, къ которой даже и подступить не знаютъ какъ. Они не хотятъ уступать (да никто, покамѣстъ, и не требуетъ отъ

нихъ уступокъ), но съеживаются, сокращаются; прежде они хотѣли утвердить свою систему жизни навѣки нерушимую, и теперь тоже стараются проповѣдывать; но уже надежда измѣняетъ имъ, и они въ сущности хлопочутъ только о томъ, какъ бы на ихъ вѣкъ стало... Кабанова разсуждаетъ о томъ, что „послѣднія времена приходятъ", и когда Ѳеклуша разсказываетъ ей о разныхъ ужасахъ настоящаго времени — о желѣзныхъ дорогахъ и т. п. — она пророчески замѣчаетъ: „и хуже, милая, будетъ". — Намъ бы только не дожить до этого, — со вздохомъ отвѣчаетъ Ѳеклуша. — „Можетъ, и доживемъ", фаталистически говоритъ опять Кабанова, обнаруживая свои сомнѣнія и неувѣренность. А отчего она тревожится? Народъ по желѣзнымъ дорогамъ ѣздитъ, — да ей-то что отъ этого? А вотъ видите ли: она, „хоть ты ее всю золотомъ осыпь", не поѣдетъ по дьявольскому изобрѣтенію; а народъ ѣздитъ, все больше и больше, не обращая вниманія на ея проклятія; развѣ это не грустно, развѣ не служитъ свидѣтельствомъ ея безсилія? Объ электричествѣ провѣдали люди, — кажется, что тутъ обиднаго для Дикихъ и Кабановыхъ? Но видите ли, Дикой говоритъ, что „гроза въ наказанье намъ посылается, чтобъ мы чувствовали", а Кулигинъ не чувствуетъ или чувствуетъ совсѣмъ не то, и толкуетъ объ электричествѣ. Развѣ это не своеволіе, не пренебреженіе власти и значеніе Дикого? Не хотятъ вѣрить тому, чему онъ вѣритъ, — значитъ и ему не вѣрятъ, считаютъ себя умнѣе его; разсудите, къ чему же это поведетъ? Не даромъ Кабанова замѣчаетъ о Кулигинѣ: „вотъ времена-то пришли, какіе учители проявились! Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать!" И Кабанова очень серіозно огорчается будущностью старыхъ порядковъ, съ которыми она вѣкъ изжила. Она предвидитъ конецъ ихъ, старается поддержать ихъ значеніе, но уже чувствуетъ, что нѣтъ къ нимъ прежняго почтенія, что ихъ сохраняютъ уже неохотно, только поневолѣ, и что при первой возможности ихъ бросятъ. Она уже и сама какъ-то потеряла часть своего рыцарскаго жара; уже не съ прежней энергіей заботится она о соблюденіи старыхъ обычаевъ, во многихъ случаяхъ она ужъ махнула рукой, поникла предъ невозможностью остановить потокъ, и только съ отчаяніемъ смотритъ, какъ онъ затопляетъ мало-по-малу

пестрые цвѣтники ея прихотливыхъ суевѣрій. Точно послѣдніе язычники передъ силою христіанства, такъ поникаютъ и стираются порожденія самодуровъ, застигнутыя ходомъ новой жизни. Даже рѣшимости вступить на прямую открытую борьбу въ нихъ нѣтъ; они только стараются какъ-нибудь обмануть время да разливаются въ безплодныхъ жалобахъ на новое движеніе. Жалобы эти всегда слышались отъ стариковъ, потому что всегда новыя поколѣнія вносили въ жизнь что-нибудь новое, противное прежнимъ порядкамъ; но теперь жалобы самодуровъ принимаютъ какой-то особенно мрачный, похоронный тонъ. Кабанова только тѣмъ и утѣшается, что еще какъ-нибудь, съ ея помощью, пролѣпятъ старые порядки до ея смерти; а тамъ пусть будетъ, что угодно, — она ужъ не увидитъ. Провожая сына въ дорогу, она замѣчаетъ, что все дѣлается не такъ, какъ нужно по ея: сынъ ей и въ ноги не кланяется, — надо этого именно потребовать отъ него, а самъ не догадался; и женѣ своей онъ не „приказываетъ", какъ жить безъ него, да и не умѣетъ приказать, и при прощаньи не требуетъ отъ нея земного поклона; и невѣстка, проводивши мужа, не воетъ и не лежитъ на крыльцѣ, чтобы показать свою любовь. По возможности, Кабанова старается водворить порядокъ, но уже чувствуетъ, что невозможно вести дѣло совершенно по старинѣ; напримѣръ относительно вытья на крыльцѣ она уже только замѣчаетъ невѣсткѣ въ видѣ совѣта, но не рѣшается настоятельно требовать... Зато проводы сына внушаютъ ей такія грустныя размышленія:

„Молодость-то что значитъ! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! Кабы не свои, насмѣялась бы досыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. *Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть,*—ими домъ-то и держится, пока живы. *А вѣдь тоже, глупые, на свою волю хотятъ:* а выйдутъ на волю-то, такъ и путаются на позоръ, на смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя; гостей позовутъ—посадить не умѣютъ, да еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! *Такъ-то вотъ старина-то и выводится.* Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. *Что будетъ, какъ старики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ я и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего.*

Пока старики перемрутъ, до тѣхъ поръ молодые успѣютъ состарѣться, — на этотъ счетъ старуха могла бы и не без-

покоиться. Но ей, видите ли, важно не то собственно, чтобы всегда было кому смотрѣть за порядкомъ и научать неопытныхъ; ей нужно, чтобы всегда нерушимо сохранялись именно тѣ порядки, остались неприкосновенными именно тѣ понятія, которыя она признаетъ хорошими. Въ узости и грубости своего эгоизма она не можетъ возвыситься даже до того, чтобы помириться на торжествѣ принципа, хотя бы и съ пожертвованіемъ существующихъ формъ; да и нельзя отъ нея ожидать этого, такъ какъ у нея собственно нѣтъ никакого принципа, нѣтъ никакого общаго убѣжденія, которое бы управляло ея жизнью. Она въ этомъ случаѣ гораздо ниже того сорта людей, которыхъ принято называть просвѣщенными консерваторами. Тѣ расширили нѣсколько свой эгоизмъ, сливши съ нимъ требованіе порядка общаго, такъ что для сохраненія порядка они способны даже жертвовать нѣкоторыми личными вкусами и выгодами. На мѣстѣ Кабановой они бы, напримѣръ, не стали предъявлять уродливыхъ и унизительныхъ требованій земныхъ поклоновъ и оскорбительныхъ „наказовъ" отъ мужа женѣ, а заботились бы только о сохраненіи общей идеи, — что жена должна бояться своего мужа и покорствовать свекрови. Невѣстка не испытывала бы такихъ тяжелыхъ сценъ, хотя и была бы точно такъ же въ полной зависимости отъ старухи. И результатъ былъ бы тотъ, что какъ бы ни плохо было молодой женщинѣ, но терпѣніе ея продолжалось бы несравненно дольше, будучи испытываемо медленнымъ и ровнымъ гнетомъ, нежели когда оно раздражалось рѣзкими и жестокими выходками. Отсюда ясно разумѣется, что для самой Кабановой и для той старины, которую она защищаетъ, гораздо выгоднѣе было бы отказаться отъ нѣкоторыхъ пустыхъ формъ и сдѣлать частныя уступки, чтобы удержать сущность дѣла. Но порода Кабановыхъ не понимаетъ этого, они не дошли даже до того, чтобы представлять или защищать какой-нибудь принципъ внѣ себя, — они сами принципъ, и потому все, касающееся ихъ, они признаютъ абсолютно важнымъ. Имъ нужно не только чтобъ ихъ уважали, но чтобъ уваженіе это выражалось именно въ извѣстныхъ формахъ: вотъ еще на какой степени стоятъ они! Оттого, разумѣется, внѣшній видъ всего, на что простирается ихъ вліяніе, болѣе сохраняетъ въ себѣ старины и кажется болѣе неподвижнымъ,

чѣмъ тамъ, гдѣ люди, отказавшись отъ самодурства, стараются уже только о сохраненіи сущности своихъ интересовъ и значенія; но въ самомъ-то дѣлѣ внутреннее значеніе самодуровъ гораздо ближе къ своему концу, нежели вліяніе людей, умѣющихъ поддерживать себя и свой принципъ внѣшними уступками. Оттого-то такъ и печальна Кабанова, оттого-то такъ и бѣшенъ Дикой: они до послѣдняго момента не хотѣли укоротить своихъ широкихъ замашекъ, и теперь находятся въ положеніи богатаго купца наканунѣ банкротства. Все у него по прежнему: и праздникъ онъ задаетъ сегодня, и милльонный оборотъ порѣшилъ поутру, и кредитъ еще не подорванъ; но уже ходятъ какіе-то темные слухи, что у него нѣтъ наличнаго капитала, что его аферы не надежны, и завтра нѣсколько кредиторовъ намѣрены предъявить свои требованія; денегъ нѣтъ, отсрочки не будетъ, и все зданіе шарлатанскаго призрака богатства будетъ завтра опрокинуто. — Дѣло плохо... разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ, купецъ устремляетъ всю свою заботу на то, чтобы надуть своихъ кредиторовъ и заставить ихъ вѣрить въ его богатство: такъ точно Кабановы и Дикіе хлопочутъ теперь о томъ, чтобы только продолжилась вѣра въ ихъ силу. Поправить свои дѣла они ужъ и не расчитываютъ; но они знаютъ, что ихъ своевольство еще будетъ имѣть довольно простора до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ робѣть передъ ними; и вотъ почему они такъ упорны, такъ высокомѣрны, такъ грозны даже въ послѣднія минуты, которыхъ уже немного осталось имъ, какъ они сами чувствуютъ. Чѣмъ менѣе чувствуютъ они дѣйствительной силы, тѣмъ сильнѣе поражаетъ ихъ вліяніе свободнаго, здраваго смысла, доказывающее имъ, что они лишены всякой разумной опоры, тѣмъ наглѣе и безумнѣе отрицаютъ они всякія требованія разума, ставя себя и свой произволъ на ихъ мѣсто. Наивность, съ которою Дикой говоритъ Кулигину: „хочу считать тебя мошенникомъ, такъ и считаю; и дѣла мнѣ нѣтъ до того, что ты честный человѣкъ, и отчета никому не даю, почему такъ думаю“, — эта наивность не могла бы высказаться во всей своей самодурной нелѣпости, если бы Кулигинъ не вызвалъ ея скромнымъ запросомъ: „да за что же вы обижаете честнаго человѣка?...“ Дикой хочетъ, видите, съ перваго же раза оборвать всякую попытку требовать отъ него отчета, хочетъ показать, что

онъ выше не только отчетности, но и обыкновенной логики человѣческой. Ему кажется, что если онъ признаетъ надъ собою законы здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ, то его важность сильно пострадаетъ отъ этого. И вѣдь въ большей части случаевъ такъ дѣйствительно и выходитъ, — потому что его претензіи бываютъ противны здравому смыслу. Отсюда и развивается въ немъ вѣчное недовольство и раздражительность. Онъ самъ объясняетъ свое положеніе, когда говоритъ о томъ, какъ ему тяжело деньги выдавать. „Что ты мнѣ прикажешь дѣлать, когда у меня сердце такое! Вѣдь ужъ знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдамъ, отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутреную разжигать станетъ; всю нутреную разжигаетъ, да и только... Ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка“. Отдача денегъ, какъ фактъ матеріальный и наглядный, даже въ сознаніи самого Дикого пробуждаетъ нѣкоторое размышленіе: онъ сознаетъ, какъ онъ нелѣпъ, и сваливаетъ вину на то, что „сердце у него такое!“ Въ другихъ случаяхъ онъ даже и не сознаетъ хорошенько своей нелѣпости; но, по сущности своего характера, непремѣнно долженъ при всякомъ торжествѣ здраваго смысла чувствовать такое же раздраженіе, какъ и тогда, когда приходится необходимость выдавать деньги. Ему тяжело расплачиваться вотъ почему: по естественному эгоизму онъ желаетъ, чтобы ему было хорошо; все окружающее его убѣждаетъ, что это хорошее достается деньгами; отсюда прямая привязанность къ деньгамъ. Но тутъ его развитіе останавливается, эгоизмъ его остается въ предѣлахъ отдѣльной личности и знать не хочетъ ея отношеній къ обществу, къ своимъ ближнимъ. Ему надо побольше денегъ, — это онъ знаетъ, и потому желалъ бы ихъ получать, а не отдавать. Когда же, по естественному ходу дѣлъ, доходитъ до отдачи, то онъ сердится и ругается: онъ принимаетъ это какъ несчастіе, наказаніе, въ родѣ пожара, наводненія, штрафа, а не какъ должную, законную расплату за то, что для него дѣлаютъ другіе. Такъ и во всемъ: по желанію себѣ добра, онъ хочетъ простора, независимости; но знать не хочетъ закона, опредѣляющаго пріобрѣтеніе и пользованіе всякими правами въ обществѣ. Онъ только хо-

четъ больше, какъ можно больше правъ для себя; когда же нужно признать ихъ и за другими, онъ считаетъ это посягательствомъ на его личное достоинство и сердится и старается всячески оттянуть дѣло и воспрепятствовать ему. Даже когда онъ и знаетъ, что уже непремѣнно надо уступить, и уступитъ потомъ, а все-таки прежде постарается напакостить. „Я отдамъ, — отдамъ, а обругаю!“ И надо полагать, что чѣмъ значительнѣе выдача денегъ и чѣмъ настоятельнѣе необходимость ея, тѣмъ сильнѣе ругается Дикой... Изъ этого слѣдуетъ, что, во-первыхъ, ругательство и все бѣшенство его хотя и непріятны, но не особенно страшны, и кто, убоявшись ихъ, отступился бы отъ денегъ и подумалъ, что ихъ ужъ и получить нельзя, тотъ поступилъ бы очень глупо; во-вторыхъ, что напрасно было бы надѣяться на исправленіе Дикого посредствомъ какихъ-нибудь вразумленій: привычка дурить ужъ въ немъ такъ сильна, что онъ подчиняется ей даже вопреки голосу собственнаго здраваго смысла. Ясно, что его никакія разумныя убѣжденія не остановятъ до тѣхъ поръ, пока съ ними не соединяется осязательная для него, внѣшняя сила: Кулигина онъ ругаетъ, не внимая никакимъ резонамъ; а когда его самого однажды на перевозѣ, на Волгѣ, гусаръ обругалъ, такъ онъ съ гусаромъ не посмѣлъ связаться, а опять-таки выместилъ свою обиду дома: двѣ недѣли послѣ этого всѣ прятались отъ него по чердакамъ да по чуланамъ...

Всѣ подобныя отношенія даютъ вамъ чувствовать, что положеніе Дикихъ, Кабановыхъ и всѣхъ подобныхъ ему самодуровъ далеко уже не такъ спокойно и твердо, какъ было нѣкогда, въ блаженныя времена патріархальныхъ нравовъ. Тогда, если вѣрить сказаніямъ старыхъ людей, Дикой могъ держаться въ своей высокомѣрной прихотливости, не силою, а всеобщимъ согласіемъ. Онъ дурилъ, не думая встрѣтить противодѣйствія, и не встрѣчалъ его: все окружающее было проникнуто одной мыслью, однимъ желаньемъ — угодить ему; никто не представлялъ другой цѣли своего существованія, кромѣ исполненія его прихотей. Чѣмъ больше сумасбродствовалъ какой-нибудь дармоѣдъ, чѣмъ наглѣе попиралъ онъ права человѣчества, тѣмъ довольнѣе были тѣ, которые своимъ трудомъ кормили его и которыхъ онъ дѣлалъ жертвами своихъ фантазій. Благоговѣйные разсказы старыхъ

лакеевъ о томъ, какъ ихъ вельможные бары травили мелкихъ помѣщиковъ, надругались надъ чужими женами и невинными дѣвушками, сѣкли на конюшнѣ присланныхъ къ нимъ чиновниковъ и т. п., разсказы военныхъ историковъ о величіи какого-нибудь Наполеона, безстрашно жертвовавшаго сотнями тысячъ людей для забавы своего генія, воспоминанія галантныхъ стариковъ о какомъ-нибудъ Донъ-Жуанѣ ихъ времени, который „никому спуску не давалъ“ и умѣлъ опозорить всякую дѣвушку и перессорить всякое семейство, — всѣ подобные разсказы доказываютъ, что еще и не очень далеко отъ насъ это патріархальное время. Но, къ великому огорченію самодуровъ-дармоѣдовъ, — оно быстро отъ насъ удаляется, и теперь положеніе Дикихъ и Кабановыхъ далеко не такъ пріятно: они должны заботиться о томъ, чтобы укрѣпить и оградить себя, потому что отвсюду возникаютъ требованія, враждебныя ихъ произволу и грозящія имъ борьбою съ пробуждающимся здравымъ смысломъ огромнаго большинства человѣчества. Отсюда возникаетъ постоянная подозрительность, щепетильность и придирчивость самодуровъ: сознавая внутренно, что ихъ не за что уважать, но не признаваясь въ этомъ даже самимъ себѣ, они обнаруживаютъ недостатокъ увѣренности въ себѣ мелочностью своихъ требованій и постоянными, кстати и некстати, напоминаніями и внушеніями о томъ, что ихъ должно уважать. Эта черта чрезвычайно выразительно проявляется въ „Грозѣ“, въ сценѣ Кабановой съ дѣтьми, когда она въ отвѣтъ на покорное замѣчаніе сына: „могу ли я, маменька, васъ ослушаться“ возражаетъ: „не очень-то нынче старшихъ-то уважаютъ!“ — и затѣмъ начинаетъ пилить сына и невѣстку, такъ что душу вытягиваетъ у посторонняго зрителя.

Кабановъ. Я, кажется, маменька, изъ вашей воли ни на шагъ.

Кабанова. Повѣрила бы я тебѣ, мой другъ, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтеніе родителямъ отъ дѣтей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ.

Кабановъ. Я, маменька...

Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно бы перенести! А, — какъ ты думаешь?

Кабановъ. Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

Кабановъ (вздыхая, — въ сторону). Ахъ ты Господи! (матери) Да смѣемъ ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Вѣдь отъ любви родители и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ... А сохрани Господи, какимъ-нибудь словомъ снохѣ не угодить, — ну, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

Кабановъ. Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

Кабанова. *Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужъ кабы я слышала, я бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила.*

И послѣ этого сознанія старуха все-таки продолжаетъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ пилить сына. Она не имѣетъ на это никакихъ резоновъ, но у ней сердце неспокойно: сердце у нея вѣщунъ, оно даетъ ей чувствовать, что что-то неладно, что внутренняя, живая связь между нею и младшими членами семьи давно рушилась, и теперь они только механически связаны съ нею и рады были бы всякому случаю развязаться. *Добролюбовъ.*

„Бѣдность не порокъ".

Что касается главнаго дѣйствующаго лица этой комедіи, Гордея Карповича Торцова, то Добролюбовъ, конечно, имѣлъ несомнѣнное право сказать, что это „уже самодуръ въ полномъ смыслѣ". Онъ и крутъ и гордъ, и разсудка не имѣетъ, по отзыву жены его Пелагеи Егоровны. Цѣлый домъ дрожитъ передъ нимъ. Особенно грозенъ онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Африканомъ Саввичемъ Коршуновымъ и сталъ „перенимать новую моду". — Она, эта „новая мода", слышна и въ томъ, что̀ сулитъ онъ дочери, выдавая ее за этого ненавистнаго ей вдовца: „Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло: ты будешь жить въ виду, а не въ такой глуши; а другое дѣло — я такъ тебѣ приказываю". Желая показать себя передъ будущимъ зятемъ, Гордей Карпычъ ему говоритъ: „въ другомъ

мѣстѣ за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыянтъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыянтъ, онъ ученый,—изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что̀ дѣлать. А у другихъ что̀! соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ". Жена его, какъ извѣстно, другого мнѣнія. „Люблю по-старому,— говоритъ она,— да по-нашему, по-русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ, что дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да чтобъ попотчевать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники"... „Теперь все ему наше русское не мило", жалуется она Митѣ на мужа еще въ самомъ началѣ комедіи: „ладитъ одно: хочу по-нынѣшнему... Надѣнь, говоритъ, чепчикъ... Модное-то ваше, да нынѣшнее, говорю я ему, каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконъ вѣка живетъ". По претензіямъ на образованіе Гордей Карпычъ напоминаетъ Липочку Большову. Про нее, право, можно было бы сказать, что Добролюбовъ говоритъ про Гордѣя Карпыча: „умѣетъ извлечь изъ претензій на образованность только увеличеніе требованій и правъ своихъ, но никакъ не расширеніе своихъ собственныхъ обязанностей". Въ этомъ отношеніи Торцовъ отчасти напоминаетъ нашихъ баръ XVIII в., которые, нарядившись во французскій кафтанъ, сочли себя имѣющими тѣмъ болѣе права выжимать сокъ изъ „подлаго" народа.

Обращаясь къ тѣмъ, кому приходится терпѣть отъ самодурства Гордея Карпыча, Добролюбовъ, справедливо, конечно, замѣтилъ: „и вѣдь если бы еще, въ самомъ дѣлѣ, сила неодолимая, натура высшаго разряда тяготѣла надъ этими несчастными! А то вовсе нѣтъ!... Гордѣй Карпычъ не только крайне ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще труслива и слабодушенъ. Это опять-таки неотъемлемое, неизбѣжное свойство самодурства. Самодуръ дуритъ, ломается, артачится, пока не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія, или пока противодѣйствіе робко и нерѣшительно; но у него нѣтъ такой точки опоры, которая могла бы поддержать его въ серіозной и рѣшительной борьбѣ. Если вы хотите служить и вести дѣло честно, не бойтесь вступить въ серіозный рѣшительный споръ съ самодурами, рѣшитесь заранѣе, что вы

на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы отъ этого угрожала вамъ дѣйствительная опасность потерять мѣсто или лишиться какихъ-либо милостей". Все это прекрасно сказано и этимъ только указывается вообще на возможность не поддаваться средѣ. Но вѣдь и Митя не желалъ бы поддаться. Правда. Митѣ приходится только задаромъ хвалиться: „Посажу ее въ саночки-самокаточки да и былъ таковъ. Не видать ее тогда старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ за одно ужъ погибать!..." Но если его слова не переходятъ въ дѣло, то это едва ли объясняется смиреніемъ, т.-е. уступчивою искательностью ради своихъ выгодъ. Вспомнимъ коротенькій, но содержательный разговоръ его съ Гордеемъ Карпычемъ.— „Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ,— говоритъ ему Торцовъ.— Вѣдь, къ намъ наверхъ ходишь, гости бываютъ... Срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?— „Маменькѣ посылаю, потому что она въ старости, ей негдѣ взять". — „Матери посылаешь! Ты себя-то образилъ бы прежде; матери-то не Богъ знаетъ, что нужно, не въ роскоши воспитана; чай сама хлѣвы затворяла". — „Ужъ пущай же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается".— Вотъ почему Митя только говоритъ: „Эхъ, дайте душѣ просторъ — рязгуляться хочетъ! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ итти, такъ ужъ то буду знать, что потѣшился". Не одна своя голова у него на плечахъ, и вотъ онъ призадумывается надъ тѣмъ, въ чемъ заключается его собственное счастье. Но вѣдь это же и счастіе другого существа, Любови Гордеевны? Да, но онъ знаетъ ее: и счастье ей будетъ въ несчастье, если онъ увезетъ ее противъ отцовской воли. Она, въ самомъ дѣлѣ, сдается передъ самоуправствомъ, хотя, кто знаетъ, вся ли высказывается она на словахъ, не гнѣздятся ли въ ея душѣ и затаенная мысль все о той же Митиной матери? И ждала бы отъ нея, пожалуй, судя по своему Митѣ, всего добраго, да не броситъ же Митѣ свою старушку, а чѣмъ-то имъ будетъ жить втроемъ? Старушка уже дряхла, какъ-то Митя себѣ отыщетъ новое мѣсто при возможной стачкѣ съ купцами, а Люба-то вѣдь ничему не обучена; въ этомъ, разумѣется, она безгласная жертва, самодурства, и мысль о трудѣ, вѣроятно, не приходила ей въ голову. Какъ бы то ни было, не мало разныхъ побужденій должно шевелиться у нея въ душѣ, не

мало разныхъ мыслей проходитъ чрезъ ея голову, Ап. Григорьевъ, умѣя глубоко заглядывать въ разнородный составъ человѣческой души, имѣлъ право сказать: „Любовь Гордеевна—одинъ изъ прелестнѣйшихъ, хотя и слегка очерченныхъ женскихъ образовъ Островскаго, — не забитая личность, возбуждающая только сожалѣніе, а высокая личность, привлекающая все наше сочувствіе, какъ не забитыя личности „ни Марья Андреевна въ „Бѣдной невѣстѣ", ни Пушкинская Татьяна, ни Лиза (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ"— „ваша Лиза", какъ выразился Григорьевъ, придавъ своей критики форму письма къ Тургеневу). Бытъ, составлявшій фонъ широкой картины, взятъ—на всякіе глаза, кромѣ глазъ теоріи—не сатирически, а поэтически, съ любовію, съ симпатіею очевидными, скажу больше—съ религіознымъ культомъ существеннаго народнаго". Да, бытъ тутъ взятъ точно, такъ же, какъ Пушкинымъ, какъ Тургеневымъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы все въ этомъ быту представлялось поэту разумнымъ. Пушкинъ былъ, конечно, далекъ отъ того, чтобы проповѣдовать русскимъ дѣвушкамъ тихое пристанище въ монастырскихъ стѣнахъ. Такъ и Островскій вовсе не рекомендуетъ прелестей брака со старымъ вдовцомъ, а только не караетъ своей Любови Гордеевны за то, что она не бѣжитъ съ Митей, а въ грустномъ раздумьи не знаетъ, что ей дѣлать? Какъ хорошъ, какъ многосодержателенъ ея короткій разговоръ съ Коршуновымъ.

„— Вотъ что скажу вамъ, драгоцѣнная моя барышня: молодые-то загуливать любятъ, веселости, да развлеченія, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А пріѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ—прочь не отойдетъ.

„— А васъ-то жена-покойница любила?

„— А вамъ, сударыня, на что это?

„— Такъ, хотѣлось знать.

„— Знать хотѣлось?... Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобы ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила!

„— Любви золотомъ не купишь.

„— Люби не люби, да почаще взглядывай! Имъ, вишь, деньги нужны были, нечѣмъ было жить. Я давалъ, не отказывая, а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Что жъ я воленъ этого требовать, или нѣтъ? Я вѣдь за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я полюблю, тому хорошо жить на свѣтѣ, а ужъ кого не полюблю, такъ не пеняй".

Отъ грозящей бѣдняжкѣ Любови Гордеевнѣ золотой клѣтки спасаетъ ее близкій ей человѣкъ, но такой, на котораго ни она ни Митя ужъ, конечно, не разсчитывали. У Мити, какъ у сказочнаго Иванушки, душа широкая. Мало у него за душой, а нѣтъ, нѣтъ да и дастъ гривенничикъ Любиму Карпычу Торцову, родному брату своего хозяина, который его и не хочетъ знать за пропащую его жизнь. Любимъ Карпычъ, не имѣющій даже и своего угла, скажетъ Митѣ: „я ночевать къ тебѣ приду", и въ самомъ дѣлѣ придетъ и ночуетъ. И вдругъ, безъ малѣйшаго расчета съ Митиной стороны, пригодился ему Любимъ Торцовъ, какъ Иванушкѣ пригодилась какая-то птица, которой птенчиковъ онъ пригрѣлъ.

А вѣдь безпутный человѣкъ Любимъ Карпычъ. Да, но онъ самъ больше всѣхъ и чувствуетъ свое безпутство, и вотъ этимъ-то въ самымъ корнѣ и отличается онъ отъ Африкана Саввича, который когда-то точно такъ же гулялъ, но котораго вывезло то, что онъ и надуть умѣлъ и на надувательствѣ соорудилъ себѣ спасительную пристань, чтобы затѣмъ къ ней пристать и зажить уже степенно, но широко, зажить въ роскоши на томъ берегу, на который ему удалось таки выплыть.

„Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ-малъ-малехонекъ, съ коломенскую версту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ", самъ на свой счетъ прохаживался Любимъ Карпычъ, исповѣдуясь Митѣ. „Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ. Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужъ какъ онъ тамъ раздѣлилъ — не наше дѣло, Богъ ему судья". Не желая судить, обвинять другихъ, когда и самъ виноватъ, Любимъ Торцовъ не думаетъ о томъ, что у братца, когда онъ взялъ себѣ заведеніе, а ему отдалъ деньги, былъ, можетъ-быть, и расчетъ на то, что деньги легче спустить, а что заведеніе устойчивѣе. Есть, вѣдь, и

такая черта въ людяхъ — она подмѣчена психологіею народныхъ сказокъ — что люди не терпятъ чужого счастія, чужого благосостоянія, что даже братъ способенъ бываетъ глядѣть на братнино счастье, какъ на какую-то помѣху своему собственному. „Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать, — продолжаетъ Любимъ, — нельзя не ѣхать. Надо людей посмотрѣть, себя показать, высокаго тону набраться... Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣлся франтомъ, знай, дескать, нашихъ! То-есть такаго-то дурака разыгрываю, что на рѣдкость. Сейчасъ, разумѣется, по трактирамъ... „Шпиленъ зи полька, еще бутылочку похолоднѣе“. У него, видно, какъ у брата Гордея, было своего рода тяготѣнье къ *цивилизаціи*. Но Гордей, разумѣется, оставался совершенно чуждъ той артистической жилки, которая сказывалась въ культурныхъ вожделѣніяхъ Любима. Вотъ эта-то жилка, быть можетъ, и содѣйствовала тому, чтобы не въ конецъ заглохло въ Любимѣ то, что называется „искрой Божіей“. „Я въ трагедію ходилъ смотрѣть, — говоритъ онъ, хотя и прибавляетъ, можетъ-быть, и преувеличивая, въ порывѣ самоосужденія, будто „не помнитъ ничего, потому что больше все пьяный“. „Такимъ-то побытомъ, — доходитъ до развязки Любимъ, — деньжонки всѣ я ухнулъ; что осталось, довѣрилъ пріятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; съ нимъ же и я пилъ да гулялъ, онъ же всему безпутству заводчикъ, главный заторщикъ изъ бражнаго, онъ же меня и надулъ, вывелъ на свѣжую воду. И сѣлъ я, какъ ракъ на мели“. Дѣло дошло до того, что хоть петлю на шею. „Есть ремесло хорошее, — попрежнему издѣвается надъ своимъ положеніемъ Любимъ, — коммерція выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дѣло — совѣсть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряетъ“. Сказалъ было словечко и въ свою пользу, да и сейчасъ же и отговаривается, будто скорѣе его удержали практическія соображенія. А вѣдь дѣло-то именно въ томъ, что совѣсть въ немъ не заснула, тогда какъ она спитъ и въ Коршуновѣ, и въ Гордѣѣ Карпычѣ. Не сдѣлавшись воромъ, сдѣлался бѣдняга-Любимъ скоморохомъ. „Какъ пріѣдетъ, — говоритъ онъ, — особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣнце, ну и дастъ, кто-пятачекъ, кто гривну“. Стыдно, однако,

такъ жить. Не лучше ли взяться за трудъ? „Такъ ужъ рѣшился, — продолжаетъ онъ, — сходить Богу помолиться да итти къ брату, пусть возьметъ хоть въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. Бухъ ему въ ноги! Будь, говорю, вмѣсто отца! Жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться. А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ? Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему, оправь, обласкай, я человѣкъ буду. Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ, купцы богатые, дворяне; ты говоритъ, съ меня голову снимешь". Ну, совершенно какъ въ народныхъ сказкахъ. Только у Гордея проступаетъ и тутъ незнакомый имъ оттѣнокъ культурности. „По моимъ чувствамъ и понятіямъ, мнѣ бы совсѣмъ, говоритъ, не въ этомъ роду родиться. Я видишь, говоритъ, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ". Въ этомъ смыслѣ Гордей напоминаетъ Алексѣя Лохматаго, только тотъ не сразу, а постепенно, все болѣе и болѣе скатываясь внизъ, по мѣрѣ того, какъ думаетъ подняться вверхъ, доходитъ до подобнаго презрѣнія къ своимъ, къ своему происхожденію. „Сразилъ онъ меня, какъ громомъ, — говоритъ о братѣ Любимъ. — Съ этихъ-то словъ я опять сталъ зашибаться немного. Ну, да я думаю, Богъ съ нимъ, у него вотъ эта кость толста". Но дѣло не столько тутъ въ мѣднолобіи, сколько въ заспавшейся совѣсти. Впрочемъ, одно съ другимъ граничитъ.

Но вотъ, должно быть, провѣдалъ Любимъ, что у Гордея Карпыча уже и сговоръ съ Коршуновымъ. Жалость, должно-быть, его разобрала, жалость къ племянницѣ, жалость къ Митѣ, смиренному въ самомъ хорошемъ смыслѣ; не важничающему съ бѣдняками и даже съ несчастными гулящими, доброму Митѣ. Впрочемъ, Любимъ еще заранѣе сказалъ послѣднему про Гордея Карповича: „ну, да я съ нимъ штуку сдѣлаю; дуракамъ богатство — зло". И Любимъ Карпычъ, въ своемъ обычномъ забубенномъ костюмѣ, является вдругъ въ гостинной брата, не стыдясь его новой „небели" и его фицыянтовъ, да еще протягиваетъ руку Коршунову. „Я тебя, братецъ помню, — говоритъ тотъ, — ты по городу ходилъ, по копеечкѣ сбиралъ". — „Ты помнишь, какъ я по копеечкѣ собиралъ, а помнишь ли ты, какъ мы съ тобой погуливали, осеннія темныя ночи просиживали, изъ трактира въ погребокъ перепархи-

вали? А не знаешь ли ты, кто меня разорилъ, съ сумой по міру пустилъ?“ Но Любимъ Торцовъ на этомъ не останавливается. Когда Гордей, увидавъ его у себя, кричитъ ему: „что ты со мной дѣлаешь? вонъ сейчасъ“, Любимъ и не думаетъ уходить, а преспокойно задаетъ Коршунову задачу: „отчего у осла длинныя уши“, самъ же и рѣшая ее затѣмъ: „для того, чтобы всѣ знали, что онъ оселъ“. Милому же братцу, Гордею Карпычу, задаетъ онъ вопросъ: „Честный ты купецъ или нѣтъ? Коли ты честный, не водись съ безчестнымъ, не трись подлѣ сажи — самъ замараешься“. Сколько ни уговариваютъ его, у Любима одинъ отвѣтъ: „не замолчу, теперь кровь заговорила!“ Обращаясь къ входящимъ гостямъ, онъ обращается къ нимъ точно къ міру — народу: „Послушайте люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонятъ вонъ. А чѣмъ я не гость? За что меня гонятъ (не даромъ онъ еще раньше спросилъ брата: „ты думаешь, пьянъ Любимъ Торцовъ?“ сознавая себя теперь трезвымъ, онъ сознаетъ въ себѣ человѣческое достоинство). Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ: я бѣдныхъ не грабилъ, чужого вѣку не заѣдалъ, жены ревностью не замучилъ... Меня гонятъ, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что жъ, ничего, ему другую жену дадутъ: братъ за него дочь отдаетъ!“ И Любимъ вправѣ говорить о своей чистой совѣсти — по крайней мѣрѣ, сравнительно съ братомъ и его нареченнымъ зятемъ; онъ вредитъ и вредитъ лишь себѣ, *онъ чужого вѣку не заѣдалъ*. Напрасно Коршуновъ увѣряетъ: „это онъ по злобѣ на меня говоритъ спьяну“.—Я тебѣ давно простилъ, — спокойно отвѣчаетъ Любимъ Торцовъ. — Я человѣкъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла не дѣлай“, заключаетъ онъ, считая себя даже слишкомъ ничтожнымъ, чтобъ стоять за себя и мстить, но чувствуя себя „власть имущимъ“, если онъ заступается за другихъ, за безвинную жертву родного отца. Сознавая въ себѣ эту власть, онъ вдругъ нравственно выростаетъ, онъ повелительно говоритъ, когда братъ приказываетъ его вывесть: „Не трогать! Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ!“ И видя, что все кругомъ, недоумѣвая, молчитъ, онъ уже со всею плотностью своего человѣческаго достоинства заключаетъ: „О люди, люди! Любимъ

Торцовъ пьяница, а лучше васъ! Вотъ теперь я самъ пойду: шире дорогу!" Если вѣрно, что отъ высокаго до смѣшного часто бываетъ всего одинъ шагъ, то тутъ выходитъ наоборотъ, что отъ смѣшного до высокаго тоже одинъ шагъ.

У Любима Торцова, по его словамъ, заговорила кровь. Но у него также заговорило и прирожденное человѣку чувство правды. Съ такою же смѣлостью далъ ему впослѣдствіи зазвучать Островскій — только на поприщѣ неизмѣримо-расширенномъ — зазвучать устами Минина:

Не самъ я говорилъ, кровь заговорила.

Когда же вздумали ему пригрозить:

А скажу замолчать, такъ замолчишь.

Онъ съ невозмутимою увѣренностію отвѣтилъ:

Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить...

Во имя тѣхъ же державныхъ правъ человѣческаго языка, какъ органа Божьей правды, заговорилъ и не позволилъ себя остановить и Любимъ Торцовъ. Онъ заговорилъ безъ опредѣленнаго плана, безъ вѣрнаго расчета на то, чтобы, разбудить Коршунова, заставить его разобидѣть Торцова и такимъ образомъ стравить и затѣмъ развести двухъ столкнувшихся самодуровъ. Но такъ оно выходитъ на самомъ дѣлѣ — и въ этомъ глубокая психологія нашей драмы (тутъ ужъ не скажешь: комедія). „Шалишь, — говоритъ любезному тестюшкѣ Коршуновъ, — я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да мнѣ покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ". Но вотъ тутъ-то коса и находитъ на камень. „Я къ тебѣ пойду кланяться?" гордо спрашиваетъ Гордей. „Пойдешь, я тебя знаю, — отвѣчаетъ Коршуновъ. „Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое". Но это выходитъ уже черезъ край. „Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, — отрѣзаетъ Гордей Карпычъ, — я самъ тебя знать не хочу. Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ! Съ деньгами, что̀ я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ". Тутъ, какъ разъ, входитъ Митя, и Гордей, расходившись, приговариваетъ: „Вотъ за Митьку

отдамъ!... Завтра же, да такую свадьбу задамъ, что ты не видывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду“.

Разнаго рода критика, по замѣчанію Добролюбова, возстала на автора за произвольность развязки. „Внезапная перемѣна Гордея Карповича, его ссора съ Африканомъ Саввичемъ и вниманіе къ требованіямъ Любима Торцова показалась имъ неестественными“. Самъ Добролюбовъ справедливо выступилъ на защиту Островскаго, замѣтивъ: „одинъ самодуръ говоритъ: „ты не смѣешь этого сдѣлать!“ а другой отвѣчаетъ: „нѣтъ смѣю“. Тутъ споръ идетъ уже о томъ, кто кого передуритъ“.

„За Митьку, да! — продолжаетъ Гордей хорохориться.— „На зло ему, за Митьку отдамъ“. Напрасно, однакожъ, Митя, подъ вліяніемъ внезапной радости, сейчасъ и принялъ эти слова за чистую монету. Да, напрасно онъ расчувствовался, говоря: „Зачѣмъ же на зло, Гордей Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло не надобно-съ. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли ужъ есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ какъ слѣдуетъ, по-родительски, съ любовію... Какъ любили мы другъ друга и даже до этого случая хотѣли вамъ повиниться... А ужъ я вамъ вмѣсто сына, то-есть завсегда, всей душой-съ“. Чуть было онъ этимъ не испортилъ всего дѣла. „Что̀, что̀ всей душой? — говоритъ Гордей Карпычъ: — Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что̀ она, ровня, что ль, тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!“ Но не даромъ же раздалось смѣлое слово Любима Торцова. Много значитъ смѣлое слово, и не пропадаетъ оно даромъ. Даетъ оно знать и другимъ, что нельзя молчать, подсказываетъ оно и другимъ, что грубая сила должна же сдаться передъ правдивымъ словомъ. Заговорила и безгласная, безпрекословная Любовь Гордеевна: „Я тятенька вашей воли не перечила. Коли хотите моего счастья, отдайте меня за Митю“. Заговорила и Пелагея Егоровна: „Что ты, въ самомъ дѣлѣ, Гордей Карпычъ капризничаешь, да!... Я было ужъ обрадовалась, насилу-то отъ сердца отлегло, а ты опять за свое... То скажешь за одного, то за другого. Что̀ она тебѣ, на мытарство, что ли, досталась?“ Снова заговорилъ, выдвигаясь изъ толпы, бывшей свидѣтельницей всего предыдущаго, и Любимъ Кар-

пычъ, заговорилъ ровнымъ, но проникающимъ въ душу голосомъ: „Братъ, отдай Любушку за Митю". Ужъ напрасно теперь Гордей Карпычъ думаетъ защититься отъ пересиливающихъ его — тѣмъ, что ссылается на конфузъ, до котораго его довелъ Любимъ. „А ты еще съ совѣтами лѣзешь",— пытается онъ еще разъ отпихнуть его. — Ужъ пускай бы говорилъ человѣкъ, да не ты".—„Да ты поклонись Любиму Торцову въ ноги, что онъ тебя оконфузилъ-то", не сдаваясь попрежнему, властнымъ тономъ ему говоритъ Любимъ, а Пелагея Егоровна отъ всей полноты сердца подхватываетъ: „Да, именно. Снялъ ты съ нашей души грѣхъ великій; не замолить бы намъ его".—„Что жъ, я — извергъ, что ли какой въ своемъ семействѣ", начинаетъ совсѣмъ сдаваться Гордей Карпычъ. Изъ этого вы уже замѣчаете — сказано и у Добролюбова, — что его начинаетъ пробивать великодушіе. Разъ уже поставилъ на своемъ, прогнавъ Коршунова, и слѣдовательно самолюбіе его удовлетворено покамѣстъ. Къ тому же онъ уже и утомленъ напряженіемъ, которое сдѣлалъ, и не въ состояніи снова собрать ту же энергію для другой борьбы. А тутъ вмѣстѣ съ кроткими мольбами жены допекаютъ его разсужденія и назойливыя просьбы брата Любима, который говоритъ съ нимъ смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ умолчаній, подкрѣпляя просьбы свои доказательствами, взятыми изъ собственнаго опыта". „Посмотри на меня",— говоритъ онъ,— вотъ тебѣ примѣръ — Любимъ Торцовъ передъ тобой живой стоитъ. Онъ по этой дорожкѣ ходилъ, знаетъ какова она (т.-е. дорога богатства безъ руководящихъ правилъ). Я былъ и богатъ и славенъ, въ каретахъ ѣздилъ, такія шутки выкидывалъ, что тебѣ и въ голову не придетъ, а потомъ верхнимъ концомъ, да внизъ". Но Гордей Карпычъ дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы отпихнуть его, говоря: „Ты мнѣ что ни говори, я тебя слушать не хочу; ты мнѣ врагъ на всю жизнь".—„Человѣкъ ты или звѣрь?— окончательно напираетъ на него братъ: — пожалѣй ты Любима Торцова". Тутъ и колѣни невольно подкашиваются у Любима: онъ уже не бичуетъ и требуетъ, а слезно молитъ. Поднявшись на ту высоту человѣческаго достоинства, на которую вдругъ его подняло занятое имъ положеніе глашатая правды, онъ, оглядываясь на себя, въ ужасъ приходитъ отъ предстоящаго ему возврата на прежнюю низменную линію, и хватается

за Митино счастье, какъ за единственный якорь для своего спасенія. „Братъ, отдай Любушку за Митю, — причитаетъ Любимъ: — онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; ходь подъ старость-то да честно жить. Вѣдь, я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей“. У меня, хочетъ онъ сказать, будетъ то, чего ты не захотѣлъ мнѣ дать, какъ бы мало оно тебѣ ни стоило; такъ дай же хоть другому-то дать мнѣ, чего самъ не далъ. А вѣдь Митя дастъ. „Что онъ бѣднякъ-то? Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человѣкомъ былъ. Бѣдность — не порокъ!“ Тутъ только стоитъ еще подсказать Пелагеѣ Егоровнѣ: „неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?— и Гордея уже прошибаетъ слсза. „А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ? — спрашиваетъ онъ, поднимая брата: — Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія“. Благословляя и дочь и Митю, онъ даже велитъ имъ сказать спасибо дядѣ Любиму Карпычу.

Драма кончается переходомъ опять въ комедію, благодаря развеселой выходкѣ Разлюляева, которую онъ какъ бы утѣшаетъ себя за то, что приходится уступить Митѣ Любовь Гордеевну, любимую имъ втихомолку. „Это онъ правду говоритъ: пьянство — не порокъ... то бишь, бѣдность — не порокъ... Вотъ всегда проврусь!“ *Миллеръ.*

Художественное и національное значеніе комедій Островскаго.

Мѣсто Островскаго среди первоклассныхъ отечественныхъ писателей опредѣляется, во-первыхъ, его большимъ, глубокимъ поэтическимъ дарованіемъ, во-вторыхъ — національнымъ содержаніемъ его поэзіи, а въ-третьихъ — оригинальными достоинствами художественной формы его произведеній. Островскій — поэтъ-художникъ, поэтъ-реалистъ въ чистѣйшемъ значеніи этого слова. Къ нему вполнѣ подходятъ основныя черты, которыми еще Бѣлинскій — по поводу разбора сочиненій Гончарова — охарактеризовалъ такихъ поэтовъ. И Островскій, какъ всѣ они „мыслитъ образами“ и воспроизводитъ изо-

бражаемую дѣйствительность въ живыхъ, типическихъ образахъ. Онъ равно далекъ какъ отъ преднамѣренныхъ идей, такъ и отъ фотографическихъ снимковъ готовыхъ отдѣльныхъ фактовъ дѣйствительности. Вотъ почему въ сочиненіяхъ его нѣтъ такъ-называемой тенденціозности, а вездѣ живымъ ключомъ бьетъ поэтическая правда изображаемой дѣйствительности. Не копіи частныхъ, отрицательныхъ явленій русской жизни даетъ Островскій въ своихъ произведеніяхъ, а художественныя созданія, полные силы и значенія типы. Они богаты содержаніемъ, они много говорятъ сердцу и мысли читателя (или зрителя). Они властною рукою ведутъ читателя къ пониманію цѣлой изображаемой эпохи или — значительныхъ слоевъ родной общественности. На созданіяхъ Островскаго оправдалось и то слово, которымъ Гоголь охарактеризовалъ творчество истинныхъ поэтовъ, у которыхъ довольно глубины душевной, чтобы „озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья“ („Мертвыя души“. Т. I. Гл. VII).

Національность содержанія во всѣхъ произведеніяхъ Островскаго составляетъ ихъ основную почву. На этой почвѣ стоитъ весь строй и смыслъ, вся сила и занимательность поэтическаго произведенія, — беретъ ли Островскій предметы изъ русской современности, или же изъ нашего отдаленнаго, историческаго прошлаго. Въ огромномъ большинствѣ сочиненій Островскаго разработано содержаніе, взятое изъ тѣхъ именно слоевъ русской жизни, которые наименѣе разработаны у предшествующихъ, даже лучшихъ, отечественныхъ писателей. Это — слои купечества и мѣщанства. Купеческій и мѣщанскій міръ захваченъ Островскимъ въ самый любопытный моментъ, именно — между прежнимъ его состояніемъ, домостроевскимъ складомъ вѣрованій, понятій и обычаевъ, и новымъ состояніемъ, т.-е. сравнительно недавними успѣхами отечественной образованности, которые, озаривши верхніе слои русской жизни, стали пробиваться свѣтлыми лучами и въ низменныя, темныя области русской семейственности и общественности. Этотъ, до послѣдняго времени, замкнутый міръ купечества и мѣщанства раскрытъ Островскимъ въ широкихъ, яркихъ, типическихъ картинахъ и, благодаря такому содѣйствію поэзіи, сразу и навсегда поступилъ богатымъ кладомъ въ русскую художественную литературу. Кромѣ

главнаго господствующаго содержанія въ сочиненіяхъ Островскаго, въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ — во вторую половину его поэтической дѣятельности — встрѣчается и другое содержаніе: сюжеты изъ жизни мелкаго чиновничества и даже изрѣдка — дворянства и, вообще, среднаго круга русской интеллигенціи. Наконецъ, въ нѣскольхихъ сочиненіяхъ шестидесятыхъ годовъ, именно въ драматическихъ хроникахъ, широко и величественно развертывается картина отечественной исторической старины, преимущественно — смутной эпохи нашей исторіи, начала XVII столѣтія.

Общее впечатлѣніе бытовыхъ комедій и драмъ Островскаго, т.-е. тѣхъ пьесъ, въ которыхъ раскрываются сильнѣйшія, типическія черты и явленія грубой и обособленной, недавно еще вполнѣ замкнутой, среды купечества и мѣщанства, очень тяжело. Въ нихъ на каждомъ шагу чувствуется угнетенное, приниженное положеніе одной категоріи дѣйствующихъ лицъ и угнетающее, подавляющее значеніе другой категоріи дѣйствующихъ лицъ. Своеобразный трагизмъ положеній замѣчается повсемѣстно: съ одной стороны, тѣ, которыхъ гнетутъ и давятъ, не имѣютъ возможности не только побѣдить гнета въ открытой борьбѣ, но даже и прямо вступить въ борьбу; съ другой стороны, тѣ, которые гнетутъ и давятъ, не по злодѣйству, а по тупости и невѣжеству понятій, преданій и обычаевъ, не могутъ сознать своихъ заблужденій, сами являются жертвами своего невѣжества, и только развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ, и то лишь сердечнымъ чутьемъ, пробиваются изъ своихъ потемокъ къ свѣту. И тогда становится вдругъ замѣтно, что и эти люди, по природѣ, не дурные и достойны соболѣзнованія и состраданья за ихъ умственную неразвитость, за ихъ нравственное убожество.

Въ бытовыхъ пьесахъ Островскаго очень рельефно выставлены два рода человѣческихъ отношеній: *семейныхъ* и *по имуществу*. Вотъ отчего завязки и самыя названія пьесъ вертятся преимущественно около семьи, жениха, невѣсты, мужа, жены, родителей и дѣтей, богатства и бѣдности. На этихъ же предметахъ происходятъ и всѣ столкновенія и катастрофы между двумя партіями лицъ: старшими и младшими, богатыми и бѣдными, угнетающими и угнетенными, самоуправными и безотвѣтными. Представителями первой партіи, въ большей части бытовыхъ пьесъ Островскаго, являются

типы мужскіе. Это — люди богатые и властные, буйные самодуры, не желающіе, въ своей семейной средѣ, знать никакой управы надъ собою. Таковы самодуры: Большовъ („Свои люди — сочтемся“), Барсуковъ („Въ чужомъ пиру похмелье“), Торцовъ („Бѣдность не порокъ“), Дикой („Гроза“) и другіе. Впрочемъ, попадаются и женщины, напримѣръ: Уланбекова („Воспитанница“), Кабанова или Кабаниха („Гроза“) и другія. Представителями послѣдней партіи, т.-е. младшихъ, подневольныхъ, бѣдныхъ, угнетенныхъ физически и нравственно являются безотвѣтные, безвластные женскіе типы и тѣ изъ мужскихъ, которымъ или еще не удалось, или никогда не суждено выбраться изъ своего угнетеннаго положенія. Таковы, напримѣръ: Любовь Гордеевна („Бѣдность не порокъ“), Авдотья Семеновна („Не въ свои сани не садись“), Марья Андреевна („Бѣдная невѣста“), Надя („Воспитанница“), Катерина („Гроза“), Даша („Не такъ живи, какъ хочется“), Митя („Бѣдность не порокъ“), Андрей („Въ чужомъ пиру похмелье“) и другіе. По самому свойству содержанія въ этихъ пьесахъ заранѣе можно угадывать, какого рода столкновенія дѣйствующихъ лицъ могутъ происходить въ этой средѣ и какого рода послѣдствія отъ этихъ столкновеній неизбѣжны для партіи слабыхъ и угнетенныхъ. Подъ владычествомъ самодурства, для угнетенныхъ не остается никакого простора развивать свои способности, или хотя выразить ихъ открытымъ образомъ. Всѣ лучшіе человѣческіе порывы — къ свободѣ мысли и чувства, къ наукѣ и поэзіи — прижаты въ нихъ и задавлены. Борьбы открытой, честной здѣсь быть не можетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ существо съ глубокими, возвышенными чувствами и сильною душой (напримѣръ, Катерина въ „Грозѣ“) въ преждевременной смерти ищетъ спасенія отъ этой безвыходной нравственной духоты. Въ большинствѣ же положеній совершается полное порабощеніе личности. А если и попадется натура болѣе живучая, то она затаитъ въ себѣ горечь и негодованіе, съежится и, крадучись, начнетъ потихоньку, воровски, съ оглядкою, при помощи безконечныхъ обмановъ, изворачиваться въ своей путаницѣ, выползать изъ-подъ своего задавленнаго положенія — къ свѣту и возможному простору. Безъ системы обмана и наживы тутъ нельзя обойтись: такъ учитъ здѣсь всѣхъ угнетенныхъ опытъ жизни. И вотъ всѣ и постоянно обманываютъ другъ друга: пріятель

обсчитываетъ пріятеля (Пузатовъ Ширялова — „Семейная картина“), компаніонъ старается забрать въ свои руки всѣ деньги и документы, а своего патрона засадить въ яму, за долги (Подхалюзинъ Большова — „Свои люди — сочтемся“); тесть надуваетъ зятя приданымъ (Пузатовъ Ширялова — „Семейная картина“); мать преподаетъ сыну плутовство и обманъ въ торговлѣ, а палку и плетку въ семьѣ (тамъ же); женихъ обсчитываетъ и надуваетъ сваху („Свои люди — сочтемся“); дочь-невѣста проводитъ отца и мать („Бѣдность не порокъ“ и „Свои люди — сочтемся“); жена обманываетъ мужа („Семейная картина“, „Не такъ живи, какъ хочется“) и т. д. И повсюду тутъ плутовство и обманъ. Добрыя и святыя начала нравственности отсутствуютъ потому, что въ изображаемой средѣ человѣческое достоинство задавлено, свобода личности не существуетъ, любовь и честь, правда и законъ — одни слова, о честномъ трудѣ никто не думаетъ. Въ мірѣ бытовыхъ пьесъ Островскаго тяжелѣе всего то, что всѣ самодурные герои и героини, общими силами, точно по уговору, воюютъ противъ всякаго нравственнаго и чистаго человѣка, чувствуютъ въ немъ свое обличеніе. Примиряющимъ, идеальнымъ началомъ въ этихъ же пьесахъ является объективная, поэтическая правда изображенія типовъ и психологическая вѣрность въ передачѣ основныхъ, человѣческихъ душевныхъ свойствъ и стремленій. Чувствуется глубокое знаніе авторомъ этой среды, совершенное безпристрастіе въ выраженіи впечатлѣній отъ этой душной жизни и въ то же время — непоколебимая вѣра поэта въ непремѣнное торжество нравственнаго начала человѣческой природы, какъ только обстоятельства жизни перемѣнятся къ лучшему. Накопленія неправды, невѣжества, грубости, самоуправства развиваются подъ перомъ поэта, съ такою неотразимой убѣдительностью, что въ душѣ читателя (или зрителя) сами собою, все полнѣе и отчетливѣе, складываются привлекательные образы такихъ людей, у которыхъ правда, просвѣщеніе, благородство, и нѣжность чувствъ, уваженіе къ личности человѣка составляютъ основу ихъ собственной нравственной характеристики. Такимъ образомъ, пьесы Островскаго, такъ же какъ и небольшая семья художественныхъ произведеній лучшихъ нашихъ драматурговъ, служатъ высокому идеальному началу.

Въ историческихъ пьесахъ Островскаго, т.-е. его драма-

тическихъ хроникахъ, авторъ, оставаясь вѣрнымъ духу времени и историческихъ событій, даетъ волю своей творческой фантазіи, чтобы въ живыхъ, говорящихъ образахъ представить отдаленную эпоху въ болѣе наглядномъ видѣ, приблизить ее къ намъ, раскрыть передъ нами душевныя движенія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей и черезъ посредство такихъ изображеній дать намъ почувствовать ихъ радости и печали, ихъ убѣжденія и стремленія, понять смыслъ и духъ родной старины. И картины народныхъ движеній, и развитіе характеровъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ участниковъ въ этихъ драматическихъ хроникахъ развертываются у Островскаго широко и производятъ впечатлѣніе величественное и глубокое. Оно становится особенно сильно и значительно въ тѣхъ мѣстахъ драмъ, гдѣ частные интересы, личныя страсти и стремленія блѣднѣютъ передъ движеніями народными, во имя основныхъ, всенародныхъ идеаловъ, въ моменты наибольшаго напряженія національныхъ силъ для рѣшенія задачъ народнаго, религіознаго, государственнаго значенія. Въ этомъ смыслѣ, драматическія хроники Островскаго, служа поэтическимъ цѣлямъ, въ то же время составляютъ яркое, художественное дополненіе и разъясненіе русской исторической науки.

Пьесы Островскаго различны по объему, содержанію, идеѣ и художественному значенію. Ихъ удобно расположить въ слѣдующихъ группахъ: 1) драматическія сцены или картины нравовъ; 2) бытовыя, художественныя комедіи и драмы; 3) историческія драмы или драматическія хроники. Въ первой группѣ замѣчательны: „Семейная картина“, 1847 г., — „Утро молодого человѣка“, 1850, — „Не сошлись характерами“, 1858, — „Тяжелые дни“, 1863, — „Пучина“, 1866, — „Трудовой хлѣбъ“, 1874, и др. Во второй группѣ замѣчательны: „Свои люди — сочтемся“, 1850, — „Бѣдность не порокъ“, 1854, — „Бѣдная невѣста“, 1852, — „Въ чужомъ пиру похмелье“, 1854, — „Доходное мѣсто“, 1857, — „Воспитанница“, 1859, — „Гроза“, 1860, — „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, 1863, — „Лѣсъ“, 1871, — „Безъ вины виноватые“, 1883 и др. — Въ третьей группѣ замѣчательны: „Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ“, 1862, — „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“, 1867, — „Тушино“, 1867. Кромѣ того, особнякомъ стоятъ у Островскаго переводы дра-

матическихъ сочиненій съ италіанскаго (Теобальдо Чикони, Гольдони, Джіакометти), съ испанскаго (Сервантеса) и съ англійскаго (Шекспира). Смерть застала Островскаго за переводомъ третьяго акта трагедіи Шекспира „Антоній и Клеопатра“.

Кромѣ высокихъ художественныхъ достоинствъ въ сочиненіяхъ Островскаго со стороны развитія драматическаго движенія, созданія характеровъ и типовъ, высокой занимательности драматическихъ положеній и драматической борьбы, пьесы его замѣчательны еще съ внѣшней стороны. Въ драматическихъ хроникахъ стихъ блещетъ сжатостью и силой, художественной простотой и картинностью. Еще замѣчательнѣе проза Островскаго. Это языкъ въ высшей степени оригинальный и яркій, типичный въ смыслѣ богатства формъ, эпитетовъ и оборотовъ чисто въ духѣ великорусскаго народнаго творчества. Этимъ колоритнымъ и могучимъ языкомъ Островскій овладѣлъ сразу и проявилъ его уже въ „Семейной картинѣ“ и „Своихъ людяхъ“. Затѣмъ, во весь долгій періодъ поэтической дѣятельности Островскаго, во всѣхъ его бытовыхъ пьесахъ такой же сильный языкъ поражаетъ яркостью и національностью колорита. Русская Академія Наукъ два раза почтила произведенія Островскаго Уваровскою преміей, именно піесы: „Грозу“ и „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“. Въ своемъ торжественномъ собраніи 30 декабря 1886 г., Академія съ признательнымъ чувствомъ помянула большія литературныя и патріотическія заслуги Островскаго на поприщѣ отечественной словесности и, оцѣнивая въ сжатой формулѣ поэтическое достоинство драмъ и комедій Островскаго, съ намѣреніемъ подчеркнуть и заслуги языка его пьесъ, языка, „богатаго народными типическими выраженіями и оборотами“. Такой языкъ, какъ нельзя болѣе, стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ оригинальнымъ, національнымъ содержаніемъ и духомъ произведеній Островскаго.

Евстафіевъ.

Островскій, какъ выразитель коренныхъ основъ русскаго быта.

Изъ произведеній Островскаго оказывается, что у всего этого міра есть своего рода довольно обширная и весьма сложная цивилизація, которую надо знать даже для того,

чтобъ бороться съ нею. Темнымъ сторонамъ ея быта у Островскаго спуска нѣтъ: нравственное безобразіе остается у Островскаго всегда безобразіемъ, и въ этомъ отношеніи мудрено даже сыскать въ русской литературѣ человѣка, который бы сильнѣе и неутомимѣе бичевалъ дикія явленія выводимаго имъ общества. У насъ есть даже очень пространныя статьи объ этомъ видѣ его дѣятельности, гдѣ собраны и пояснены всѣ черты и оттѣнки необычайной картины отвращенія понятій, загрубѣнія чувствъ, равнодушія къ добру и правдѣ, представленной имъ въ своихъ произведеніяхъ. Странное обвиненіе враговъ Островскаго, что онъ писалъ эту картину, не подозрѣвая всего ея безобразія или даже сочувствуя ему — мы оставляемъ безъ вниманія: обвиненіе само принадлежитъ къ предметамъ, достойнымъ войти въ ея рамку. Но кромѣ созданія типовъ, энергически выражающихъ относительную бѣдность моральнаго смысла въ томъ кругу, гдѣ они вращаются — у Островскаго есть еще другая, художническая цѣль. Общимъ типомъ, выраженіемъ и содержаніемъ каждой своей комедіи (за весьма малыми исключеніями) онъ приводитъ читателя постоянно къ вопросу о тайнахъ русской народности, а иногда, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, даетъ возможность нащупать, такъ сказать, коренныя основы русскаго быта, черты его особеннаго пониманія правды и порядка и любимые мотивы его въ области поэзіи и творчества. Онъ за нихъ не заступается и никому ихъ не навязываетъ съ рекомендаціею: онъ заставляетъ ихъ чувствовать, и больше ничего, но въ томъ и тайная прелесть его созданія, какія бы лица тамъ ни были выводимы. — Иногда во всей его комедіи нѣтъ ни одного благороднаго, здравомыслящаго лица: хаосъ понятій и нелѣпица царствуютъ безгранично надъ всѣми дѣйствующими въ ней, безъ исключенія, и однакожъ по образамъ, которыми они выражаютъ свои нелѣпости, по полнотѣ и наивности безразсудства, по ироніи, какъ будто сознающей ужасъ и недостоинство общаго нравственнаго положенія — видно, что въ нихъ живетъ и та сила, которая нужна для выхода на свѣтъ и полнаго перерожденія. Это не то, что испорченность и дикость провинціальнаго или чиновничьяго быта, которыя безпомощны и могутъ кончиться только съ концомъ расы, племени, ими вскормленныхъ. Честное существо тутъ не одинъ смѣхъ, а

также и сила; съ ней еще могутъ ужиться всевозможныя надежды. Подъ рѣдкимъ изъ безобразныхъ выводимыхъ Островскимъ типовъ не подложена какая-либо этнографическая черта, заслуживающая полнаго, весьма серiознаго вниманiя, а какъ часто моральная неблаговидность лица является результатомъ паденiя, извращенiя и обѣднѣнiя коренной основы народнаго быта, переживающей эпоху своего разложенiя!

У Островскаго безнадежна только старая, закоренѣлая грубость, да еще испорченность, оторванная отъ народа и тѣмъ самымъ лишенная уже послѣднихъ средствъ для спасенiя своего: Липочка, Меричъ, Хорьковъ и т. д., и пр...

По свидѣтельству современныхъ писателей нашихъ — можно приближаться къ простонародiю и вообще къ разнымъ сословiямъ нашимъ съ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ состраданiя, осмѣянiя и поученiя, а именно съ намѣренiемъ открыть, изъ какихъ элементовъ слагается ихъ внутреннiй мiръ. Вотъ эту общность народныхъ мыслей, убѣжденiй и стремленiй, достойныхъ глубокаго изученiя, сосѣди наши нѣмцы, которымъ нельзя отказать въ прозванiи образованныхъ людей, обозначали мѣткимъ словомъ — народной *культуры*. Культура не есть образованность въ томъ смыслѣ, какой согласились мы придавать этому понятiю, потому что можетъ существовать отдѣльно отъ нея, самостоятельнымъ образомъ, хотя для полнаго своего развитiя нуждается въ ней, не менѣе высшихъ, правительствующихъ сословiй. Вотъ почему просимъ тысячу разъ извиненiя у ревнителей чистоты родного языка за вводъ небывалаго слова въ литературу. Сознаемся чистосердечно, что русскiй писатель не имѣетъ права прибѣгать къ новымъ словамъ, потому что никогда не открываетъ новыхъ идей, но, по крайней мѣрѣ, нельзя запретить ему пользоваться чужой мыслiю, подъ предлогомъ что въ родномъ дiалектѣ для нея нѣтъ еще *имени*. Въ какомъ же отношенiи должна находиться образованность высшихъ сословiй къ народной культурѣ? По мнѣнiю лучшихъ европейскихъ умовъ, ей предстоитъ трудная задача разобрать нравственные элементы, изъ которыхъ состоитъ народная культура, очистить ихъ отъ всего случайнаго, наноснаго, не выдерживающаго повѣрки и подъ конецъ слиться съ нею въ одно общее психическое, умственное и духовное настрое-

ніе. Путь очень далекъ, какъ видите, но онъ уже намѣченъ. Со всѣхъ сторонъ принимаются за уясненіе и опредѣленіе тайной, безсознательной мысли какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и простонародья, употребляя на это всѣ орудія образованности: статистику, этнографію, исторію и пр. Островскій принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые у насъ для той же самой работы употребляютъ — искусство.

Если бы мы захотѣли указать примѣры глубокаго проникновенія этого автора въ психическую природу русскаго человѣка, то пришлось бы разбирать бо́льшую часть его произведеній, чего мы совсѣмъ не имѣемъ въ виду. Ограничимся покамѣстъ однимъ впечатлѣніемъ, которое постоянно выносится читателемъ изъ его комедій и драмъ. Міръ, изображаемый Островскимъ, узнается всего болѣе по отсутствію выдержанныхъ характеровъ, которые способны были бы довести до героизма какъ добродѣтель, такъ и порокъ. Въ мірѣ этомъ, какъ добродѣтель, такъ и порокъ не имѣютъ рѣзкихъ очертаній, опредѣленной и стоячей формы, способной разграничить ихъ навѣкъ и сдѣлать, отдѣльно другъ отъ друга, символическими типами, которые могли бы сейчасъ перейти на полотно, въ видѣ аллегорическихъ фигуръ, допускаемыхъ живописью. Порокъ у Островскаго имѣетъ всѣ признаки нравственной распущенности, грубости и невѣжества, но видимо лишенъ средствъ окрѣпнуть до ясного, положительнаго злодѣйства, гдѣ неумѣстный законъ, строгій критикъ и поверхностный писатель могли бы накинуться на него, какъ на опредѣленную имъ добычу. Взгляните хоть на Большова (въ комедіи: „Свои люди“), этого праотца всѣхъ купцовъ-самодуровъ, изображенныхъ авторомъ впослѣдствіи. Ужъ этотъ ли не представлялъ всѣхъ задатковъ выдержанности съ его жаждой обмана, презрѣніемъ къ людямъ, семейнымъ деспотизмомъ и полнымъ отсутствіемъ всякаго моральнаго чувства. И что же онъ дѣлаетъ? Онъ погибаетъ, какъ ребенокъ, отъ безграничной довѣренности къ парню, лецимѣріе котораго хорошо видитъ, отъ дѣтской вѣры въ признательность облагодѣтельствованнаго имъ плута. Скажутъ — это только новый видъ самодурства и обыкновенной симпатіи между негодяями. Такъ — но только въ природѣ русскаго человѣка могутъ они выразиться подобнымъ забвеніямъ всякой осторожности, благоразумія и простого чувства самосохра-

нения. Съ другой стороны, и доблесть у Островскаго никакъ не возвышается до сознательнаго представленія себя, какъ доблести, до убѣжденія въ собственномъ своемъ величіи, которое помогло бы ей стать предъ людьми кичливо и назойливо, напрашиваясь на ихъ удивленіе. Доблесть эта воплощается, то въ полусумасшедшемъ мѣщанинѣ, то въ горькомъ пьяницѣ (что же за это и вытерпѣлъ авторъ отъ критики!), а иногда открывается въ самомъ ходу жизни и по движенію сердца у весьма простого и, можетъ быть, не безгрѣшнаго человѣка, да способна открыться, пожалуй, какъ будто старая рана, даже и у чистаго, несомнѣннаго порока.

Анненковъ.

Островскій, какъ народный поэтъ.

Островскій—*народный поэтъ*, хотя у него и всего менѣе того, что принято у насъ называть народными типами изъ жизни простого народа, являющагося основною стихіею русской народности. Самые крестьяне являются у него по преимуществу, въ несочувственномъ для народа видѣ оторвавшихся отъ своей земледѣльческой почвы и перешедшихъ на почву торговую. Главнымъ же образомъ встрѣчаемся мы у него съ купцами, не со вчерашняго дня съ купцами, которые могли бы, пожалуй, указать на свою особую купеческую родословную. На ряду съ ними встрѣчаемся мы у Островскаго съ барами, какъ издавними и владѣющими помѣстьями, такъ и со всякими пролѣзающими въ барство на ступенькахъ служилой лѣстницы. Все это стоящее надъ народомъ, можно сказать окрашивается въ его глазахъ одною краскою, разсматривается имъ съ одной общей точки зрѣнія. Вотъ эта-то точка зрѣнія прямо и заимствована у самаго народа нашимъ драматургомъ; она, дѣйствительно, сводится къ самодурству, которое, стало быть, недаромъ усматривалось у Островскаго, но къ самодурству, понимаемому такъ широко, что тутъ далеко недостаточно тѣхъ успѣховъ умственнаго развитія, на которые возлагали всю надежду Добролюбовъ и вслѣдъ за нимъ Писаревъ (послѣдній едва ли еще не болѣе). Типъ самодура давно уже данъ въ народной поэзіи — въ видѣ того не то новгородскаго

купеческаго, не то боярскаго сынка Васенки Буслаева, которому вполнѣ далась грамота и который, несмотря на то, пошучивалъ такимъ образомъ, что кого схватитъ за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь. Васенька, набравъ себѣ особую наемную дружину приманкою: „кто хочетъ пить, ѣсть изъ готоваго, тотъ вались къ Васенькѣ на широкій дворъ", испытавъ выносливость этой дружины ударами по лбу червленнымъ вязомъ, становится во главѣ ея, не признавая надъ собою никакого закона, и кончаетъ тѣмъ, что, вызывая на бой весь Великій Новгородъ, даетъ своей рукѣ-владыкѣ разгуляться по мужикамъ новгородскимъ — такъ и валяетъ ихъ съ моста въ Волховъ, въ этомъ смыслѣ становясь какимъ-то эпическимъ предвозвѣстникомъ историческаго Грознаго. Основа подобнаго рода подвиговъ, это сила, просто какъ *сила*, возмнившая себя и *властью*, сила, позабывшая о какихъ-либо нравственныхъ основахъ власти, о той „правдѣ-царицѣ", въ которой коренится настоящая власть. Въ Васькѣ Буслаевѣ, можно сказать, предуказаны всѣ самодуры Островскаго. Типъ народнаго эпоса широкъ — подъ него могутъ быть подведены, какъ ни грубы его богатырскія очертанія, соотвѣтственныя явленія всевозможныхъ странъ и временъ. Въ своемъ родѣ широкъ и типъ самодура въ комедіяхъ и драмахъ Островскаго (не слѣдуетъ тутъ забывать и „Василису Мелентьевну"), — онъ несравненно шире того, какъ понимала его наша критика, сводя его собственно къ зауряднымъ купцамъ и помѣщикамъ патріархальнаго покроя. Въ народномъ эпосѣ типъ самодура Васьки, не то купчика, не то боярченка, прямо противоположенъ типу крестьянскаго сына Ильи, избирающаго мѣстечко среднее между голями, не позволяющими самодурствовать и Владимиру, сдающагося передъ челобитьемъ собственно ради матушки Свято-Русь-земли ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей. Это типъ земскій, произведеніе той общинной почвы, отрозненность отъ которой представляется народу жизнію не по разуму, не по Божьему, а по вольной волѣ своихъ дурящихъ причудъ. Если міръ Гоголевскихъ типовъ назвали мы въ своемъ мѣстѣ „областью, отрозненной лично, т.-е. личности, обособившей отъ великаго цѣлаго (таковъ и міръ Грибоѣдовскій, за исключеніемъ, разумѣется Чацкаго), то то же названіе вполнѣ подобаетъ и той,

на половину купеческой, на половину помѣщичьей и служилой средѣ, которую охватилъ Островскій, какъ широкую область барства вообще. Но у него постоянно сказываются — въ людяхъ изъ разныхъ слоевъ общественныхъ и отзвуки того противоположнаго Васькѣ Буслаеву типа эпическаго, корни котораго находятся тамъ, гдѣ нѣтъ и въ поминѣ барства или какихъ-либо поползновеній на барство. Такіе отзвуки слышатся у Островскаго во всевозможныхъ варіаціяхъ, начиная съ гуляющаго, но не загубившаго въ себѣ душу живу, Любима Торцова и до степеннаго, обрекающаго себя на служеніе общему дѣлу, и свою патріархальную власть въ семьѣ Кузьмы Минина, или же поневолѣ уходящаго въ вольницу, но сохраняющаго и въ ней твердую память объ идеалѣ семейномъ и идеалѣ общественномъ, Дубровина. Писаревъ въ свое время утверждалъ, возражая Добролюбову, далѣе котораго онъ думалъ итти, будто „ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть ни сложиться въ „темномъ царствѣ“ патріархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго“. Островскій, напротивъ, умѣлъ указать намъ въ ней и указать правдиво, не одно такое явленіе, конечно, помимо превознесенной Добролюбовымъ Екатерины, которую Писаревъ вполнѣ основательно отказывался окружать какимъ-либо свѣтлымъ ореоломъ.

Мы видимъ у Островскаго, помимо ея, цѣлый сочувственный рядъ женскихъ личностей, начиная съ самоотверженной и въ своей приниженности Дуни, такъ чутко отмѣченной широкимъ сердцемъ Добролюбова, и кончая старушкой Кругловой, не сдающейся ни на какіе соблазны купца Ахова. Мы видимъ у него и нравственно стойкую Аннушку (въ „Бойкомъ мѣстѣ“), и одаренную „горячимъ сердцемъ“ Парашу, и отличающуюся не только теплотой, но и всеобъемлющей широтою сердца, Вѣру Филипповну (въ комедіи „Сердце не камень“). Ключъ къ пониманію воспроизводимой имъ, въ ея разностороннихъ явленіяхъ много объемлющей жизни далъ намъ Островскій въ нѣсколько странныхъ по формѣ, но глубокихъ по смыслу, словахъ своего Платона Зыбкина, раздѣляющаго людей на „мерзавцевъ своей жизни“ и „патріотовъ своего отечества“. Если нашъ драматургъ вывелъ предъ нами цѣлое множество „мерзавцевъ“ и „мерзавокъ“ живущихъ

во всю ширь своего заѣвшагося и оскотѣлаго эгоизма, то онъ же вывелъ предъ нами и не мало „патріотовъ“, т.-е. разнаго рода и разнаго положенія людей, не позабывающихъ о томъ, что они не одни на свѣтѣ, постоянно тяготѣющихъ къ широкому и все болѣе и болѣе расширяющему кругу— семьѣ, обществу, отечеству. При подобной нравственной закваскѣ и незначительная доля умственнаго развитія уже идетъ впрокъ. Такъ оно вышло съ тѣмъ же Платономъ, про котораго не даромъ говоритъ его мать, что онъ чему учился-то, все это за правду принялъ, всему „этому повѣрилъ“ („Правда хорошо, а счастье лучше“). Тѣмъ еще больше проку можетъ, разумѣется, такая уже большая доля развитія, какая достается студенту Мелузову („Таланты и поклонники“),— опять-таки при полнѣйшемъ отсутствіи въ немъ всякой барской, вводящей въ соблазнъ закваски. Эта послѣдняя все же, должна быть, есть у прошедшаго черезъ тотъ же университетъ Жадова, а потому-то онъ и не принялъ за правду того, чему его тамъ учили.

Такъ ярко рисуя намъ барственность въ широкомъ смыслѣ,— т.-е. совокупность тѣхъ качествъ, которыя вытекаютъ изъ пользованія, Островскій рисуетъ намъ и тѣ другіе изъяны душевные, ту степень всякаго рода приниженности, которые вытекаютъ изъ сознанія бѣднымъ людомъ всей своей зависимости отъ богачей при далеко не обезпечивающемъ трудовомъ заработкѣ. Но и тутъ онъ умѣетъ намъ показать, въ лицѣ нѣкоторыхъ замѣчательную силу нравственнаго устоя, не останавливающагося ни передъ какими испытаніями. Зато, съ другой стороны, и это особенно въ произведеніяхъ второй половины своей жизни — онъ выставляетъ предъ нами способность на сдѣлки, зависящую не оттого, что ѣсть нечего, а отъ желанія пожить широко, пожить всласть, пожить, какъ живутъ богачи-самодуры. Такая способность сказывается у него въ лицѣ разныхъ, выражаясь словами его Платона „мерзавцевъ“ и „мерзавокъ“ — преимущественно въ видѣ различныхъ свадебныхъ сдѣлокъ самаго грязнаго обманно-воровскаго характера.

Мы видѣли, что одну изъ своихъ комедій послѣдней поры Островскій озаглавилъ „Невольницы“. Но онъ вывелъ такихъ невольницъ не только въ ней, но и во многихъ другихъ, онъ вывелъ въ ней также и невольниковъ, — да невольни-

ковъ своихъ чувственныхъ наклонностей, своей нужды „широкой жизни“, приводящей ихъ къ культу золотого тельца, къ принесенію ему въ жертву самой основной изъ святынь, святыни семейнаго начала. Островскій глубоко понялъ этотъ человѣкоубійственный культъ, какъ ту болѣзнь нашего вѣка, которая подкапываетъ до того, что при этомъ культѣ невольно теряется довѣріе къ самымъ усовершеннымъ формамъ политической жизни. Островскій ярко изобличаетъ культъ въ типахъ русскаго общества, но ихъ часто приходится понимать широко — въ общечеловѣческомъ современномъ смыслѣ. Съ обличеніемъ культа золотого тельца въ его пьесахъ соединяется могучій запросъ на ту силу нравственную, безъ которой, выражаясь языкомъ Посошкова, „ни коими дѣлы невозможны“

Онъ рисуетъ намъ и картины самого глубокаго нравственнаго паденія и картины высокаго нравственнаго устоя, пересиливающаго всякую среду. Онъ, подобно другимъ нашимъ современнымъ писателямъ (за исключеніемъ Писемскаго) является въ одно и то же время и полнѣйшимъ реалистомъ и истымъ идеалистомъ (Писемскій только реалистъ или даже натуралистъ). Подобно имъ, онъ и въ этомъ какъ въ широтѣ пониманія имъ самодурства со всѣми его общественными послѣдствіями и единственными вѣрными средствами противъ него,— настоящій народный писатель. *Ор. Миллеръ.*

Новизна содержанія и формы комедій Островскаго.

Дѣятельность Островскаго начинается собственно съ 1847 г. вотъ все до сихъ поръ имъ написанное въ хронологическомъ порядкѣ: 1) *Сцены изъ замоскворѣцкой жизни*, 1847 г. — Напечатаны въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ — журналѣ, издававшемся только годъ. Тутъ же, между прочимъ, появилась одна сцена изъ комедіи „Свои люди — сочтемся“, носившей тогда названіе „Банкрутъ“. 2) *Очерки Замоскворѣчья* — небольшой разсказъ, — въ томъ же году, въ томъ же журналѣ. 3) *Свои люди — сочтемся*, комедія въ 4 дѣйствіяхъ,—въ „Москвитянинѣ“ 1850 года. 4) *Утро моло-*

дого человѣка, сцены; въ „Москвитянинѣ“ 1850 года. 5) *Неожиданный случай*, сцены; въ альманахѣ: „Комета“ 1851 г. 6) *Бѣдная невѣста*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ,—въ „Москвитянинѣ“ 1852 года. 7) *Не въ свои сани не садись*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ,—въ „Москвитянинѣ“ 1853 г. 8) *Бѣдность не порокъ* комедія въ 3 дѣйствіяхъ — напечатана отдѣльно въ 1854 году. 9) *Не такъ живи, какъ хочется*, драма въ 3 дѣйствіяхъ. Самое первое изъ этихъ, исчисленныхъ нами, большихъ и небольшихъ, болѣе или менѣе удачныхъ, но каждое въ своемъ родѣ оригинальныхъ произведеній — носило уже на себѣ яркую печать самобытности таланта, выражавшейся и 1) въ новости быта, выводимаго авторомъ и до него еще не початаго, если исключить нѣкоторые очерки Вельтмана и Луганскаго, очерки, набросанные, такъ сказать, вскользь, мимоходомъ, и 2) въ новости отношенія автора къ изображаемому имъ быту и выводимымъ лицамъ, и 3) въ новости манеры изображенія, и 4) въ новости языка,—въ его цвѣтистости, особенности. Изо всего этого новаго, что съ первой минуты своего появленія въ литературу приносилъ съ собою молодой поэтъ, — критика въ состояніи была, да и теперь еще находится, — понять только новость изображаемаго имъ быта. „Сцены“ — которыя, относительно оконченности отдѣлки, представляютъ едва ли не совершеннѣйшее произведеніе ихъ автора — прошли почти что не замѣченныя: и не мудрено! онѣ едва ли составятъ печатный листъ. Еще менѣе замѣчена была новость взгляда автора въ маленькомъ разсказѣ: „Очерки Замоскворѣчья“ — единственномъ произведеніи, вылившемся у него въ драматической формѣ. Появленіе комедіи: „Свои люди — сочтемся“ — какъ слишкомъ рельефной, слишкомъ яркой — надѣлало много шуму; но весьма странно, что оно не вызвало ни одной дѣльной критической статьи. Комедія только изумила критику, и комическое отношеніе критики къ комедіи изображено весьма остроумными, хотя нѣсколько рѣзкими чертами въ извѣстной шуткѣ Эраста Благонравова. Но, какъ ни недоумѣвала критика, а все-таки, пораженная и комедіей и общественнымъ о ней мнѣніемъ, не могла рѣшить вопроса иначе какъ такъ, что явился талантъ сильный, свѣжій и... наиболѣе близкій къ таланту, нынѣ спящему въ могилѣ, къ таланту первенствовавшему тогда по всѣмъ

правамъ. Бѣдная критика! вотъ въ этомъ-то она и, ошиблась, въ этомъ-то таился тогда и обнаруживается теперь источникъ ея недоразумѣній. Съ этого-то пункта и начинается настоящая *исторія* новаго явленія въ литературѣ. „Новое слово" — выраженіе, отъ котораго авторъ сей статьи всего менѣе, конечно, способенъ отрекаться, несмотря на глумленія, которыя пройдутъ, если ужъ не прошли, — „новое слово ускользнуло отъ опредѣленія старой критики, а теперь уже не такъ далеко отъ нея, что она его и видитъ „да зубъ нейметъ", какъ говорится. Комедію „Свои люди, — сочтемся" еще можно было какъ-нибудь, съ великими, правда, натяжками, связать съ мудрыми заключеніями критики обо всемъ предшествовавшемъ въ литературѣ, и съ еще болѣе мудрыми гаданіями ея насчетъ будущаго: все послѣдующее такъ явно отдѣлилось отъ этихъ заключеній, что поневолѣ должно было разсердить критику, задѣть самыя больныя ея мѣста, коснуться самыхъ ветхихъ ея построекъ, на которыя вѣтеръ дунь хорошенько, такъ онѣ упадутъ.

И критика стала въ очевидно комическое положеніе къ новому явленію. Явилась „Бѣдная невѣста" — а она ждала совсѣмъ не того послѣ комедіи „Свои люди — сочтемся". Еще прежде Островскій разсердилъ критику отсутствіемъ желчи, рѣзкости въ опредѣленіяхъ линій, наивностью манеры въ граціозныхъ сценкахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Неожиданнаго случая" — сценкахъ, говоря par parenthèse — гораздо болѣе тонкихъ, чѣмъ многія прославленныя критикою тонкости; съ появленія „Бѣдной невѣсты" критика положительно начинаетъ сердиться на лица, выводимыя поэтомъ. Буквально такъ! Ни въ одной статьѣ, писанной въ журналахъ по поводу той или другой драмы Островскаго, вы не встрѣтите и въ поминѣ вопросовъ художественныхъ. Критика постоянно сердится на лица, на манеру отношеній автора къ изображаемому имъ быту, т.-е. на самый бытъ, растворяющій передъ нею свои широкія, гостепріимныя двери; постоянно становится то въ положеніе Мерича или даже Милашина, — то въ положеніе Виктора Аркадьича Вихорева и жены Маломальскаго, или тетушки, набравшейся въ Таганкѣ образованія, то въ положеніе Гордея Карпыча Торцова. Съ ихъ точки зрѣнія она смотритъ, съ ихъ точки зрѣнія винитъ Хорькова въ неблагородствѣ поступковъ; Ру-

сакова и Бородкина хочетъ увѣрить, что они не могутъ существовать; въ Любимѣ Торцовѣ не видитъ ничего, кромѣ пьянства; Любовь Гордеевну упрекаетъ въ отсутствіи личности; Митю производитъ въ юродивые. Дѣло въ томъ, однимъ словомъ, что критика постоянно сердится, обижается, вламывается въ амбицію. Явленіе чрезвычайно важное, поучительное и, какъ, вѣроятно, читатели видятъ сами, совершенно несомнѣнное. Оно-то и поведетъ насъ къ вопросамъ, возникающимъ изъ драмъ Островскаго, — вопросамъ въ высшей степенни достойнымъ того, чтобы попытаться поискать ихъ разрѣшенія. За что же сердится и обижается критика, что оскорбляетъ ее въ произведеніяхъ Островскаго? Чтобы постепенно добраться до основаній ея раздраженнаго чувства, начнемъ съ перечисленія признаковъ ея явно болѣзненнаго состоянія, т.-е. съ перечисленія тѣхъ лицъ или положеній въ драмахъ Отровскаго, на которыя она сердится. 1) „Неожиданный случай“ встрѣтила она насмѣшками и пародіями за безцвѣтность, по ея мнѣнію, выведенныхъ характеровъ, за слабость пружинъ, двигающихъ ихъ отношенія между собою, за ничтожность самаго узла, завязавшаго эти отношенія, т.-.е въ переводѣ на прямой языкъ, осердилась на то, что отношенія сами по себѣ легкія, поэтъ очеркнулъ легко, характеры безосновные изобразилъ въ ихъ безосновности — не выдумалъ гиперболическаго узла, не отнесся съ ядовитою насмѣшкою къ такимъ беззлобнымъ и невиннымъ существамъ, какъ Розовый и Дружнинъ. Пародія, явившаяся на этотъ легкій и граціозный очеркъ, которому, впрочемъ, ни авторъ ни мы не придаемъ большого значенія, выставили ясно, какой грубости и рѣзкости представленія требуетъ критика, — замѣтьте та самая критика, которая ни слова не говорила о ничтожности характеровъ, безосновности завязокъ и пустотѣ содержанія различныхъ великосвѣтскихъ пословицъ въ драматической формѣ, — та самая критика, которая восхищается необычайною тонкостью пословицъ А. де Мюссе, легкостью его очерковъ! 2) „Бѣдная невѣста“ разсердила критику, во-первыхъ, тѣмъ, что Меричъ — неизвѣстно какого званія; во-вторыхъ тѣмъ, что у Марьи Андреевны нѣтъ характера; въ-третьихъ, тѣмъ, что Хорьковъ поступаетъ неблагородно, передавая любовныя письма Мерича; въ-четвертыхъ, тѣмъ, что выведено такое

безцвѣтное лицо, какъ Милашинъ. Переведемъ опять на простой языкъ: критикѣ, очевидно, досадно было, что Меричъ лишенъ авторомъ тѣхъ чертъ, которыя — вставь ихъ только — закроютъ отъ глазъ читателя его внутреннюю бѣдность и ничтожество, и сдѣлаютъ его героемъ любой изъ унылыхъ повѣстей, оплакивающихъ судьбу несчастныхъ женскихъ натуръ, подавленныхъ грубою сферою быта. Критикѣ досадно было на Марью Андреевну, что грубость требованій окружающаго быта не будитъ въ ней, говоря любимыми словами критики, *протеста*, что *протестъ* не обращается въ ея натурѣ въ нѣчто постоянное. Критикѣ досадно было, что въ Хорьковѣ нѣтъ той ложной деликатности, которая позволитъ скорѣе видѣть гибель любимаго существа, нежели нарушить условныя приличія. Критикѣ, наконецъ, больно было разоблаченіе всей безцвѣтной ничтожности натуръ, подобныхъ натурѣ Милашина.

3) Комедія „Не въ свои сани не садись" — своимъ огромнымъ сценическимъ успѣхомъ опять ошеломила критику. Долго не рѣшалась она высказать своего негодованія на существованіе Русакова и Бородкина, и только въ недавнее время объявила комедію слабою, лица Бородкина и Русакова невозможными, съ оговоркою насчетъ „Бѣдной невѣсты", какъ произведенія несравненно болѣе замѣчательнаго, — въ томъ же самомъ журналѣ, гдѣ хвалилась, какъ нельзя больше, комедія „Не въ свои сани не садись" и порицалась, осмѣивалась „Бѣдная невѣста", вмѣстѣ съ новымъ словомъ — выраженіемъ автора сей статьи. Въ одной изъ газетъ своихъ, критика откровенно призналась, что новое слово точно есть, что она его видитъ въ комедіяхъ Островскаго, но что самое это новое слово ей не нравится. 4) „Бѣдность не порокъ", самая смѣлая, хоть и не самая оконченная изъ драмъ Островскаго, не могла не разсердить критику, находящуюся въ совершенно болѣзненномъ положеніи — и за Гордея Карпыча и за Любима Торцова: Гордей Карпычъ—каковъ онъ ни-на-есть, все-таки представитель стремленій выйти изъ *грубаго* и непонятнаго критикѣ быта. Любимъ Карпычъ въ глазахъ критики только пьяница и ничего больше. Его стремленій выйти изъ метеорскаго званія, войти снова въ семью, имѣть честный кусокъ хлѣба,—его раскаянія, его порывовъ критика не могла оцѣнить: трагическая сторона его поло-

женія отъ нея ускользнула. На Митю критика осердилась за то, что Богъ создалъ его съ даровитою, нѣжною и простой душою; Любовь Гордеевну опять обвинили за отсутсвіе личности, какъ прежде Марью Андреевну. На второй актъ комедіи осердилась критика за то, что авторъ безъ церемоніи ввелъ публику въ самый центръ нравовъ, обычаевъ, веселья того быта, который онъ изображаетъ.

5) Послѣдняя драма Островскаго, еще болѣе смѣлая по мысли, широкая по содержанію, новая по характерамъ, и еще болѣе небрежная по формамъ, или, лучше сказать, пренебрегающая формами, извѣстна критикѣ только по представленію, — но критика успѣла уже выразить свое неудовольстіе, успѣла уже вырвать изъ нея и недобросовѣстно изуродовать нѣсколько выраженій. Дѣло простое и понятное: новость драмъ Островскаго, и въ особенности смѣлая новость послѣдней драмы, есть чувствительное оскорбленіе одряхлѣвшей критикѣ.

6) Вообще, наконецъ, критика начала изъявлять неудовольствіе на языкъ, или, по ея выраженію, на *жаргонъ*, которымъ писаны драмы Островскаго. Она и въ самомъ дѣлѣ наивно увѣрена, что языкъ въ комедіи Островскаго — мѣстный провинціализмъ, странность, которую, какъ говорятъ, поигралъ да за щеку, — нѣчто въ родѣ *пейзанскаго жаргона*, употребляемаго напримѣръ, Мольеромъ въ „Le Médecin malgré lui“, въ „Le Festin de Pierre“ и другихъ пьесахъ. Чего жъ бы хотѣла критика? Чтобы лица драмъ Островскаго говорили не языкомъ ихъ быта? Да, вѣдь, это противорѣчило бы эстетическимъ положеніямъ всякой критики, даже и той, съ которой мы въ настоящую минуту имѣемъ дѣло, да и Островскій притомъ — художникъ такого рода, которому типы при ихъ созданіи предстаютъ не иначе, какъ съ своимъ языкомъ каждый: иначе для него типъ и немыслимъ.

7) Съ начинающимся неудовольствіемъ на *жаргонъ* драмы Островскаго тѣсно связано неудовольствіе на самый бытъ, имъ изображаемый. Собственно, критика сама не знаетъ, чего она хочетъ. При появленіи „Бѣдной Невѣсты“ раздались ея сѣтованія, что Островскій оставилъ бытъ, который онъ такъ мастерски изображаетъ; теперь она вопіетъ на то, что этотъ бытъ говоритъ своимъ языкомъ, имѣетъ

свои, ей невѣдомые, нравы, представляетъ свои типы, которые она не желала бы видѣть выводимыми, и въ несуществованіи которыхъ она такъ жарко хотѣла бы убѣдить и себя и другихъ. Солонъ ей этотъ бытъ, солонъ его языкъ, солоны его типы — солоны по ея собственному состоянію. Вотъ и вся разгадка. Нѣтъ критикѣ дѣла ни до какихъ естественныхъ вопросовъ. Найдите хоть въ одной статьѣ ея указаніе на эстетическіе промахи автора. Ихъ нѣтъ положительно, — или такія указанія встрѣчаются только въ статьяхъ нашего журнала.

„Новое слово!" — употребляю теперь съ нѣкоторою гордостью это выраженіе, высокопарность котораго выкуплена легкомысленнымъ или недобросовѣстнымъ посмѣяніемъ, которому оно подверглось, — вотъ коренная, основная причина негодованія старой критики на писателя, которому по всему праву, по общему признанію массы, принадлежитъ, несмотря на его недавнее появленіе, несмотря на нѣкоторые недостатки, — несомнѣнное первенство въ современной литературѣ.

Въ 1847 до 1855 года Островскій написалъ всего только 9 произведеній, и изъ нихъ только *пять* значительныхъ по объему и *шесть* по содержанію, только *четыре* изъ нихъ даются на театрѣ, — но эти *четыре*, безъ церемоніи говоря, создали народный театръ; — частію создали, частію выдвинули впередъ артистовъ, — пробудили общее сочувствіе *всѣхъ* классовъ общества, измѣнили во многихъ взглядъ на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованія мы не подозрѣвали и которые тѣмъ не менѣе несомнѣнно существуютъ, — съ отношеніями въ высшей степени новыми, драматическими, съ многоразличными сторонами русской души, и глубокими, и трогательными, и нѣжными, и разгульными, — сторонами, до которыхъ никто еще не касался. Право гражданства литературнаго получило множество яркихъ опредѣленныхъ образовъ, новыхъ живыхъ созданій въ мірѣ искусства — и все это прошло безъ урока для критики. Талантъ уже породилъ толпу подражателей, и грубыя подражанія печатались въ ея журналахъ, — а она продолжала глумиться надъ новымъ словомъ таланта!

Таково положеніе вопроса о новомъ явленіи. Что же именно есть въ немъ такого новаго, что не принимается

критикою, — ибо вопросъ, что она враждуетъ не во имя эстетическихъ положенiй, мы считаемъ рѣшеннымъ. Новы въ талантѣ Островскаго, какъ во всякомъ самобытномъ талантѣ—содержанiе и форма. Подъ содержанiемъ разумѣю я: 1) общее отношенiе поэта къ жизни, его мiросозерцанiе; 2) типы, имъ создаваемые, и манеру ихъ изображенiя. Подъ формою. 1) самобытность постройки произведенiй и 2) особенность языка. По этимъ категорiямъ и слѣдовало бы разсмотрѣть вопросъ о талантѣ Островскаго безотносительно: но чтобы нагляднѣе и яснѣе представить дѣло, должно употребить нѣсколько окольный путь, начать ab ovo. Новое слово Островскаго есть самое старое слово — народность: новое отношенiе его есть только прямое, чистое, непосредственное отношенiе къ жизни. *Григорьевъ.*

Влiянiе Островскаго на артистовъ.

Не довольствуясь своимъ влiянiемъ на драматическую сцену, въ качествѣ драматическаго писателя, Островскiй желалъ влiять и на воспитанiе молодыхъ артистовъ. Особенно эта задача въ его дѣятельности получила замѣтный толчокъ, съ закрытiемъ драматическаго класса въ московскомъ театральномъ училищѣ. Сознанiе необходимости создать практическую школу для молодыхъ талантовъ и дать имъ средства проявить и развить свои дарованiя вызвало къ союзу представителей всѣхъ отраслей искусства: литераторовъ, актеровъ, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ. Этотъ союзъ, кромѣ задачи, намѣченной Островскимъ, задался другими цѣлями. И вотъ результатомъ этого движенiя было образованiе и открытiе въ Москвѣ Артистическато кружка. Цѣль этого союза, какъ она уже была формулирована въ уставѣ 1870 года, послѣ четырехлѣтнихъ указанiй опыта, заключалась въ распространенiи въ публикѣ правильныхъ понятiй о всѣхъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ и въ развитiи ея эстетическаго вкуса, въ доставленiи начинающимъ артистамъ и художникамъ возможности сдѣлаться извѣстными публикѣ. Поэтому собранiя членовъ кружка назначались, между прочимъ, для представленiя драматическихъ пьесъ, т.-е. въ этихъ собранiяхъ предполагалось устраивать семейно-драматическiе вечера,

въ которыхъ бы исполнителями драматическихъ произведеній являлись члены кружка — артисты-любители. Собраніе это и было открыто 14-го ноября 1866 года въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ. Однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ этого дѣла былъ А. Н. Насколько онъ считалъ дѣло это важнымъ и существеннымъ, видно изъ того, что день открытія этого кружка онъ самъ считалъ однимъ изъ лучшихъ дней своей жизни. „Памятно мнѣ также", писалъ Островскій 12 декабря 1875 года въ альбомѣ М. В. Семевскаго, и „14-го ноября, день открытія Артистическаго кружка, объ устройствѣ котораго такъ дѣятельно хлопотали мы съ покойнымъ Н. Г. Рубинштейномъ. Артистическій кружокъ нѣкоторымъ образомъ замѣнилъ театральную школу: онъ далъ московской сценѣ П. М. Садовскаго, О. О. Садовскую (Лезареву) и В. А. Машкеева; въ немъ же въ первый разъ познакомилась московская публика съ огромнымъ талантомъ П. С. Стрепетовой".

Состоявшіеся въ Москвѣ въ маѣ 1867 года всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ не могли пройти безъ участія Островскаго въ этомъ общественномъ явленіи чрезвычайной важности. Какъ извѣстно, наканунѣ отъѣзда славянскихъ гостей изъ Москвы, 26-го мая, Артистическій кружокъ устроилъ для гостей скромное угощеніе: музыкально-литературный вечеръ и чай. Литературный отдѣлъ праздника начался привѣтствіемъ славянскимъ гостямъ старшины кружка А. Н. Островскаго отъ имени гг. членовъ. Въ короткихъ словахъ онъ выразилъ гостямъ сердечный привѣтъ и желаніе: да процвѣтаетъ искусство въ нашей и ихъ странѣ, и да выражается въ немъ общее родное намъ славянское чувство. Старшина кружка, А. П. Плещеевъ прочелъ въ русскомъ переводѣ разсказъ К. Я. Ербена (чеха, бывшаго на праздникѣ въ числѣ пріѣхавшихъ славянскихъ гостей) изъ земскихъ народныхъ преданій „Водяникъ" и переложеніе А. Н. Майкова сербской пѣсни „Сербская церковь". Затѣмъ И. Ѳ. Горбуновъ разсказалъ нѣсколько сценъ изъ народнаго быта съ своимъ неподражаемымъ искусствомъ. Успѣхъ вечера и подъемъ настроенія увеличился, когда Н. В. Бергъ, только что вернувшійся изъ далекаго путешествія, прочиталъ свое стихотвореніе, въ которомъ особенно сочувственно была привѣтствована и хозяевами и гостями такая строфа:

Что бы тамъ ни разгласила
За границею молва,
Братья, все-таки мы сила,
Прага, Бѣлградъ и Москва!
Вѣрю я благой судьбиной,
Рано ль, поздно ль, — все равно,
Будемъ съ вами духъ единый,
Въ чувствахъ, въ помыслахъ — одно.

Затѣмъ артистъ Малаго театра Н. Е. Вильде прочиталъ прочувствованное стихотвореніе по поводу чудеснаго спасенія жизни императора Александра II отъ покушенія Березовскаго въ Парижѣ 25-го мая. Хозяева подали примѣръ гостямъ, которые тоже заговорили. Русскій изъ Галиціи Павлевичъ сказалъ слово по-русски; Лаза Костичъ прочелъ сербскіе стихи, чехъ Гура произнесъ рѣчь; сербъ Субботичъ — стихи. Долго оставались гости въ кружкѣ; дружеская чаша долго переходила изъ рукъ въ руки. Разошлись уже въ четыре часа утра. *Носъ.*

